

С.С.НЕРЕТИНА

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

КНИГА БЫТИЯ
И САЛИЧЕСКИЙ
ЗАКОН

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ПОМОРСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

С.С.НЕРЕТИНА

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

**КНИГА БЫТИЯ
И САЛИЧЕСКИЙ
ЗАКОН**

Архангельск

Издательство Поморского международного
педагогического университета им.М.В.Ломоносова

1995

ББК 86,
Н 541

Неретина С.С.

Н 541 Верующий разум. Книга бытия и Салический закон. – Архангельск: Изд-во Поморского педуниверситета, 1995. – 320 с.

ISBN 5-88086-097-3

Книга представляет собой авторскую систематизацию и литературную обработку материала семинара «Введение в средневековую культуру», организованного в одной из московских школ в духе проекта В.С.Библера «Школа диалога культур». Занятия семинара посвящены текстологическому анализу Библии и «Салической правды» (VI в.).

В приложениях помещены статьи автора «Прецедент «Салического закона» и (в авторском переводе с латыни) фрагменты «Схоластической истории» Петра Коместора.

Книга рассчитана на историков философии и культуры, аспирантов и студентов гуманитарных вузов, старшекласников гуманитарных школ и гимназий.

Издано в авторской редакции.

9П5(03)-95-заказн.

ББК 86

ISBN 5-88086-097-3

© Неретина С.С., 1995
© Издательство Поморского
международного педагогиче-
ского университета
им. М.В.Ломоносова, 1995
© Центроконцепт.
Компьютерная база данных,
1995

**УЧАСТНИКИ СЕМИНАРА
«ВВЕДЕНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВУЮ
КУЛЬТУРУ»:**

Светлана Сергеевна Неретина – руководитель

Татьяна Борисовна Михайлова – преподаватель
литературы

Михаил Семенович Гисин – отец Олега Гисина

Олег Батлук
Илья Вольский
Наталья Гайдай
Олег Гисин
Александр Каневский
Сергей Мельников
Александр Регинский
Ирина Секретева
Петр Суворов
Мария Тарасенко
Ольга Тарасенко

ученики 10 класса

СОДЕРЖАНИЕ

Первый пролог, в котором объясняется замысел семинара. Экспозитор С.С.Неретина	6
Второй пролог, или краткое введение в контекст средневековой культуры. Экспозитор С.С.Неретина	12
День первый: о начале творения мира. Экспозиторы Сергей Мельников и Наталья Гайдай	33
День второй: введение в историю Салического закона; попытка понять, о чем идет речь. Экспозитор С.С.Неретина	47
День третий: о том, что такое «естественное». Экспозитор отсутствует	53
День четвертый: о связи понятий «речь», «вода», «жизнь». Экспозитор Сергей Мельников	63
Вечер четвертого дня: что такое закон по «Салической правде». Экспозитор Олег Батлук	84
День пятый: подступы к тому, что такое слово сквозь время и вечность. Экспозитор Сергей Мельников	87
Вечер пятого дня: уловки вора, по «Салической правде». Экспозитор Петр Суворов	98
День шестой: о понятии рода. Экспозитор Александр Регинский	106
Вечер шестого дня: закон как прецедент – закон как обычай. Экспозитор Наталья Гайдай	111
День седьмой: в начале было Слово. Экспозитор Олег Гисин	118

День восьмой:	129
Олег Гисин. Реферат книги А.Я.Гуревича «Категории средневековой культуры»	
День девятый:	137
стыдно быть различными. Экспозитор Михаил Семенович Гисин	
День десятый:	153
Олег Гисин. Реферат книги Л.П.Карсавина «Монашество в средние века»	
Вечер десятого дня:	170
хозяйство салических франков. Экспозитор Ирина Секретева	
День одиннадцатый:	176
община или индивид? Экспозитор Ирина Секретева	
День двенадцатый:	192
обряды и ритуалы салических франков. Экспозиторы Ольга и Мария Тарасенко	
День тринадцатый:	199
числа и их значения в «Салической правде» и в Библии. Экспозитор Т.Б.Михайлова	
День четырнадцатый:	218
деньги, по «Салической правде». Экспозитор Александр Каневский	
Вечер четырнадцатого дня:	220
жизнь и смерть в Библии и книге Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать». Экспозитор Петр Суворов	
День пятнадцатый:	226
о роде и виде по книге Боэция «Комментарии к Порфирию», «Салической правде», Библии. Экспозитор Наталья Гайдай	
Вместо эпилога	241
Приложение I	246
С.С.Неретина. Прецедент «Салического закона»	
Приложение II	282
Петр Коместор. Схолическая история (фрагмент)	

Первый пролог, в котором объясняется замысел семинара

В 1989 г. после учительской конференции, посвященной средневековой культуре, Т.Б.Михайлова, бывшая тогда классным руководителем одной из московских школ, предложила мне вести в ее классе уроки латыни и спецкурс по Средневековью. Такая перспектива была для меня пугающей (я не учитель-профессионал и не имела никакого опыта работы в

О семинаре см.: XVII век, или Спор логических начал. М., 1991.

средней школе), но не неожиданной. Т.Б.Михайлова интересовалась проектом Школы диалога культур, разработанным В.С.Библером, я

же почти 25 лет работала в его семинаре «Диалог культур», начавшемся в середине Шестидесятых годов, пережившем «домашний» период Семидесятых и Восьмидесятых и преобразованном на границе с Девяностыми в группу «Архэ», в которой вместе с философами сотрудничают и психологи, разрабатывавшие вместе с ним проект этой Школы.

Школа диалога культур. Основы программы. Кемерово. Алеф, 1992.

Проект Школы опубликован, мне незачем его повторять. Я хочу – в порядке размышления – заострить внимание лишь на одном

моменте. Чтобы идея диалога была раскрыта всерьез, как идея *смыслопорождения, взаимопонимания* между субъектами разных культур, *обнаружения этих субъектов* «за» тканью произведения в вопрос-ответ-вопросной ситуации, нужно проводить серьезный *текстологический анализ* любых документов внутри каждого предмета. Этот анализ серьезным должен быть не только для школьников, впервые открывающих тот или иной источник, но и для учителя, который, казалось бы, знает его вдоль и поперек, но каждый раз

при углублении знания культурного контекста и при учете иных диалогических голосов (каждый новый ученик – новый ответственный голос) открывает в нем и иные смыслы, как бы заново производит старый и неизменный текст. Не исключено, что таким *учителем должен в современной школе оказаться ученый*, который сейчас, сию минуту профессионально разрабатывает предложенную учащимся проблему. В этом случае все участники диалога будут свидетелями ее рождения, ее парадоксов и трудностей, когда возможно предельное доведение какой-либо одной логики до сократовского «остолбенения» и обнаружение – в точке завершения такой логики, за пределами *этого* разума – иных возможностей развития проблемы, иной логики.

Задача, конечно, трудна. Она требует переустройства *всей* системы образования – не только среднего, но и высшего. Школе нужен учитель, который был бы не посредником между не-знанием и высокой наукой, доводящим (просвещающим) профана до некоего общедоступного и *несомненного* образовательного уровня, символом которого является учебник, а творцом, испытывающим самые начала знаний (ищущим в них ответа на свои вопросы в качестве со-мнения, со-мыслия), знающим прошлый и современный контекст своего предмета и вместе умеющим видеть в собеседниках (какого бы малого возраста они ни были) не объект для втискивания необходимой суммы знаний, а партнеров по поискам.

Ответственность и серьезность намерения раскрыть проблему уведет и от бесплодного многословия и сделает несущественным вопрос, подчас звучащий на разного рода симпозиумах: не оказывает ли учитель, озадачивающий учеников какой-либо проблемой, невольного давления на учеников, навязывая им для обсуждения тему, не ими рожденную? Боязнь эта мне кажется ложной еще и потому, что при равноправии диалога голос многоопытного и многознающего учителя должен

звучать наравне с учениками во избежание игры в поддавки. К тому же одной из существенных особенностей интеллигента является умение включить интеллект в обсуждение *предложенной* темы: в ответ рождаются новые вопросы, исходящие уже от любого участника дискуссии. Мысль И.Канта, что нужно учить не мыслям, а мыслить, может стать эпиграфом для *новой школы, в которой учитель и ученик попеременно меняются местами*, кафедра перестает возвышаться над партами, а собеседники усаживаются за круглый стол сосредоточенной дискуссии. *Разновозрастность* здесь не только не мешает, но как раз способствует такой сосредоточенности, без которой диалог легко может превратиться в формальный обмен репризами между учителем и учеником, более или менее интересный в зависимости от артистизма каждого. Можно даже сказать: разновозрастность — условие диалога.

Кстати говоря, принцип диалога, при котором отсутствует резкая грань между учителем и учеником, соединение начал авторитета и свободного исследования, где, по словам замечательного мыслителя

Федотов Г.П. | русского «серебряного века»
Абеляр. Пб., 1924, | Г.П.Федотова, всякий юный
с. 14. | «Давид» может испробовать свои
силы против «Голиафа»,

демонстрируя свое умение анализировать текст, — это характерные черты средневековой культуры, голос которой сквозь столетия властно зазвучал в современности, прорвавшись сквозь многолетние заклинания о «мрачной ночи» Средневековья, о его мракобесии и борьбе со светом знания.

Все это вместе взятое побудило меня согласиться на предложение Т.Б.Михайловой: я оказалась перед необходимостью практически осуществить то, что предполагалось теорией. То, что у нас получилось, можно назвать Кратким введением в средневековую культуру: мы начали со второй половины школьного года, почти ни у кого не было даже первоначальных

знаний о Средневековье вообще (на предварительном обсуждении мало кто вспомнил о Крестовых походах, туманом было окутано понятие «феодализм»), однако было желание знать и еще большее желание понять начало того, что в конце XX в. способствовало взрыву в нашей стране христианской религиозности. Средневековье же религиозно насквозь.

Мы занимались, однако, не религиозной, а культурной проблематикой, отделенной от первой узкой полосой *произведений*: их мы и стали читать, пытаясь анализировать едва ли не каждое слово, чтобы освободить его от вековых наслоений и обнаружить изначальные замыслы. Первым текстом стала «Книга книг» – Библия, или Священное писание, лежавшее в основе средневековой культуры, и изучали мы его не как религиозное произведение, а как произведение культуры. Предполагалось, что мы будем сопоставлять ее данные с данными Отцов церкви, или патристики (от *pater* – отец), с идеями древних философов и с собственно средневековыми комментариями к ней, главным образом со «Схоластической (т.е. школьной. – С.Н.) историей» руководителя парижской соборной школы Петра Коместора (ум. в 1179 г. или в 1198 г.). Вторым текстом стал юридический документ раннего Средневековья (VI в.) – «Салическая правда», являвшаяся основным законом на протяжении многих веков. Оба текста, разные по жанру и назначению, обнаружили одну из важнейших именно средневековых характеристик – роль случая (казуальность, прецедентность) как ведущей силы истории.

Все участники семинара были полнокровными и полноправными собеседниками, укреплявшими, а порою – это будет видно из текста – изменявшими мою собственную концепцию средневековой культуры. Я им искренне за это признательна.

Работа наша проходила в квазисредневековой форме. Каждое занятие начинал так называемый экспозитор, который должен был прочесть текст и ознакомить слушателей с постановкой вопроса. Он же

исполнял функции лектора (мы его по-чиновничьи называем докладчиком), представлявшего свою точку зрения или истолкование, подвергавшееся обсуждению. Последнее, правда, не всегда осуществлялось. Не все участники семинара одинаково интенсивно дискутировали на предложенную тему. Сказывалась разная степень подготовленности и заинтересованности. Но я лично не вижу большой беды в молчаливом присутствии некоторых семинаристов при активности основного — 4 или 5 человек — ядра. Это напряженное, вдумчивое, вникающее молчание: я видела, как сказывались наши беседы на других предметах в ином материале.

К сожалению, оказалось много промахов: развитие того или иного замысла шло более тривиально, чем могло бы быть. Часто этому способствовала моя собственная растерянность перед новизной дела, позволившая изначально снизить накал средневековых проблем и приведшая к тому, что описательность вытесняла теоретичность, а нередко и полная неподготовленность слушателей к восприятию понятийного аппарата, и незнание ими более широкого контекста средневековой жизни и мысли, а главное — следование штампам предыдущего историко-идеологического образования. Так, иногда модернизировался комментарий к Библии; ввиду общей загруженности школьников остались непрочтенными даже в отрывках трактаты античных философов. (Правда, чтение Августина и Боэция вызвало такой интерес, что породило новый спецкурс, который мы проводили уже в 11 классе, — «Развитие философского жанра исповеди»).

К сожалению также, большая часть участников семинара по средневековой культуре игнорировала занятия латинским языком. Сказался старый штамп: язык — для любителей лингвистики; отпугивала и его трудность. Между тем параллельные занятия латынью облегчили бы и понимание авторских замыслов, и сравнение перевода и оригинала, что воочию позволило

бы обнаружить семантические сдвиги, происходящие из-за разницы стилей мышления разных народов, смены культурных эпох, временных наслоений.

Повторю: мы лишь начинали текстологический анализ, во время которого с большими трудностями, наблюдая за созданием первого человека, меняли собственное сознание и мышление. Наш комментарий к трем первым главам Книги бытия в силу упомянутых трудностей и в силу нашего инокультурного положения не во всем соответствовал и не мог, не должен был соответствовать ни ветхозаветному, ни средневековому пониманию, хотя нам и «помогал» Петр Коместор: мы тем и обнаруживали нашу нетождественность. Но он был средневеков тем, что это был именно комментарий к основополагающему произведению, слово за словом истолковывающий текст. Мы занимались той же работой, что и школяры XII в., ибо комментирование было формой философского труда того времени. Столкнув три способа мышления, мы, собственно, и высекали искру культуры. Одно только это обнаруженное трудное движение к самим себе и служит оправданием решения издать наши слабые опыты. Несколько слов о построении книги: на поля мы выносили некоторые особенно характерные для Средневековья понятия, раскрывая те из них, которые не раскрыты в тексте, даты событий и имена, а также ссылки на литературу и пояснения к тексту – это своего рода глоссы. В Приложении I печатается моя статья «Прецедент «Салического закона», написанная задолго до организации семинара: она дает повод для сравнения моей индивидуальной работы и совместной с лицеистами. Так будут нагляднее наши общие срывы и удачи. Фрагменты из «Схоластической истории» Петра Коместора публикуем в Приложении II.

Второй пролог, или Краткое введение в контекст средневековой культуры

1. Средневековье – это тысячелетний период с IV в. по XV в., вовсе не представлявший собой однородную социально-экономическую формацию, определяемую через противоречие между крупной собственностью на землю и мелкокрестьянским производством, а также внеэкономическим принуждением, необходимость которого проистекала из этого основного противоречия. Его можно разделить на три периода: раннее (IV – X вв.), развитое (XI – XIII вв.) и позднее (XIV – XV вв.). Понятие феодализма лишь условно может быть приложено ко всем этим периодам, ибо характер землевладения, совокупность традиций и ритуалов показывают разрыв внутри этого периода, ранняя стадия которого (без феодалов) в корне отлична от зрелого, вассально-сеньориального, коммунально-бюргерского и рецептурно-цехового. Средневековье возникло на перекрещении трех дорог. Первая вела из Древней Иудеи (*религия* Ветхого Завета, или Закона; идея *истории* как незамкнутого, непредсказуемого, *случайного* события), вторая – из Древней Греции и Рима (*философия, право*), а в третью слились многочисленные пути, которыми разноплеменная масса людей, варвары, как их называли римляне, с их свежей военной мощью, многочисленными и разнообразными языческими верованиями осваивала и преобразовывала то пространство, которое впоследствии получило имя Западной Европы. Лишь о двух характерных чертах Средневековья можно говорить как о непреложных: это время рождения, становления и утверждения христианского миропонимания и связанного с этим индивидуально-личностного отношения к миру.

Собственно, эти две характеристики и образуют тот неповторимый культурный контекст, при котором

идея конкретной, неповторимой личности непременно должна сопрягаться с идеей причастия, приобщенности к единому, соборному целому. Потому для Средневековья оказалось столь важным решение вопросов о том, что такое общее и единичное, необходимое и случайное, где «находится» это общее — до вещи, в вещи или после вещи.

Вопросы эти очень серьезные, и потому вначале — несколько слов о том, чем был средневековый интеллеktуал, занимавшийся разрешением подобных проблем, и каким было в то время школьное обучение, обеспечивавшее возможность такого разрешения. Слово «школа» (или — просвещенный досуг) употреблялось в самых разных значениях. Вот краткая история этого слова. Во времена императора Константина Великого (274 — 337) этот термин применялся для обозначения группы военных чиновников. При дворе так называлась коллегия чиновников. Дворцовая школа — это корпус должностных лиц под руководством мажордома. Григорий Турский обозначает этим именем всех людей

Карл Великий
(742/747-814).

Алкуин (ок.735-804).

в епископском доме. При Карле Великом так назывался дом. И лишь у монаха Алкуина, руководителя Академии Карла

Великого (его иначе звали Альбином Схоластиком), термин «школа» употребляется в значении образования, обучения. Т.е. под «школой» долгое время подразумевалось множество вещей, но древнее понятие досуга было утрачено. В XII в. школой называли курс лекций, который читал магистр. Под школой понимали и лицо, и место, где собирались для светских или религиозных диспутов, а школярами назывались как учащиеся, так и участники дискуссий.

Первой ступенью школьного образования был тривий, второй — квадривий. Тривий — это грамматика, риторика, диалектика, что составляло азы образования, отсюда слово «тривиальный». Квадривий — астрономия, арифметика, геометрия, музыка. Такое предметное разделение знания впервые произвел Марк Теренций

Варрон (116 – 22 гг. до н.э.), который к ним присоединял еще архитектуру и медицину. Впоследствии, в V в. н.э. латинский писатель Марциан Капелла утвердил порядок семи свободных искусств («свободные» по латыни – «liberales», отсюда слова «либерал», «либерализм»), почитая медицину и архитектуру, как и юриспруденцию, предметами, которыми можно заниматься, лишь освоив первые семь.

Считалось, что тривий учит способам выражения мыслей, а квадривий – сущностям вещей. В ходу были такие аббревиатуры и значения: Gra – говорит; Dia – учит; Rhe – расцветивает слова; Mus – поет; Ag – считает; Geo – взвешивает; As – населяет звезды. Считалось также, что через эти значения открывался замысел творения в Слове, в Писании (так называлась Библия, или – Sancta Scriptura); этот замысел полагалось откомментировать.

Необходимость многообразных толкований Слова непосредственно связывала философию с грамматикориторическими структурами, с их вниманием к смыслу слов, этимологии, мифологии и т.д. Ведь одна буква могла изменить представление о сущности мира не только в фантастике Рея Бредбери. Исчезновение буквы «h» в слове mathesis (matesis) вело к превращению основательного теоретического знания, каким считалась математика, в фиктивную науку вроде астрологии, которая, как полагал богослов, или теолог, XII в. Гуго Сен-Викторский, измышляет басни о том, что судьбы людей управляются звездами.

«Семь свободных искусств» изучали в школе. В современное образование многое пришло именно из Средневековья. И прежде всего – школы – в том их виде, в каком в большинстве случаев мы их видим по сей день с двумя главными фигурами – школьником и учителем (магистром) и двумя их основными внешними атрибутами – партами (в позднее Средневековье они заменили солому) и кафедрой. Во-вторых, университеты с делением на факультеты. Правда, факультетами раньше назывались не отделения, где изучали

специальные науки, а места, занимаемые студентами определенной нации: бургундцами, германцами, фламандцами, провансальцами и т.д.

До недавнего времени у нас была только светская школа. Средневековье же начинало с монастырских и епископальных школ. В раннем Средневековье при неразвитости городской жизни, упадке древнеримских институтов и становлении новых, а главное — при необходимости воспитывать и внедрять в массы христианское мировоззрение — школы в основном возникали при монастырях, которые были кладезем премудрости, как новой, христианской, так и старой, греко-римской. Именно при монастырях образовывались хранилища древних рукописей, папирусных и пергаментных свитков и кодексов. Первыми монахами зачастую были люди образованные: весь их ученый багаж оставался при них. На протяжении всего Средневековья великие мыслители древности, прежде

Платон (428/427 - 348/347 до н.э.). Аристотель (384 - 322 до н.э.).		всего Платон (его называли «Греком») и Аристотель («Философ»), помогали обосновывать христианское вероучение. Собственные идеи Античности, казалось, ушли в
--	--	---

прошлое, но «похожее», «сходное», по мнению церковных авторитетов, приспособлялось к новым проблемам, создавая мощный логический фундамент для здания теологии. Собственно, приспособление такого рода как нельзя больше отвечало *средневековой идее причастия*; с высоты этой идеи и стал рассматриваться мир. Античная философия исследовала *сущности вещей* самих по себе, независимых друг от друга. Слово было одной из таких вещей, обладавших строго определенной функцией. Под ним к тому же понималось «слово, произнесенное вслух», потому особенно важно было выяснить ускользающие речевые связи, их логику (от греч. *logos* — слово, мысль). Эта особенность античной словесности определила во многом и открытый характер образования — через

беседы-диалоги, происходившие то на лоне природы, то на пиру-симпозиуме. Письменный текст выполнял скорее мнемоническую функцию (записей на память), нежели некую властную структуру, подчиняющую мысли и жизнь людей, как то было в христианстве.

В монотеистическом Средневековье с его идеей сотворенности мира Богом «из ничего», по Слову, невозможно было рассматривать вещи безотносительно к Творцу, который оставил на них свою печать, навеки

Чудо. | причастив их себе. Разум, таким образом, изначально был оплодотворен

чудодейственностью Слова, обладавшего непостижимой способностью воплощения. Принципом умозрения и стало чудо, проникнуть в которое возможно было только верой, воспитанной благодаря предельному напряжению всех человеческих способностей. Разум был призван обеспечить такое напряжение через ряд опосредующих звеньев, какими являются метафоры,

Троп. | оксюморон, синекдоха, метонимия, сравнение, словом — *тропы*,

иносказания, ибо к чуду только так и можно приблизиться. «Чудодейственность»

Магистр. | разума закрепились и в слове «учитель», или *магистр*.

Поскольку не идея, или эйдос, вещь занимает ум философа, как то было в Античности (отчего античный разум можно назвать эйдетическим), то ученого-христианина вплоть до XIII в. интересовала не «Физика», даже не «Метафизика» Аристотеля, а такие его трактаты, как «Категории», «Об истолковании», «Аналитики», «Топика», «О софистических опровержениях», где исследовались словесные при- и переключения, логические ошибки. Но в сравнении с Античностью изменилось понимание того, что есть слово. Оно перестало быть просто подлежащим в предложении, означая вещь. Оно субъективировало вещь, будучи вместе ею самой, и ее смыслом, и знаком; «тем, что есть» и «тем, чего нет» одновременно. Средневековье открыло

фундаментальную двойственность слова, внешнюю и внутреннюю речь субъекта, что проявилось в таком, казалось бы, на первый взгляд, формальном признаке, как *чтение про себя* (в отличие от «слова, произнесенного вслух»). Такого рода чтение меняет отношение к тексту, который постоянно обращает субъекта к своему alter ego. При таком чтении любой человек, даже автор книги, обнаруживает собственную двусмысленность: он и автор, и читатель, говорящий и слушающий, живой голос и означаемое. Неизменный текст хранит в себе интонации, запинания, жесты автора, которыми он отвечает на вопросы озадаченного читателя. Текст вместе и незыблемая истина и меняющиеся смыслы, что является божественным свойством. Но в последнем случае (меняющихся смыслов) Слово переставало быть «военной тайной», которой владела бы только церковь: оно непременно должно было выйти в мир.

В XI в. наряду с монастырскими и епископальными возникают и светские школы в Париже, Корбейле, Мезонселе, Шартре. Тому способствовали не только теории схоластов, но и практика растущих городов, когда появилась надобность в грамотных людях не только для истолкования Библии, но и для делопроизводства, записи ремесленных уставов и т.д. Тогда-то и родился интеллигент, человек, занимающийся исключительно умственной деятельностью.

Особо выработанных программ в школах не было, поле для любознательности было обширным, и в арсенале ученого рядом со старыми авторитетными именами Отцов церкви соседствовали новые: Ансельм Кентерберийский, Гуго Сен-Викторский, Петр Элий, Петр Абеляр, Бернард Клервоский.

Центром науки в развитое Средневековье была Франция: туда спешили школяры подобно паломникам. В Париже в XII в. образуется особо активная группа магистров: Тьерри Шартрский, Гильберт Порретанский, Роберт Пюллейн, Роберт Меленский, Петр

Ломбардский, Морис де Сюлли. Гуго Сен-Викторский был родом из Саксонии, Иоанн Солсберийский — из Англии. Немецкие принцы, римские сенаторы, консулы писали письма французскому королю Людовику VII, в которых рекомендовали знатных молодых людей для учебы в Париже. Любопытно, что отец Людовика VII, Людовик Толстый, в свое время учился у монахов Сен-Дени, а сам он получил образование уже в парижских светских школах.

Любая школа находилась в ведении церковной юрисдикции, и, прежде чем магистр мог начать преподавание, он должен был представить свой курс на

Петр Абеляр
(1079-1142).

одобрение папы или высшего духовенства. Когда философ Петр Абеляр (1079 — 21 апреля 1142)

Теология.

начал читать свой курс *теологии*, которой он специально обучался, но

без апробации его в церковной инстанции, он совершил дисциплинарный проступок, который Гуго Сен-Викторский, его собственный учитель Росцелин и многие другие расценили как «дерзость». За этот проступок Санский собор 1140 г. лишил его права преподавания теологии.

Магистрами в основном были клирики. Сейчас, как и в раннее Средневековье, это слово справедливо

Клирик.

ассоциируется с церковным чином, клиром. В XII в., однако, слово

«клирик» было скорее синонимом слова «образованный». Считалось, что клирики-монахи не должны были принимать на себя обязанности учителей, поскольку их удел — отречение от мира. Тем не менее многие из них не удерживались от этого соблазна. Росцелин, например, пенял своему ученику Абеляру, что тот перестал быть монахом, потому что учит тому, что запрещено, тогда как не должен был бы учить даже тому, что дозволено. Между тем интеллектуальные потребности заставляли пренебрегать монастырскими уставами. Тот же Абеляр, став аббатом и изнутри узнав монастырскую жизнь, остро реагировал на царившее

Абеляр. *История моих бедствий*. М., 1959.

там интеллектуальное небрежение: «И ныне те, что обучаются в монастырях, — писал он, — остаются такими же

глупцами, так как, довольствуясь звучанием букв, не питают ими свое сердце».

Обучение производилось на основании изучения текстов авторитетных авторов: грамматика по Донату и Присциану, риторика по Цицерону, диалектика по Аристотелю, Порфирию и Боэцию, арифметика по Марциану Капелле, астрономия по Птолемею и т.д.

Образец. Образцовость. | Образцовые тексты, помимо Писания, — это Гомер, Гораций, Вергилий, Овидий, Саллюстий, Катон, Эзоп и др. Обучение вращалось вокруг lectio, чтения образцов, рождающих систему вопросов (quaestiones), а затем и диспутов. Урок приобретал форму обработки определенной идеи.

Чтение текста сопровождалось тремя видами толкования: буквальным (грамматическим и историческим), смысловым и сентенцией (наставлением, оценкой). Комментатор, как правило, указывал, к какой категории разбора относится его рассуждения. В XII в. текст объяснялся слово в слово, развертываясь в обширнейший комментарий.

Став школьной процедурой, quaestiones постепенно преобразуются в проблему, организованную в систему аргументации «за» и «против», для которой уже недостаточно фиксации простого противоречия. «Поставить под вопрос» становится одной из важнейших проблем схоластики. В одном только слове «disputatur» («обсуждается») заложен замысел организованной логической работы, требующей глубокой философской рефлексии, заставляющей «вырваться из ошейника текста».

Мы сегодня употребляли такие слова, как «христианство» и «христианское мировоззрение». Но — помимо идеи верующего разума — есть еще две вещи, которыми христианство одарило и озарило мир. Первая

— это идея личности. Личность, свободная, творческая, жертвенная, предполагает равноправие другой личности, желание считаться с ее интересами и запросами. И вторая — идея закона, вступающая в напряженные отношения с первой идеей.

Библию составляют два завета: Ветхий и Новый. Ветхий завет был Законом для народа. В Новом представлена жизнь одного-единственного человека — Христа, открытой, жертвенной личности, вобравшей в себя всю полноту Закона. Оттого Средние века не просто объединили два завета: обе Книги как бы проницают друг друга, прорастают друг другом, невозможны одна без другой.

И вторая идея: истории, но не как бесконечного процесса, чреды событий, между которыми существуют причинно-следственные связи, а истории, которая выстраивалась в уверенности неповторимости и значительности любого случая, как богоявления. Конечность случая — это и конечность истории. Потому история, начавшаяся с Адама, должна была иметь свой конец, сопровождавшийся Страшным Судом. Но возможность, предположение случая означали открытость, даже откровенность истории. Ветхий Завет — *вся* история народа, Новый — история одного-единственного, богочеловека, аккумулировавшего в себе эту всю историю, в ее будущем, прошлом и настоящем. Это хорошо выражено Б.Л.Пастернаком в стихотворении «Рождественская звезда» из «Доктора Живаго»:

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после:
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы,
Все великолепе цветной мишуры... *
...Все злей и свирепей дул ветер из степи...
...Все яблоки, все золотые шары...

Что же представляет собой Библия (по греч. —

«книги») и прежде всего — Ветхий Завет с его выраженным единобожием и признанием реальности тварного мира? Вот почти энциклопедическая справка.

Ветхозаветная религия в том виде, в каком ее

*Читай об этом
прекрасные статьи
А. Лопухина
«Евангелие»,
Ф. Зелинского и
Б. Мелиоранского
«Христианство» в
«Энциклопедическом
словаре» Брокгауза и
Эфрона (т. 21, 74).*

представил Моисей, первый пророк, сложилась примерно к VIII в. до н.э., ко времени исхода евреев из египетского плена, когда «сыны Израиля превращаются из религиозной группы в народ». Но особую силу эта религия приобретает во времена пророков, чьи книги составляют около четверти Ветхозаветного текста.

Пророки жили в эпоху духовного пробуждения человечества, которую философ Ясперс назвал «осевой», в VIII — IV вв. до н.э. В это время появилось понятие Единого (верховного начала) в Индии, Китае, Египте, Греции. В таких понятиях, как египетское Атон, греческие Нус и Апейрон, индийское Брахман и Нирвана, есть нечто общее: все они — иероглифы для обозначения высшей сокровенной Реальности. Но хотя во всех этих религиозных и философских системах осуществился прорыв в мир чистого Духа, все же они резко отличались от ветхозаветного монотеизма. Религия Эхнатона предполагала поклонение природе и была тесно связана со зримым светилом — Солнцем, у античных физиологов и натурфилософов Божество не отделялось от космических стихий, Брахман оказывался Безликим Ничто, Единое Платона и Аристотеля не существовало без множества других богов и их культов. Наиболее близкая к Библии религия Заратустры абсолютизировала злое начало, и это превращало ее в своеобразное «двоебожие».

Таким образом, к VIII в. до н.э. сложилась одна — ветхозаветная — религия, свободная как от язычества, так и от пантеизма.

В отличие от всех языческих концепций мира,

Библия (священная история) проникнута мыслью о его *завершенности*, сопрягающейся с представлением о мире как открытой системе. «Стрелу времени» обнаружили пророки, им открылась динамика становления тварного мира. Земные события представлялись *историей*, понятой как драма свободы, драма столкновения идей Бога и человека. Ко времени пророков относится и первая фиксация ветхозаветных преданий, проповедей и изречений, ибо для них главным было донести до людей слово. Пергаментные и папирусные свитки хранились в Храме. От многократного переписывания части одной книги нередко оказывались подшитыми к другой, выпадали строки и имена, переписчики вносили в текст собственные поправки. Но в целом пророческие книги принадлежат тем, кому их приписывают: Амосу, Осии, Михею, Науму, Аввакуму, Софонии, Иеремии, Аггею, Малахии и др. Лишь Книга Исаяи написана двумя авторами: Исайей (VIII в. до н.э.) и неким анонимом (возможно, Второисайей), жившим после 538 г. до н.э., ибо в Книге упоминаются события, происшедшие после возвращения иудеев из Вавилонского плена. В этих книгах содержатся многие нравственные постулаты, которые затем станет проповедовать Христос. В них, к тому же, чувствуется напряженное ожидание будущего мессии и вера в дарованное им откровение.

К V в. были собраны в основном все ветхозаветные книги, главным образом Пятикнижие Моисеево; это и составило Тору, включающую в себя Священную историю от сотворения мира до прихода Израиля в землю обетованную и весь свод ветхозаветных законов. Смысл же пророческих книг заключался не только в том, чтобы обобщить опыт человечества (при каком обобщении мир предстает как нечто неизменное), но открыть новую цель — грядущее Божье Царство. Этот разлом между старой иудейской религией и живым пророческим видением прекрасно выразил в «Иудейских древностях» еврейский историк Иосиф Флавий (в I в. н.э.). Но, собственно, относительно чего

образовался этот разлом?

Суть ветхозаветной религии, можно выразить кратко (и это очень существенно для нас): неукоснительное следование Закону. Именно эту ее суть и постарался предьявить читателю уже упомянутый нами Иосиф Флавий (37/38 – после 100 г.) – человек, не вызывающий симпатий, ибо предал свой народ во время Иудейской войны с римлянами (66 – 73 гг.); однако его исторические книги «Иудейские древности», «Иудейская война», «Против Аппиона» (ритора и едва ли не первого древнего антисемита) явились не только великолепным образцом римской исторической прозы (после падения Иудеи он жил в Риме), но и «недостающим звеном» между Ветхо- и Новозаветной историей, на которую часто ссылались в средние века многие – от Отцов церкви до школьных комментаторов: его авторитет был так велик, что о нем слагали легенды – будто он обратился в христианство и стал епископом.

Ветхозаветная история характеризуется им так: она

1) генеалогична,

2) документально

См. об этом: Иосиф Флавий. *Иудейские древности*. Т.1-2. СПб., 1900.

подтверждена,

3) законосообразна. Слово

Божье, понятое как Закон, превращается в изложении

Иосифа в неподвергаемую сомнению реальность. Закон, разумность и истинность которого не раз была доказана, в дальнейшем не нуждается в доказательстве и становится объектом веры. Отсюда –

4) тождество веры и закона, или Закон, понятый как Вера, что рождает

5) богоизбранность, нравственное усовершенствование как свойство только богоизбранного народа.

В этом зерно ветхозаветной религии. Однако ко времени пророков обнаружился разлад между разнообразием форм жизни и древним законом: сношения с язычниками, запрещенные законом,

продолжались; людей тяготила суровость наказаний за проступки вместо увещания и наставления — главных задач религии. К тому же сам Моисеев закон был известен народу лишь по имени: источниками верований были, с одной стороны, жертвенные культы, отправлявшиеся в Иерусалимском храме, а с другой — живое слово пророков. Между священниками и пророками шла долговременная распря, ибо пророки отвергали формальную обрядность, проповедуя жить правдой и любовью к ближнему. Но это означало, что нравственное усовершенствование не могло быть уделом израильтян, богоизбранность которых заключалась лишь в том, что они первыми постигли истину и сделали ее всеобщим достоянием.

Этот разлад между Законом и жизнью вызвал появление трех сект, мировоззрение которых помогает понять как суть иудаизма, так и истоки христианства. Что это за секты? Ессеи (или эссены), фарисеи, саддукеи. Рассказ о них Иосифа очень важен, ибо он успел побывать в каждой из них. Ко времени Иудейской войны эти секты приобрели политический

Толкования. | характер, но возникли они на почве *толкования* — что особенно важно при изучении средневековой культуры — библейских историй. Чем разнились их толкования друг от друга?

Сведения о секте эсенов, помимо Иосифа Флавия, сравнивавшего его с пифагорейской школой, есть у Филона и Плиния Старшего. К I в. их насчитывалось около 4000, и они особенно резко противостояли влиянию эллинизма, замкнувшись в общины, где до мелочей старались жить «по Слову», или по Моисееву закону. Поскольку условия жизни в городах перестали ему соответствовать, эссены удалились в пустыни или деревни. В свое сообщество они принимали желающих после трехлетнего испытания, в которое входили такие правила: чтить Бога (хула на него каралась смертью); быть праведным; хранить верность власти; добившись власти, не превозноситься; воздерживаться от незаконной прибыли; не давать клятв; хранить тайну

эссенского учения, древние книги и имена ангелов (которые, возможно, есть таинственные имена Бога). Теософию эссены считали праздною болтовней, но

Аллегория. | занимались *аллегорическим толкованием Библии и этическими учениями*, веря в предопределение. Душа, по их представлениям, состоит из эфира и, отпав от Бога, заключена в тело, как в темницу, из которой после смерти человека улетает на небо, — мотив, знакомый по греческой философии и перешедший в христианство, равно как и убеждение, что место вечной жизни для праведной души — блаженные поля «по ту сторону океана», а холод и мрак уготованы душам злым. Особенно глубоко изучившим Писание и прошедшим школу аскезы эссенам приписывали дар предсказывать будущее.

После Иудейской войны часть эссенов влилась в иудейско-христианские общины. Их, впрочем, и считали одними из главных предшественников христиан.

Начало секты фарисеев относится еще ко времени Ездры (V в. до н.э.). Эта секта положила начало талмудическому иудаизму. Иосиф Флавий рассматривает фарисейство как философскую школу, родственную стоикам.

См., например, статью Л.Каценельсона «Фарисеи» в 69 т. «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона. | Все связывающееся в мире фарисеи ставили в зависимость от Бога и Судьбы, одновременно оставляя человеку свободу выбора между добром и злом. В этом отношении они занимали

срединное положение между эссенами, которые предполагали мир предопределенным, и саддукеями, признававшими абсолютную свободу воли человека. Именно поэтому фарисеи в качестве судей, как считают некоторые исследователи, были очень снисходительными. Им удалось почти полностью отменить смертную казнь, полагавшуюся по Закону Моисея, предоставить более широкие права защите и

т.п. В вопросах внутренней политики фарисеи стояли на стороне народа против более знатных слоев населения. Их лозунгом было: «Закон для народа, а не народ для закона». Признавая неизменяемость Божественного закона, они полагали, что он существует для добросовестного исполнения. Но так как его исполнение не во всем согласовывалось с требованиями жизни, они стали *толковать* закон (т.е. придавать ему такой смысл, при котором он был бы понят), учитывая вместе с тем и народную практику, отвергавшуюся жрецами, и пророческие этические правила. И хотя на этом основании впоследствии фарисеи были признаны лицемерами, их «книжность» не осталась без внимания средневековых схоластов, применивших к собственным трудам методы толкования, употреблявшиеся фарисеями, как то: *диалектический и символический методы*. Их выкинули из храма, оставив в храме, а затем использовав их мудрость.

Саддукеи были третьей древнееврейской религиозной сектой, которую Иосиф Флавий считал похожей на школу эпикурейцев. Однако, как школа, саддукеи никаких памятников по себе не оставили. По преданию, секта получила свое имя от некоего Садока, ученика мудреца Антигона Сохосского. Последний учил людей «не быть для своего господина рабами в расчете на вознаграждение, а служить ему из любви». Садок якобы понял его слова в том смысле, что человека не

Н.А.Бердяев
(1874-1948) -

русский религиозный философ.

ждет никакого загробного воздаяния, и потому ему нужно заботиться лишь о земном благополучии. (Н.А.Бердяев приписывает, кстати, такое мировоззрение всему народу:

«У еврейского народа, — пишет он, — по его первоначальному жизнеощущению, была страстная мечта о справедливости в земной судьбе народа. Я думаю, что эта... специфическая особенность еврейского народа, требовавшая осуществления

справедливости в этой земной судьбе и обращавшаяся с вымогательством к будущему, предопределяет всю сложность этой исторической судьбы».) Подобная установка саддукеев привела к тому, что к этой секте принадлежала почти вся родовая знать.

По свидетельству Иосифа Флавия («Иудейские древности», XIII, 10, 6; XVIII, 1, 4) и Талмуда, саддукеи, в противоположность фарисеям, признавали один только писанный Закон Моисея, отвергая все народные обычаи и постановления позднейших законоучителей. В уголовных процессах саддукеи отличались большой строгостью, стоя на почве Библейского закона, широко применявшего смертную казнь.

Известно, что первосвященник Кайяфа, председательствовавший в синедрионе, когда был осужден Христос, принадлежал к секте саддукеев.

Момент окончания Иудейской войны становится началом поступательного движения христианства. Во

Ветхий и Новый Заветы, Евангелия. | II в. заканчивается собрание свода Нового Завета, состоящего из четырех евангелий, Деяний апостолов, Посланий апостолов и Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсис).

Что такое Новый Завет и кто такие четыре евангелиста? Слово «евангелие» – греческое, обозначает оно «благая весть»; прилагается оно к этим

Благовещение. | книгам потому, что в них излагается «благовещение» о жизни Иисуса Христа (в переводе с греческого означает «помазанник»), который по замыслу искупил рабской смертью на кресте грехи человечества. Три евангелия (от Матфея, Марка и Луки) обыкновенно называют синоптическими. Это название означает, что они близки по плану и содержанию, которое легко можно расположить в соответствующих таблицах. Термин этот – синопсис – возник в XVI в., когда началось дотошное выяснение сходств и различий евангелий. Так, например, у Матфея 58% сходного с другими содержания и 42% отличного, у Марка – 93%

сходного и 7% отличного, у Луки – соответственно 41% и 59%, а у Иоанна – 8% и 92%. Сходства замечаются, главным образом, в передаче изречений Христа. Предполагают, что Евангелие от Матфея написано в 50 – 60 гг. от Р.Х. (Христос родился примерно в 749 – 750 г. от основания Рима, или за 4 г. до новой эры; его день рождения вряд ли известен, к 25 декабря его стали приурочивать лишь в конце IV в.): Евангелия от Марка и Луки появились несколько лет спустя, ранее падения Иерусалима, т.е. раньше 70 г., а от Иоанна – в конце I в. Матфей и Иоанн были апостолами – очевидцами служения Христа. Лука – врач, на которого оказал огромное влияние апостол Павел, Марк был свидетелем последних лет жизни Христа.

Реально евангелий было гораздо больше: «от евреев», «от египтян», «от 12-ти апостолов», «от Петра» и т.д.; в прологе к своему евангелию Лука говорит о *многих* евангельских записях, которые он имеет перед собою. Из многочисленных евангелий детства Христа самое древнее (1-я половина II в.) – протоевангелие Иакова, ко II в. восходит «Повесть об Успении Богородицы» и, может быть, «Евангелие от Никодима» – о суде над Христом и сошествии его в ад. Это – краткая история создания Нового Завета.

Нас сейчас интересует Библия в том ее виде, как она представлена в Средневековье. Это «корпус» из Ветхого завета и Нового завета. В их восприятии были некоторые особенности: с одной стороны это была история – от Адама до Страшного Суда, стрела времени летела от момента запуска, начала времени, к его концу; с другой – они были как бы одновременны, Христос рождался в то же время, что и Адам, они воспринимались вместе, пронизывая друг друга. Книги подвергались толкованию; в средневековых школах они читались с пометами на полях или с пометами, непосредственно продолжающими текст. Такие пометы назывались глоссами. В глоссы включались самые разнообразные сведения (например, из античной

философии или истории); объяснялись аллегорический, мистический, тропологический смыслы библейских стихов. Троп – это метафора, синекдоха, гипербола, сравнение, метонимия, ирония, т.е. все, что сейчас относится к сфере поэтики литературного произведения. В Средневековье тропология, или система тропов, считалась духовным венцом, или крышей мироздания, где, как в фокусе, собирались всевозможные смыслы и замыслы, свидетельствуя о

Об этом см.: второй пролог в «Схоластической истории» Петра Коместора.

чуде Слова. Все это имеет не только непосредственное отношение к Библии, но характеризует в целом средневековую мысль, где

логическое претворялось в образное, философское – в теологическое, рациональное – в мистическое. Библия на греческий и латынь переводилась многократно, в частности, знаменитым философом и теологом Оригеном (ок. 185 – 253/254 гг.). Наиболее известный перевод на латынь был осуществлен одним из Отцов церкви – Иеронимом (ок. 350 – 420 гг.); этот перевод

См. в Приложении II: Петр Коместор. Схоластическая история, с.306.

называется Вульгатой. Иногда, правда, Вульгатой (мы прочитаем об этом у Петра Коместора) назывался перевод Оригена. Слово «Вульгата»

означает, что перевод общеупотребим (от vulgar – обыкновенный), практически им пользовались на всем протяжении Средневековья.

Даже из этого краткого введения очевидно, что возникший «из ничего» средневековый мир имел при своем начале мощные исторические, философские и религиозные опоры. Варвары – лангобарды, вестготы, остготы, франки, – попавшие в среду греко-римского влияния, принесли туда свои традиции, к V – VI в. сумели преобразовать и собственную, и вновь обнаруженную культуру в нечто совершенно новое. А преобразовывать приходилось многое. Гунны, например, были арианами – это одно из течений в христианстве,

возникшее в IV в., названное по имени его зачинателя, священника Ария, и осужденное как еретическое за отрицание одного из догматов христианства — о единосущии Бога-Отца и Бога-Сына. Христа, как творение Бога-Отца, они считали существом, ниже его стоящим. Многие римские императоры, а также, по высказыванию Э.Ренана (см. его книгу «Жизнь Иисуса»), «князя Востока, Эмеса, Киликии, Комагена», Аравии и Абиссинии принимали иудаизм (например, римская императрица Поппея Сабина — под влиянием Иосифа Флавия). Иудаизм был широко распространен в Галлии. Варвары, при ближайшем рассмотрении, оказываются вовсе не теми грубыми, необразованными «варварами», какими до сих пор их иногда изображают. Иудейская религия и греческая философия — вот их (весьма немалое) наследство. Но было еще и третье, что волею судеб миновало средневековую Русь. Это — Римское право.

Я не случайно поместила слова «варвары»,
Варвары. | «варварские завоевания» в кавычки.
Дело в том, что утвердившийся
взгляд о разрушении Западной Римской империи
варварами нуждается в серьезной аргументации. Во-
первых, потому что никакой отдельной Западной — в
отличие от Восточной — империи вплоть до 1453 г.,
когда она была уничтожена Османской империей, не
существовало — это миф. Была Западная и Восточная
церковь, которая в людском сознании совпадала с
империей, и разделение церквей было понято как
раздробление надвое вселенского общежития. Но — не
с публично-правовой точки зрения. И не с «культурной»
точки зрения. С публично-правовой империя «жила» до
середины XV в., а как форма объединения человечества
она умерла примерно к V в. Во
второй половине V в. власть
императора была номинальной, а
варварские племенные конунги
обращаются в территориальных
государей, варварские правды

См. об этом:
П.Бицилли. Падение
Римской империи.
Одесса, 1919.

становятся основой «земского» права, а римское право — правом церкви.

Понятие Западной империи существовало — и правомерно — в христианской идее смены «четырех всемирных монархий»; Ассиро-Вавилонской, Египетской, Персидской, Римской — последней уготована вечность. Это — первое.

Второе. Варвары как завоеватели являлись в империю редко.

Все они входили, как правило, в состав империи на правах федератов, т.е. «союзников римского народа», между ними то и дело возникали нелады, которые государственная власть пыталась разрешить. Так, например, готам было тесно в Мезии, и их вождь Теодорих начал добиваться расширения территории, отведенной его народу; набеги на Фессалию и Македонию привели к тому, что император Зенон назначает Теодориха главнокомандующим и консулом. В 487 г. Теодорих ведет готов на Рим, формально выполняя волю императора, желавшего одолеть германца Одоакра, в 476 г. захватившего Рим. После удачного похода Теодорих был провозглашен готским королем, император Анастасий в 497 г. признал его королем готов, но Италия не стала от этого готским королевством. Более того, Теодорих правил в Италии не в качестве короля, а в качестве императорского наместника, получившего звание римского гражданина и получившего «пурпур» вместе с правом назначения на должности; но законы, монета и присвоение римского гражданства остались в руках императора.

То же, т.е. *непременное становление римскими гражданами*, было и с вестготами, франками, бургундами, хотя процесс шел несколько сложнее. И при их дворах римляне занимали важные должности — как «сотрапезники короля» они упоминаются в «Салической правде».

Варвары, таким образом, скорее хотели *сами стать римлянами* нежели подчинить римлян себе. Но тем самым римское право (при опоре на слово «право»)

становится неотъемлемой частью будущего христианского мира. Варварские правды не случайно оформлялись в кодексы с оглядкой на существующее римское право, фиксируя новую ситуацию переходности от одной культуры к другой. Состояние переходности, помимо того, что утверждало человека-индивида как главную опору в складывающемся обществе, порождало и множество ментальных несообразностей. Прививка язычества к христианству привела к тому, что вплоть

См.: Средневековый быт. Л., 1925. | до XIII в. в храме наряду с мессой Господу служили мессу Ослу, приспособив к делу некий «природный культ». Вплоть до XII в. не было в обычае венчаться в церкви. Как правило, для этого было достаточно согласия жениха и невесты. В дом жениха приглашали священника, который освящал брак. Было много и других «странностей», с точки зрения современного христианства. Обнаружение такого рода семантических сдвигов и есть задача семинара, ставящего целью обнаружить диалог культур.

К следующему разу мы должны прочитать первую главу Книги бытия и прокомментировать в ней каждое слово: что значит, например, «сотворил», что значит «небо и землю» и т.д. Цель комментария – снять с текста покров привычных знаков, значений, добираясь до смысла. Вот, к примеру, первый стих: «В начале сотворил Бог небо и землю». Кажется все ясно: взял – и сотворил. Но... неужели это так просто? Что скрывается за словами «в начале», в начале чего? Может быть, в начале времени? Но о времени пока нет ни слова. Ну, а что такое «сказал»? Может быть, это и есть «в начале было слово»? Попробуем себя озадачить, помня к тому же, что в средние века Библия комментировалась по-разному: были буквальное, символическое, аллегорическое, анагогическое (мистическое) и тропологическое толкования. Одновременно нужно смотреть евангелия, так как в средние века, повторим, оба завета прорастали друг другом, они существовали вместе. Только при таком

одновременном, со-вместном прочтении мы можем понять «средневековость» и христианского философствования, и христианского понимания истории. Наша задача – понять, каким образом совмещались линейность времени, его устремленность вперед, с его же движением по кругу. Или – каким образом уже свершившаяся история определяет настоящее и будущее? Если мы эту задачу разрешим хотя бы отчасти, мы услышим *голос* средневековой истории, голос самой Библии и наш собственный, поскольку не только Коместор в XII в., но и мы в XX-м будем толковать Священное писание. Это двойное толкование вместе с оригинальным текстом, *всеми книгами* участвующим в понимании средневековых идей, как раз и обнаружит разность культур и их творческую взаимообоснованность. Параллельно с истолкованием Библии пойдет исследование «Салической правды», чтобы понять единство и полярность двух Законов – христианского, религиозного, и варварского, мирского.

День первый: о начале творения мира

Экспозитор Сергей Мельников и Наталья Гайдай

С.С.: Прежде, чем мы приступим к комментированию, прочитаем полностью первую главу Книги бытия, чтобы представить себе, о чем в ней речь идет в целом. К тому же интонационно можно выделить наиболее существенные места.

Сергей: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землю, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что *это* хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что *это* хорошо. И был вечер, и было утро: день третий.

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю. И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что *это* хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый.

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что *это* хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И

увидел Бог, что *это* хорошо. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам *сие* будет в пищу; А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, *дал* Я всю зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый».

В общем-то здесь все ясно: это космологическая система...

Наташа: Если бы просто система! Это же как сказка! Такая наивная добрая сказка: сидит Бог-мальчик — он ведь только еще рождает мир — и радуется: вот, хорошо весьма... И пространство какое: над водою, под водою... Хотя, конечно, все ясно.

С.С.: Так ли ясно... Наташа права: детскость, наивность бросаются здесь в глаза наряду с серьезностью творения. Как сразу же обращает на себя внимание и эта невыраженная как идея, но все-таки идея пространства. Но обратили ли вы внимание на то, как строятся фразы?

Сергей: Короткие, только по сути дела: сказал — сделал.

С.С.: А как они соединяются?

Наташа: Да-а-а! Они начинаются с «и».

С.С.: А какой это союз «и» — ведь он может быть соединительным и разделительным?

Наташа: Соединительный... Все соединяется вместе в какую-то непрерывную цепочку...

Сергей: И дальше почти всюду так, фразы начинаются с «и».

С.С.: Как можно назвать такую цепочку (позже мы выясним, прервется она где-то или нет)?

Наташа: Цепью событий?

Олег Б.: Историей!

С.С.: Верно: историей. Библия с первых же слов как бы помещает нас в историю, причем история эта началась как бы тогда, когда...

Олег: ...когда не было еще никого, никаких событий.

С.С.: Ну, как – никаких событий! «В начале сотворил Бог небо и землю...»

Олег: Не человеческих событий. Это как бы Божественные события.

С.С.: Да, но история была вместе и священной, и земной.

Наташа: А почему тогда небо и земля, пространство, вначале?

С.С.: Вот мы и пришли к тому, что не все так ясно, как пригрезилось после первого прочтения. Так что вернемся к началу. И будем сверяться с Коместором и – с самими собой. Будем сравнивать два комментария, его и наш, которые – точно – будут не совпадать друг с другом, и уж тем более отличаться от изначального, неизменного текста Библии. Итак...

Наташа: «Сначала сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою...»

С. С.: Что в прочитанном, на ваш взгляд, самое существенное?

С. К.: Часто повторяется слово «Бог».

С.С.: Почему?

Саша К.: Это здесь – главное.

С.С.: Как понять слово «главное»?

Саша К.: Он стоит главой некоего... начала.

С.С.: Значит, изначально (а речь идет о книге Бытия, которая по-латыни называется «Генезис», «Начало», «Порождение») мы имеем дело с Творцом. Одно из определений любого творца – это тот, кто что-то начинает...

Сергей: Изначально в сущность Бога заложена способность творить.

С.С.: Это первое и главное. Но что еще?

Сергей: То, что Он – вечен.

С.С.: Пока, мне кажется, об этом нет речи. Не будем торопиться. Но чем, с помощью чего, благодаря чему выразилось это начинание?

Наташа: Образовалась твердь, вода...

С.С.: Разве твердь и вода не результат творения?

Наташа: Это то, что Он сотворил...

С.С.: Благодаря чему, однако, известно, что то, что Он сотворил, – это «твердь» и «вода»?

Наташа: Так написано в Книге.

С.С.: Верно, но это – следствия. Интересно все же узнать, отчего «твердь» стала твердью, «вода» – водой, а «свет» стал светом и т.д. Чем творил Бог?

Наташа: Может быть, словом?

С.С.: Словом! Из чего это видно?

Сергей (с удивлением): «И **сказал** Бог...»

С.С.: Действительно: «И **сказал** Бог...» Не просто сделал, а – сказал. Но не рано ли говорить о творении по Слову? В прошлый раз мы говорили, что одной из главных особенностей Средневековья является сопоставление и взаимообоснование Ветхого завета и Нового, творения конкретных вещей и творения «по Слову», но и по мысли, и по действию. Это скорее мысле=действие, слово=действие. Но откуда все-таки известно, что свет – это «свет», тьма – это «тьма» и т.д.?

Наташа: Так **назвал** их Бог.

С.С.: Значит, одно из Божественных деяний – называние, присвоение имен тому, что Он сделал. Но это случилось не тут же. Речь здесь постоянно

возвращается к началу как бы из уже ставшего, уже положенного... Как же Им выражается отношение к сотворенному?

Наташа: «И сказал Бог, что это хорошо...» То есть Он был доволен...

Сергей: Это – радость...

С.С.: Удовлетворение... Чистая эмоциональность.

Саша К.: Это – красиво. Красота. Удивление...

Наташа: Сам не знал, что творил.

С.С.: Точно! Удивился, ибо «сам не знал, что творил» – это действительно свойство творца. С одной стороны, ты знаешь, что творишь, с другой стороны – не ведаешь, что сотворишь. Ведь сотворенное всегда – *иное* замысла творения. Одна из особенностей настоящего произведения искусства состоит в том, что, выйдя из рук творца, оно начинает жить своей жизнью. В XII в. к рассмотрению проблем применялся метод, который назывался «Sic et Non» – «Да и Нет». Это означало, что одна и та же задача может не только иметь два противоположных решения, уподобленных аллегорическим фигурам, но и то, о чем мы сейчас говорим: «Да» в пределе своем чревато «Нет» и – наоборот.

Наташа: А вот в этом отрывке «Нет» порождает «Да»: была уже тьма над бездною, и только потом Бог сказал: «Да будет свет»...

С.С.: ...хотя сначала все же речь идет о творении неба и земли. Но то, на что обратила внимание Наташа, оказалось чрезвычайно существенным для всей средневековой мысли, можно даже сказать – определило в известной степени ее направление – творение «из ничего». ...В результате из чтения мы обнаружили:

1) что Бог является Творцом мира;

2) что Он творил Словом, которое равнозначно Делу: «сказал» значит «сделал», или же мысли=действием;

3) сотворенному были даны *имена*, потому задачей Средневековья было понять, что есть «имя», что есть

«термин», что есть «понятие»: что между этими словами общего и в чем разница. Обратим внимание, что в этом отрывке «слово» является и самими стихиями: воды, воздуха (ибо и то, и другое есть «небо»), земли — то есть оно тождественно вещи, и определением, оформлением стихий; дву(о)смысленность его здесь если и не очевидна, то уловима;

4) эстетическое и этическое («это хорошо») начинание мира и...

Наташа: «Не ведаю, что творю...»

С.С.: Да! Этот самый принцип «не ведаю, что творю» оказывается существенной характеристикой любого творчества; «не ведаю, что творю» чревато «неведанным» и «невиданным». В сущности «тварного», таким образом, заложена свобода, обоснованная свободой творчества.

Но продолжим комментарий. «В начале сотворил Бог небо и землю». — В каком «начале»? Как это представить?

Наташа: В начале чего-то нового. В начале, я хотела бы сказать, всего, чего раньше не было, а теперь пришло. Правда, у меня есть вопрос: как пришло «начало», при котором Бог сотворил небо и землю, и это — явилось началом?

С.С.: Вот Наташиными устами и обозначилась первая серьезнейшая, и именно философская, проблема — проблема *начала*... Можем ли мы сейчас что-то

*Августин
Блаженный
(354-430).*

*См. его толкование
«начала»: Аврелий
Августин. Исповедь.
М., 1989. Глава XII,
XIII.*

добавить?.. Даже многомудрый Августин ломал над этим голову, и нам не грех подумать, учитывая то, что мы говорили о «творчестве и чудотворстве».

Наташа: Или «небо и земля». Так как изначально земли и неба не было, значит, Бог находился в чем-то другом

— Он же был **до** этого начала, вопрос — где Он мог быть?

С.С.: Но что значит «был» для Бога, если Он всегда «есть»? И где, на ваш взгляд, Он пребывает?

Наташа: Нигде... Нигде или везде.

С.С.: Сущий и не-сущий?

Наташа: Нет... Сверхсущий. Но получается, что Он был в «ничто»...

С.С.: Да, если возникновение «из ничего» понять буквально. Или «ничто» – граница, где одно нечто кончается и начинается нечто другое... Но здесь «ничто» *происходит* бытием (помните, Наташа сказала, что в «Генезисе» «нет» чревато «да?»), бытие *происходит* всем и – ничем. Глагол «быть», «есть» означает здесь не тождество, а *производность*, что неизбежно при главенстве идеи творения, и именно это уловила Наташа. Она даже заострила вопрос: бытие предполагает особое «ничто», оно бытует; это небытие, понятое как инобытие – в Боге...

Потому и проблема начала – переключение одного в другое – так трудна: пока чего-то нет, это еще не начало, но едва это «что-то» появилось, оно уже не начало. Это и есть бездна – вместе «то, что есть» и «то, чего нет». Французский лингвист Эмиль Бенвенист такое «то, что есть», одновременное с «тем, чего нет», назвал существеннейшим свойством именно слова. Получается, что выражение «вначале была бездна» тождественно выражению «вначале было Слово»... К тому же в про-мысел Бога входит возможность отстраниться от мира, возможность увидеть *предмет* своего промысла. Из уже ставшего, из его смысла можно говорить о начале, которое логически обосновать нельзя.

Как вы считаете, после сотворения мира Бог пребывал и на небе, и на земле или только на небе?

Наташа: Из контекста Библии следует, что Он постоянно присутствовал и там, и там.

С.С.: Как бы мы могли назвать такое присутствие – и «здесь» и «там» (в словесности словом «здесь» обозначался земной мир, «там» – небесный)?

Наташа: Вездесущностью.

С.С.: Даже вездесущественностью.

Петя: Но мы только что сказали, что небо и земля – в качестве творения, – выйдя из рук Творца, начинают существовать самостоятельно. Как согласовать эту вездесущность Бога, часто слишком эмоционально Им выражаемую (потоп!), со свободой твари. Ведь не исключено, что человек обладает свободой воли.

С.С.: Мы далеко забежали вперед: пока речь идет о начале творения неба и земли. Но вероятнее всего, что свобода одного, пусть величайшего и могущественнейшего, невозможна без свободы другого, пусть самого малого: это входит в понятие свободы. Да и кроме того: отпадение от Бога (им является сам по себе выход из рук Творца) понималось как зло, грех. Следовательно, грех и свобода в некотором смысле предположены, потому предположено было и грехопадение Адама – парадоксальным желанием иметь свободного, то есть – отпавшего, совершившего грех, партнера... Но вернемся к нашей теме.

Наташа: Как понять, что такое «небо» и «земля»? Имеется в виду материальный или духовный смысл?

С.С.: И тот, и другой: ниже мы коснемся этого, прочитав, как Коместор толкует слово «мир».

Наташа: Но я пока прочитала о земле. Значит, ада совсем нет? Может быть, ад и не подразумевался?

С.С.: Да, это место открыто для толкований. Правда, если на миг забыть о существовании евангелий и Откровения Иоанна Богослова. Вполне возможно, кстати, и толкование земли как ада, как места грехопадения. В фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев», или «Страсти по Андрею», если помните, есть такой эпизод: Андрей берется писать фреску «Страшный суд», мечется, мучится, почти мычит от невозможности, невыразимости этого предстояния. Ком глины летит на белую пустую стену как знак бессилия. После чего он дает обет молчания. Лишь после испытаний мук мира (татарский натиск) была написана

фреска. На лицах судей – высшее состояние покойной сосредоточенности.

Наташа: Мы говорим: «*Страшный* суд». А что такое – «*Страшный*»?

С.С.: «*Страшный*» от слова «страсть», «страстный». Какие еще могут быть синонимы?

Сергей: Страх, странный, страшилище.

Саша К.: Страхование.

С.С.: Правильно! «*Странный*», – сказал Сережа Мельников, т.е. остраненный, отстраненный уже от этого мира, но не чуждый ему. Последнюю букву в слове «страх» можно озвончить...

Сергей: Страж!

С.С.: Страх становится «стражем души» именно при условии странности, остранения... Сколько разных вещей мы выразили одним словом. Отыскиваем, собственно, возможность иносказания.

Наташа: Перейдем ко второму стиху?

Сергей: У меня есть некоторые добавления. Слова «в начале» в книге Бытия имеют смысл больший, чем кажется при первом чтении. Эта книга прежде всего была написана на еврейском языке, и по-еврейски она называлась не Книгой Бытия, а «Берешит», что в переводе означает «В начале». Некогда вообще все книги назывались по их первым словам. Потому слово «начало» дало заглавие всей книге.

С.С.: И genesis тоже означает начало, возникновение...

Сергей: Я как раз и хотел объяснить происхождение этого слова.

Наташа: Оно означало... некую... границу... когда не было...

С.С.: Границу того, чего, по словам Наташи, не было раньше. Возможность истории, связанной с последовательностью творения, или дела, последовательностью поколений, или рождения, генеалогии, и последовательностью времени...

Сергей: Фактически, это определение истории...

С.С.: Но есть еще одна последовательность. Звучит фраза: сначала звук, слог...

Сергей: Последовательность, связанная с порядком произнесения Слова.

С.С.: Т.е. бытие изначально словесно, исторично и временно.

Сергей: И еще: «в начале» надо понимать не «в начале всего», а именно по отношению к сотворению Земли.

С.С.: Почему?

Сергей: Потому что «все» уже было в Боге.

Татьяна Борисовна: Или: под началом всего можно понять начало всего для нас, для людей.

С.С.: Сережа сказал: «Все уже было в Боге». Можно ли конкретизировать это «место»?

Наташа: Очевидно, в мысли... И в вещи... И в том, и в том.

С.С.: И потому то, что произошло «в начале», можно назвать мысле=вещь. Как мы знаем, Воплощение, или Инкарнация, – одно из христианско-религиозных таинств. Вещь в Средневековье всегда тем самым причастна мысли... Но теперь мы можем конкретнее сказать и о том, чем было «ничто», в качестве инобытия для начинающего быть мира...

Наташа: ...мышлением. Знакомое словосочетание...

С.С.: Это как две стороны одной медали... Далее мы имеем дело с последовательностью воплощения. «Земля» была безвидна – что, во-первых, такое «земля»?

Наташа: Это то, на чем мы стоим.

С.С.: Да, но в этих стихах «нас» еще не было: «Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездной». Значит, земля есть бездна?

Наташа: Но может быть, земля и бездна были отдельно?

С.С.: Было отдельное творение земли и бездны? Из текста этого не следует: «Сотворил Бог небо и землю»,

не бездну...

Саша Р.: Просто «земля» понималась не так, как понимаем мы это сейчас.

С.С.: А как она понималась? Кстати, такой же вопрос можно задать и про небо и воду. Смотрите: «Дух Божий носился над водой». Еще раз вспомним: «над водой» – этим уже предполагалась идея пространства... Про воду ведь прежде тоже речи не было, речь шла о небе и о земле, которую Наташа определила так: то, на чем мы стоим.

Голоса: Земля – это дом, родина, почва...

Наташа: Небо – это воздух, вода – его часть.

С.С.: Потому можно, наверное, сказать: в начале были вода, воздух, земля...

Сергей: А! Это первоэлементы, первостихии.

С.С.: Речь идет о четырех элементах, пришедших в Средневековье из Античности. Какой элемент (их четыре), помимо 1) земли, 2) воздуха, 3) воды, мы забыли?

Саша К: Огонь.

С.С.: Верно. Но если мы поймем, что такое элементы, а элементы – это (в переводе с греческого) начала, для нас слова «земля», понятая как бездна, пустота, безвидность, или «небо», «вода» уже не покажутся чем-то непонятным; они и есть начала, из которых складывался (творился!) мир.

Т.Б.: Не знаю, может быть, это не относится к делу, но в первой главе «Евангелия от Иоанна» сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

С.С.: Давайте подумаем над тем, что сейчас предложила Татьяна Борисовна? Как называется то, что мы сейчас читаем?

Сергей: Ветхий завет.

С.С.: А Татьяна Борисовна привела пример из «Нового завета». Мало того, она этими словами *откомментировала* первые слова книги Бытия, отождествив Бога со Словом (а вещь – воплощенное

слово), и провела аналогию, сравнение и уподобление, то есть открыла именно средневековый метод истолкования. Читаем дальше.

Наташа: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». «Безвидная», т.е. не имеющая вида масса, не представляющая из себя ничего. Она не могла выполнять никаких функций вследствие безвидности и пустоты. «И тьма над бездною», т.е. тьма и есть бездна...

С.С.: Есть свойство бездны. Каким иным словом можно назвать бездну?

Сергей: Хаосом.

С.С.: Но бездна – еще и метафора безвидной земли. До дома, родины, почвы, о которых мы говорим, еще далеко. Земля еще никак не определена, она лишь отделена от неба и безвидна, даже не видна.

Наташа: «И Дух Божий носился над водою». Эту фразу я не очень понимаю, насчет Духа Божьего. Ведь прежде говорилось только о Боге, теперь вдруг появился Дух Божий. Это, наверное, одно и то же... Это некая составная часть, присущая Богу?

С.С.: Так одно и то же или составная часть?

Наташа: Не одно и то же. Дух Божий больше.

С.С.: И вас тут же обвинили бы в ереси. Потому что Бог понимался единым в трех лицах, и все ипостаси Бога полагались единосущными, совечными и неслиянными.

Наташа: Т.е. Бог – это все, а Бог-Отец, Бог-Сын – это составные части?

С.С.: В том-то и дело, что все ипостаси Троицы – единый Бог. Их единство – не слитность; единство обеспечивается их абсолютной личностной самостоятельностью и – взаимопроницаемостью. У такой взаимопроницаемости есть синоним – любовь, она выражается в полной жертвенности и самоотдаче, в необходимости – для полноты выражения другого, диалога с этим другим.

Петр Абеляр писал в книге «Христианская

теология», что в Библии с самого начала – через намек (это и есть иносказание) – заявлено о единстве и троичности Бога. В комментарии к фразе: «В начале сотворил Бог небо и землю», – Абеляр сообщает, что по-еврейски «Бог» звучит как «Элоим». А это множественное число от «эль». Абеляр полагает, что Моисей, создавая книгу Бытия, употребил слово «Элоим», по-еврейски – Боги, или Судьи, для того, чтобы выразить единое через многое, потому что Бог, пишет Абеляр, – троичен не по субстанциональному «отличию», но «по свойству персон». Ибо в том же стихе, где упомянуто слово «Элоим», глагол употреблен в единственном числе «сотворил», а не «сотворили». Во 2-ом стихе, продолжает Абеляр, Моисей говорит о различении ипостасей, т.е. ликов, Троицы – как раз то, на что обратила внимание Наташа, имея в виду упоминание о Св. Духе. Абеляр лики Троицы характеризует так: Отец – это Всемогущество, Сын – Мудрость, Св. Дух – Благо. Всемогущество и Мудрость он усматривает в словах: «И сказал Бог: да будет» то-то или то-то: т.е. для Отца в Мудрости Его сделать нечто не составляет труда. В словах же «И увидел Бог, что это хорошо» усматривает не только намек на Благо Св. Духа, но и на то, что вся Троица есть Высшее благо: тот, кто благ, мог сделать то, что хотел. Это принцип средневековой этики. Многие комментаторы того времени полагали, что в Книге бытия речь идет о Троице, ссылаясь на тот стих, где Бог, прогоняя Адама из рая, говорит: «Вот Адам и стал как один из нас». Из Троицы невозможно исключить ни один из ее ликов: ни Могущество, ни Мудрость, ни Благо. Вот как это доказывает Абеляр: «Всякий могущественный, но не умеющий регулировать то, что можно, по закону разума, обладает могуществом опасным и пагубным. Если он мудр, если действует рассудительно, но немощен, его усилия не приведут ни к чему. Будь он могуществен и мудр, но без благодати, это принесло бы тем более вреда, чем более его могущество и умение: то, что не движимо чувством доброты, не позволяет

другим надеяться на его благодеяния. Но тот, в ком три свойства соединяются вместе, или — кто может исполнить то, что хочет; кто, будучи добр, желает сделать что-то на основании блага и кто не преступает грани разума, тот, очевидно, истинно благ и по всем пунктам совершенен». Эту троичность Бога, естественно отсутствовавшую в иудаизме, схоласты Средневековья не только пытались усмотреть в Ветхом Завете, но и внедрить такое знание в паству. У Гийара де Мулэна, каноника из Эра, переведшего в 1294 г. «Схоластическую историю» Петра Коместора на французский язык, названия глав таковы: «Как святая Троица творила мир», «Как святая Троица создавала человека».

Кстати, я прошу пользоваться при истолковании глоссами Петра Коместора к Книге бытия. Прошу обратить внимание на тропы и фигуры, употребляемые Коместором при толковании. Поскольку на другом занятии пойдет речь о Салическом Законе, то хорошо было бы понять его отличие от римского права.

День второй. Введение в историю Салического Закона. Попытка понять, о чем идет речь

Экспозитор Светлана Сергеевна Неретина

Lex Salica — одна из древнейших варварских правд. Она возникла у салических франков. Кто такие франки? Это группа мелких германских племен, поселившихся в IV в. на севере Галлии в качестве союзников Римской империи. Под предводительством

Хлодвиг (466-511). | Хлодвиг из династии Меровингов, одно из этих племен — салические, или поморские, франки (от лат. *salum* — море) — завоевало большую часть Галлии,

образовав таким путем Франкское государство. У государства, естественно, должны быть свои законы. Ими и стал свод древних обычаев, обработанных под влиянием (его степень мы и постараемся выяснить) римского права и христианской религии. Известные рукописи разбиваются на 5 групп:

1. Древнейший текст, содержащий 65 статей.

2. Тот же текст, но уже с явными христианскими вставками (запрет брака между свойственниками, наказание за преступление против церкви, за убийство духовных лиц и т.д.).

3. Сокращенный вариант «Правды».

4. Позднейший исправленный вариант, возникший в VIII в.

5. Компилятивная группа (к ней относится рукопись, хранящаяся в Санкт-Петербургской Российской Национальной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина).

Из-за крайнего разнообразия рукописей восстановление первоначального текста рукописи невозможно.

Когда появилась «Правда»? Все историки согласны, что она появилась в VI в. Но это единственное согласие, касающееся всего корпуса законов. Ибо есть в «Правде» статьи и древнейшие и позднее внесенные; если внимательно читать текст, то он многое о себе расскажет. Так, в титуле 46 упоминается р. Луара, а это значит, что «Салический закон» не мог возникнуть ранее 507 г., когда Хлодвиг на Луаре вел войну с вестготами, живущими по Луаре (Тулузское королевство). Это подтверждается и следами вестготского влияния на «Правду». Во многих статьях идет речь о сильной королевской власти, что не могло бы быть прежде основания в конце V в. королевства. Новая монетная система со счетом на солид, равный 40 динариям, устраняет возможность более раннего происхождения, потому что такого соотношения до 481 г., по-видимому, не было. Виноград, о котором упоминается в «Законе», не рос в Салической земле

даже в сер. VI в., между тем как в стране по Мозелю (область Сиагрия, завоеванная в 486 г.) он обрабатывался уже в IV в. Таким образом, возникновение памятника приходится отнести ко времени между 507 и 511 гг.

О способе составления «Правды» говорит пролог, передающий в полуполюгендарной форме, что франки, приняв крещение, на трех судебных собраниях в разных местах (чтобы высказалась большая часть народа) по тщательном обсуждении установили Салический закон. Название *tractus* (договор) указывает именно на такой – объединяющий – характер.

Поскольку запись «Правды» была спровоцирована определенным актом, то в нее включены постановления, новые для *обычного* (от слова «обычай») *права*, например, юридический материал, не успевший еще обрести обязательный характер.

Как построена «Правда»? Она делится как бы на две части:

1) система штрафов, повторяемая статьей о вызове в суд, так как с этого начинается судебная процедура;

2) постановления о судебном производстве, о штрафах за оскорбление должностных лиц, о правообязанностях в семейных отношениях.

Сферой действия «Правды», по имеющимся данным, были области Турнэ и Камбре, земли к северу от них и страна по Мозелю, часть которой вместе с городом Суассоном была завоевана в 486 г. В королевстве Хлодвига она была общегосударственным законом. В истории права «Правда» сыграла выдающуюся роль. Ее влияние испытали Рипуарская, Баварская и другие «Правды». В IX в. *Lex Salica* становится по преимуществу франкским законом, в XI в. вытесняет все другие «Правды», кроме Лангобардской. Ей пришлось выдержать борьбу с так называемым персональным принципом, по которому человек на чужбине жил по закону своей родины. Принцип этот, очевидно, мог бы гарантировать права салическим франкам за пределами «родовой» территории, но

*Карл Великий (742-814).
Каролинги 751-905 (в
Италии), 911 (в Герма-
нии), 987 (во Франции) -
франкская королевская
династия.*

«Правда» уже была
огосударствлена, и этот
принцип мешал бы
единству права. Мысль о
таком единстве, по
свидетельству историка
Эйнхарда, возникла у
Карла Великого, а при

*Людовик
Благочестивый
(778-840).*

Людовике Благочестивом, сыне
Карла Великого, Агобард, епископ
Лионский, требовал объединения
всех племенных «правд» в общее
имперское право. Партикуляризм, проистекающий из
«персонального принципа», мешал централизму.

При исследовании текста мы попытаемся выяснить, можно ли, основываясь на Салической правде, говорить о вырастании феодальных отношений из недр Римской империи, скажем, из системы колоната? Или мы имеем дело с уникальным явлением? Попытаемся посмотреть на хозяйство, быт, политику, с точки зрения культуры. Но для этого нам прежде всего надо выяснить, как и что понималось у франков под термином «закон».

Библия и Салическая правда – два закона (религиозный и мирской), и задача наша понять почву, позволившую этим законам выступать в единстве друг с другом.

Одним из наших заданий на сегодня было сравнить Салический закон с римским правом. В чем их главное отличие?

Петя: Римский закон все обобщает, а Салический конкретен.

Олег Б.: Я заметил, что титулы в «Правде» условны: содержание не всегда соответствует названию.

Т.Б.: В Салической правде, кстати, речь идет о спящем и мертвом. Я вспомнила диалог Алкуина и Пипина, где сон – это образ смерти...

С.С.: Спящий и мертвый находятся как бы в одном или сходном состоянии. Спящий бездействен, он как бы мертвый... И действительно, этот образ использовал

Алкуин. Но – не хотите ли вы сказать, что в Салическую правду введены образы, метафоры, казалось бы, лишние в законе и отвлекающие от некоей нормы права? И все же вернемся к вопросу о различии римского и салического права. Как заметил Петя, римский закон – это закон нормативный. Салический – закон, учитывающий каждый конкретный случай.

Т.Б.: Да, но есть еще вопрос. Что значит: «...пусть разделят раба между собой»?

С.С.: Часть дня он будет служить одному, часть дня – другому.

Петя: Или кто-то половину раба купит...

Т.Б.: А почему в одной из статей упоминается именно 144 удара плетью – ни больше, ни меньше?

Петя: Таков обычай.

Олег: Значит, был случай, когда наказывали таким образом.

С.С.: Итак, два ответа. Первый: был *обычай* бить 144 раза. Второй: был *случай*. Ответы взаимоисключающие. Есть ли еще объяснения? Или обычай и случай взаимодополнительны?

Петя: Потому что, если ударить 145 раз, – загнешься.

С.С.: Т.е. наказание рассчитано именно на то, чтобы быть наказанием, а не уничтожением, на предельную норму кары, после которой человек остается жив. Мы, таким образом, можем, кстати говоря, решать и обратную задачу: узнать, какова была мера наказания, чтобы человек остался жив. Закон выверялся практикой, многократной проверкой. Он потому и назван «обычным». Кстати, о таком «обычае» упоминает Достоевский в «Записках из мертвого дома» в главе, где речь идет о наказании розгами: там палач точно знает, сколько ударов человек выдерживает, а после какого количества – умирает.

Т.Б.: Да. Вот еще один момент. Глава называется «Об убийстве мальчиков», а речь идет о беременных женщинах.

С.С.: Главы здесь составлены условно, об этом говорил Олег.

Петя: При таком объединении легче искать нужный раздел.

Т.Б.: Все-таки женились ли на рабах?

С.С.: А как вы считаете, судя по «Салической правде»?

Петя: Нет. Скорее всего, нет. Поскольку франки в таком случае автоматически становились рабами...

Т.Б.: ...и женщины, и мужчины.

С.С.: Но сама фиксация такой ситуации о чем говорит?

Петя: О том, что на рабах жениться не стоит...

Т.Б.: Что это все-таки происходило! И рабами становились?

С.С.: А почему же нет? Поскольку история рассчитана на умение представить себе ту или иную ситуацию, то давайте представим себе, что мы живем с кем-то в одной деревне, вместе растем, работаем, влюбляемся... Всегда ли с оглядкой на статус возлюбленного? И знатные женились на крестьянках, как известно.

Т.Б.: Юридически женились?

С.С.: Конечно. Достаточно вспомнить графа Шереметьева, который женился на крепостной актрисе. Это первое. А второе: надо подумать о системе расселения разных слоев населения. Какие слои «жмутся» друг к другу? Сильно ли отличалось положение раба от бедного франка?

Петя: Вероятно, не слишком.

С.С.: И потому потеря свободы в данном случае, может быть, и не была большой потерей? Здесь другое: все франки изначально были свободными и память об этой прирожденной свободе была столь сильна, что надо было сильной мерой – законом! – упреждать о ее потере. Как все же мы представили бы себе судебную систему франков?

Петя: Есть некие управители, назначенные

королем.

Олег: Суд как один из вариантов власти.

С.С.: Королем назначались судьи или правители? Или правители – те же судьи?

Петя: Мне кажется, правители... они же и судьи.

С.С.: Пока это – домыслы: на источник вы при этом не опираетесь, хотя известно, что в последующие века сеньор в своей вотчине сам творил суд. Но здесь о вотчине речи нет.

Петя: Но из текста видно, что, если у кого-то и было спорное дело, то они шли к правителю, чтобы разрешил тяжбу.

Олег: Король был самым высшим судьей...

Т.Б.: Он мог поставить человека вне закона.

Петя: Мог лишить его милости.

Т.Б.: Да, лишить милости...

С.С.: Вот это действительно важная вещь, что король обладает не только правом наказывать, но и правом миловать. Это в Средневековье вписано большими буквами: «Король, как верховный судья, имеет право не только наказывать, но и миловать».

Домашнее задание: 1. Прочитать «Римские деяния» («Средневековые латинские новеллы XIII века») и найти примеры, когда король не только наказывает, но и милует за одно и то же преступление. 2. Что означает слово «закон» по Салической правде?

День третий: о том, что такое естественное

Экспозитором должна была быть *Татьяна Кашаева*, но она заболела. Поэтому читали и комментировали Библию вместе.

Ира: «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один»... У меня по этому поводу вопрос возникает: светил еще нет, как же разделяется Богом день и ночь? Т.е. свет и тьма были

созданы до того, как были созданы светила?

Петя: Свет и тьма – это *понятия*, не зависящие от вещи, даже если эта вещь – солнце.

Т.Б.: Слово «свет», опять-таки, у меня вызывает аналогию с Евангелием от Иоанна, где это слово употребляется часто и где говорится о том, что существует свет истинный, который просвещает каждого человека, проходящего в мир. Этот свет – то, через что «все начало быть» (Иоанн далее творит: «Мир через Него начал быть, и мир Его не познал».) Этот свет как бы дан каждому человеку с момента рождения, т.е. есть свет, присущий человеку.

С.С.: Но все-таки *сначала* был свет, а *потом* имя. Сначала нечто чувственно-конкретное, потом его определение. Эту библейскую наивность не стоит сразу переводить в «ученый» мистицизм. Тем более – чем же светит человек?

Наташа: Душой.

С.С.: Душой и лишь потом...

Олег: Словом.

С.С.: Давайте посмотрим, как трактует это место Коместор.

Ира: «И сказал Бог: да будет Свет. И стал Свет. Т.е. он родил Слово, которым был. Так легко стал свет, как если бы кто-то слово вымолвил».

С.С.: Стал свет так *легко*, как если бы кто-то слово вымолвил. Это, конечно, никакая не наивность, «за» ним стоит многовековая средневековая выучка. Выучка магистра, знающего толк в слове – не только в эмоциях. Что же такое слово? Перейдем как бы на поле Средневековья от библейской прямоты.

Ира: Слово – это то, *чем* творит Бог. Инструмент.

С.С.: Но и Бог. А где оно (вспомним Наташин вопрос) помещается?

Ира: В пространстве.

Наташа: Везде и нигде. Как Бог.

С.С.: Оно есть, и его в то же время нет. Его нет, потому что, произносимое, оно исчезает. Оно есть как

высший, иной, необъяснимый смысл, как цель вещи и — вместе — как причина.

Т.Б.: Даже можно такую загадку построить.

<p><i>Диалог Альбина Схоластика и высокородного юноши Пипина. См.: Средневековая латинская литература. IV-IX вв. М., 1974. Пипин - сын Карла Великого.</i></p>	Смоделировать или стилизовать под диалог Алкуина и Пипина. Можно спросить: что есть слово? И ответить: то, что есть, и то, чего нет.
--	--

С.С.: По этому поводу можно и русские народные сказки вспомнить: принеси то, не знаю что... Они же как раз на этом принципе основаны: сотворить нечто, что есть и чего в то же время нет. Собственно, это и есть начало — слово. Но дело еще и в том, что слово, как сказал бы П.А.Флоренский, священник, философ русского «серебряного века» (1882 — 1937), — это материализация, «сгусток благодатных сил, мистический корень, которым человек связан с иными мирами», оно своего рода «святая плоть» вещи.

Наташа: Но эта «плоть» не совпадает с действительной вещью. Потому, наверное, мы постоянно сталкиваемся то с возможностью вещи, то с вылупленной из нее действительной вещью.

С.С.: Да, да, собственно в этом смысл слова: быть иным, чем вещь, и быть с нею связанным.

Наташа: Но слово — это еще какое-то цельное звучание...

С.С.: Но мы пока с этим не столкнулись. Вернемся к «свету»... А что такое тьма?

Ира: «Свет же он назвал неким сверкающим облаком, освещающим высочайшие части мира, светом чистым, каким он бывает обычно на рассвете, незадолго до восхода солнца».

С.С.: «Незадолго до восхода солнца!» — странное какое-то сочетание. Только что мы думали, что свет и тьма — это понятия, появившиеся не независимо от какого бы то ни было светила, однако все время идет...

аналогия именно со светилами, которые как бы уже есть, хотя их еще нет...

Ира: «И движется за солнцем, освещая поочередно то нижнюю, то верхнюю полусферу. Свет становится во время присутствия света. «Во время присутствия» – значит, что предвидение света мыслится в Боге прежде, нежели Он его создал».

С.С.: Понятно, что здесь имеется в виду?

Петя: Мыслить еще не значит сказать. Слово – это уже какое-то дело: проговаривание. Он до создания не знает не только вещи, но и слова.

С.С.: Я не случайно просила прочитать этот фрагмент: «Во время присутствия» означает, что предвидение света *мыслится* прежде, нежели Он его создал». Главное слово здесь...

Петя: «...мыслится»?

С.С.: «Мыслится». «Мыслится в Боге прежде, чем Он его создал». Но есть ли такое в Библии?

Наташа: И не могло быть – уж слишком заумно.

С.С.: Это взято из «Тимея» Платона. Вот очевидный момент «перевода» в Библию греческой идеи. Иначе слово казалось бы бессмысленным, а нужно, чтобы в основе творения лежало не просто слово, а слово осмысленное. Само чудо (а единственное непреложное чудо – слово) оказывается замыслом. Именно это и дало нам основание считать, что все сотворенное есть воплощение замысла через слова в вещь. Такой получается оксюморон, соединение несоединимого – вещее слово. «Вещь» и «вещее» – однокоренные слова. Вещь вещает о себе формой, качеством, целевым назначением...

Т.Б.: Как и в «Фаусте» Гете.

С.С.: В «Фаусте» делу все-таки отдано предпочтение. Словесность как принцип мира оспорена.

Т.Б.: Но там тоже дело названо третьим: мысли, слово, а потом дело.

С.С.: Там идет выбор между этой троицей: мысль, слово, дело как вещи в витрине, выбирай любую, если

выбор логически обоснован. Здесь же непреложная практическая очередность: мысль, слово, а потом дело — это общее место для средних веков. Петя, когда сказал, что понятие света существует до вещей, несущих свет, обратил внимание на действительно коренную проблему, стоявшую в то время: где находится идея вещи, понятие вещи, имя вещи: **до** нее (как Петя и предположил), но, может быть, вместе с вещью или после. Это называлось проблемой универсалий — общих понятий. Что такое слово вообще, что такое свет *вообще*, тьма? Что такое *человечество* или *человечность*? Есть книга и есть понятие книги: где, в какой момент возникает понятие книги, в которое включается ее содержание,

*Реализм,
концептуализм,
номинализм.*

оформление, рисунки и т.д. В связи с этим в средние века возникло три философских направления: *реализм, концептуализм, номинализм.*

Реализм — близкое нам слово, что мы под ним понимаем?

Петя: Отражение реальности.

С.С.: Но это тавтология.

Петя: Отражение материальной действительности.

С.С.: Того, что окружает человека на земле. Так вот, в средние века люди под словом «реализм» понимали нечто противоположное. Земной мир мыслился иллюзорным, потому, что мы — смертные. Вещи могут погибнуть при пожаре или наводнении.

Но есть мир мысли, мир идей, мир высших духовных сущностей, этот мир вечен, т.е. единственно реален. С чего, спрашивали одни, начинается Библия? Не с сотворения конкретных вещей, а с творения общего, с универсума, с неба и земли. Конкретными вещами она начинает наполняться только с 10 стиха. Земля наполняется зеленью, рыбами, животными, людьми — но как бы в единственном числе, скорее с творения универсального, скорее — с идеи вещей, которая была до вещей: были рыбы вообще, животные вообще, однако же безымянные: имена дал им человек

после того, как они были сотворены. С одной стороны, все – Петя точно заметил – было замыслено до творения, (но, Петя, не только замыслено, а – сказано: «и сказал Бог»), а с другой – поименовано *после* вещей. Эту странность, эту двойственность, противоречивость и заметили средневековые философы и теологи. Реалистами назывались те, кто полагал, что общие понятия возникли до вещей. Номиналистами – считавшие, что они возникают после вещей. А концептуалистами... Я могу прочитать Библию от первой до последней страницы – и ничего в ней не уразуметь. Следовательно, я должен вначале ее понять. И – родить новое встречное слово, в котором весь я как мир, универсальное. Следовательно, общие понятия, или универсалии сосредоточены в (внутри) вещи. Петр Абеляр, который был родоначальником концептуализма, мог бы возразить Коместору («предвидение света мыслится прежде создания света») так: мыслится-то слово, я в этом с тобой, моим учеником (так было), согласен, но один человек не похож на другого. Каждый говорит своим языком о мире, создавая в речи свой собственный мир. Тот толкует одно и то же слово иначе, чем другой, в одном обретает ясность, в другом теряет. Даже известная мысль становится иной в процессе ее высказывания *мною*, *моими* интонациями, с моей особой шероховатостью, иной мыслью, могущей поставить собеседника в тупик. Потому я должен находиться с ним в состоянии вопрошания и ответа... Концептуалистами, следовательно, считались люди, полагавшие, что общее существует через единичное, что имя вещей тесно сопряжено с самой вещью... Вот мы и подошли к проблеме именованья. Так почему же Он назвал свет днем?

Наташа: Просто Ему так захотелось.

Петя: «Днем» всегда называется свет.

С.С.: Наверное, день – это всегда свет. Впрочем всегда ли? Вот, к примеру, однокоренные слова «dies» (день), «deus» (бог), «divus» (божественный) употребляются в положительном значении, они связаны

с красотой, светом, благом («диво дивное» в русском языке). Но на востоке слова с таким же корнем имеют прямо противоположный, отрицательный смысл: Див, или Дэв, злой, мрачный дух. Тьма. Когда-то свет и тьма шли рука об руку и понадобилось их отделить. А что дальше пишет Коместор?

Ира: «Сущность его, света, совершенна в акте, т.е. в действии, или тогда, когда она обнаруживает себя в явлении. «И видит Бог, что свет был хорош», т.е. он явно понравился Ему. Либо же это выражение обозначает предвидение того, как свет стал и понравился Ему в той сущности, к какой Он его предназначал, либо же это сказано с помощью тропа: увидел значит, сделал явным.

С.С.: Вот, что означает слово «увидеть»: обнаружить, сделать явным, явленным. Эти два слова – *сущность и явление* – новые для нас...

Ира: «И отделил Он свет от тьмы» – отсюда начинается расположение, но что-то свидетельствует и о творении, как будто Он сотворил тьму вместе со светом, как, например, тень, падающую от стен, противоположных солнцу».

С.С.: Прокомментируем немного Коместора. Составим – по-средневековому – глоссу к глоссе. С момента отделения света от тьмы начинается расположение, творение, но одновременно и...

Петя: ...разделение.

*Сущность,
явление,
количество,
качество -
категории.*

Ира: «И соответственно *разделил* по местоположению и *качеству*, чтобы разные полусферы присваивали себе свет и тень не вместе, но поочередно и противоположно друг другу».

С.С.: Еще одна категория: *качество*. Но разве мы прежде уже читали про полусферы, про свет и тень? О противоположных полусферах? То, чего еще нет, вводится на правах уже имевшего место.

Петя: Он имеет в виду под небом и землю шар. Глобус, разделенный пополам, образует полусферы.

Одна его половина освещена в то время, как другая находится в ночи, а потом наоборот.

Ира: А разве земля представлялась шаром?

С.С.: Почему же нет? На средневековых миниатюрах часто изображен Бог, держащий в руках сферу. А кстати, и в представлении о Земле как ровной и плоской нет ничего нелепого – посмотрите на карту. В плане она видится именно такой. А мы пока читаем о Божественном зрении.

Ира: «Под этим подразумевается тот момент, когда произошло разделение ангелов».

Петя: Вот, оказывается, что! а вовсе не естественное деление на освещенное и теневое. То, что мы читаем, надо умножить на два.

Ира: «Светом называются возвышенные ангелы, а тьмою – отпавшие. И назвал свет днем от греческого «*dea*», что означает «ясность», т.е. свет называется светом, т.к. он *искупает* или очищает тьму».

С.С.: Умножить, действительно, надо. Речь идет не просто о Божьем, вечном и земном, временном мире, но и о религиозном, духовном: свет – искупление, очищение – это христианские этические нормы, направленные на спасение души.

Ира: «Тьму же Он назвал ночью от слова «*posendo*» – повреждение. Ведь замечено, что ночь вредит глазам и они не видят. Т.е. глаза во тьме не видят. Как название дня произошло от греческого слова, так и название ночи от *пустim*. «И был вечер и было утро». Так образовался один естественный день».

С.С.: «Один естественный день»... Коместор не повторил «и был день и было утро – день один», а написал: «Один естественный день». Но что понимается под словом «естественный», если речь идет об ангелах... Петя это верно заметил. Хотя, с другой стороны, свет и тьму он уподобил человеку с его тенью или полусферам: одна освещена, другая находится в тени... По всей видимости, в Средние века под естеством понимали все возможности, все способности, все явления мира и его сущность, ибо в них – Бог. Явление

– это обнаружение сущности через знак, или, как говорит Коместор, – через троп, троп – это возможность буквального, физического (для нас именно это – естество, природа), и мистического: ангелы святые и ангелы отпавшие как признак распада мира на светлое и темное, что и удивило Петю, вдруг осознавшего, что «их» естество – не наше.

Петя: Здесь, значит, сплошные переносы... Одно кивает на другое.

С.С.: А как кивает? Разве мы все это должны представлять поодиночке?

Петя: «Схватить» надо вместе...

С.С.: А написать – в силу линейности, вытянутости речи – раздельно, что, кстати, способствует и пониманию.

Ира: «И так полностью образовался один естественный день. В первый день, вместе с небом и землей, был сотворен и понемногу, по мере того, как свет клонился на запад, проходил вечер первого обычного дня. А когда свет прошел под землю к восходу, настало утро, т.е. кончилась ночь...»

Оля Тарасенко: Свет проходит под землей?

С.С.: Полушария, или полусферы здесь не те, что у нас. У нас их граница проходит по вертикали: одна полусфера – Америка, другая – Евразия и Африка. А тогда – по горизонтали: внизу земля, вверху небо. Сфера земли входила в сферу неба, и солнце было попеременно над и под землей... Как мы назовем такое рождение мира?

Олег Б.: Бытием! И здесь «бытие» понимается как «порождение». Мы в прошлый раз об этом говорили.

С.С.: Но не получилось ли, что, поскольку Бог помыслил сущность того, что есть, прежде, чем оно стало, бытие и мышление оказались по разные стороны? Одно отделено от другого?

Наташа: Мысль как небытие... Небытие бытия.

С.С.: Но мысль есть, значит, она тоже бытует. Мы же говорим: она происходит бытием.

Т.Б.: Как, и бытие связано с мыслью?

С.С.: Мысль теснейшим образом связана с этим самым бытием. Можно даже сказать: бытие есть явление мысли. Я хочу подчеркнуть эту вертикаль, хотя они взаимоподпирают друг друга. Итак, получилось, что все, что есть: мистическое, аллегорическое, буквально-видимое, тропологическое, — образует единое целое, обретая форму сфер, совершенство формы. Это и есть естество...

Я думаю, сегодня мы окончим наш комментарий и распределим темы по «Салической правде». Саша Каневский спрашивал о стоимости вещей, чему был равен динарий и солид. Он и возьмет тему: «Деньги в «Салической правде».

Олег Б.: А какую литературу?

С.С.: Текст «Салической правды» у вас на руках. Больше пока ничего не нужно. Будем учиться извлекать из документа максимум возможного. По ходу дела появится и необходимая литература.

Олег: В «Правде» говорится: если вор будет уличен, то за это такой-то штраф, а что будет, если он не будет уличен?

С.С.: Не пойман — не вор.

Петя: Да в этой «Правде» столько уловок, что вор сможет выкрутиться.

С.С.: Вот и возьмите тему: «Уловки вора». Еще бы я хотела, чтобы был доклад о хозяйстве, типах зависимых людей по «Салической правде». Кто сможет?

Ира: Да, в Библии и в «Правде» часто употребляются такие универсалии (мы уже знаем, что это такое), как род, вид и т.д. Может, посвятим этому одно из занятий?

С.С.: Наташа, вы сможете? Тему «Что такое «закон» в «Салической правде?» берет Олег Батлук. «Обычай и обряды» — Тарасенко Оля.

Еще вопросы: можно ли посмотреть на «Салическую правду» с христианских позиций? Каким образом варварский мир был подготовлен к принятию христианства? Что такое число в «Салическом законе»

и в Библии? И вообще – что за жанр «Салическая правда»? Да, и посмотрите, какие племена населяли Европу.

День четвертый: о связи понятий «речь», «вода», «жизнь»

Экспозитор Сергей Мельников

Сергей: Я хотел бы начать со «Схоластической истории» Петра Коместора, которая реально есть комментарий к Библии. Этому комментарию предшествуют два пролога: один – посвящение архиепископу Сансскому с просьбой одобрить труд. В другом – весь видимый и невидимый мир представлен как здание с тремя палатами. Но я прочитаю их.

Итак, первый пролог. «Достопочтенному отцу и владыке своему Гильельму, Божьей милостью архиепископу Сансскому, Петр, раб Христов, пресвитер из Труа, доброй жизни и блаженной кончины желает. Причиной предпринятого сего труда было неустанное желание собрать моих, которые, внимательно прочитав пространную историю Священного Писания, представленную последовательно и с пояснениями, но слишком краткую и невнятную (С.С.: Помните, а мы говорили, как нам все ясно?), понудили меня написать произведение, к которому они могли бы прибегнуть, чтобы следовать исторической правде. Так, в труде сем душа водила пером, чтобы я не уклонялся от слова Отцов. Да будет любезна такая услаждающая слух новизна.

Далее, начав с космографии (вот, и я говорил так. – С.М.) Моисеевой, я довел поток истории до Вознесения Спасителя, оставляя более опытным людям то море чудес, с помощью которых можно идти по стопам древнего и выковывать новое. Что же касается истории язычников, то я включил некоторые инциденты сообразно духу времени – это похоже на поток, что наполняет по пути побочные русла, не переставая течь.

Так как, однако, труд написан грубым пером и нуждается в обработке, то за вами, славный отче, оставил я тщательную отделку его, чтобы и ваши поправки, и авторитет сообщили сей книге ясность и долговременность. Да благословен во всем Господь».

Теперь второй пролог. «Во дворце его Императорского величества надлежит иметь три палаты: аудиторию, или консисторию, в которой Он определяет права; трапезную, в которой распределяет Он пищу; спальню, где Он отдыхает. Таким образом Владыка наш, управляющий ветром и морем, владеет миром через аудиторию, где все упорядочивается по воле Его. Отчего сказано у Исайи: *небо и землю я наполняю*, — благодаря этому сказывается Господь. Отсюда: *Господня — земля и что наполняет ее*. Душу праведника Он обымает в спальне, так как радость Ему пребывать там и отдыхать с сынами человеков. И потому называется Он женихом, душа же праведника — невестою; в трапезной, где Он напояет своих, оставляя их трезвыми, Он хранит Священное Писание. Откуда: *в дом Господа мы ходили согласно*. Потому Он называется *pater familias*. Три части в трапезной Его: фундамент, стены, крыша. История — это фундамент, коей три вида: анналы, календарная, эфемерная.

Глосса: *Годовая история — нечто, происходящее за один год, календарная — то, что свершается за один месяц, эфемерная — что происходит внезапно, за сутки или часть месяца. Она называется эфемерной, так как напоминает морскую рыбку, умирающую в тот же день, в какой родилась, или чуть позже.*

Аллегория — это стена, вздымающаяся ввысь, которая изображает одно деяние через другое. Тропология — вознесенное. Тропология — вознесенное на крышу дома, которое благодаря содеянному сообщает нам то, что нужно делать. Первая, то есть история — более ясная, вторая, то есть аллегория — возвышенное, третья, то есть тропология — прекрасное.

Глосса: Во главе толкований стоит анагогия (С.С.: мистическое толкование), понимающая под Священной историей Град Иерусалимский; воинствующая церковь при этом оказывается аллегорией, а тропология – душами верующих.

Из фундамента мы извлекаем Слово, необходимое для украшения; у исходной черты фундамента находится Тот, Кто Творец всего как его начало».

Петя: Да-а-а, с этим еще разбираться и разбираться...

Наташа: Это, конечно, так, но мне это напоминает историю с Салической правдой: там тоже века три спустя ей приписали пролог и эпилог.

С.С.: То есть та, казавшаяся незавершенной история, вечно начинающаяся с «и», оформилась как прочное, незыблемое мироздание. От изначальной библейской наивности не осталось и следа: скорее мы здесь имеем дело с хорошо отрепетированным, схоластическим умом: это уже иная культура.

Сергей: Не библейский шатер, а дворец с аудиторией, спальней и трапезной...

С.С.: С аудиторией, которая символизирует творческую жизнь, спальней – символом созерцательной жизни и трапезной – символом деятельной жизни.

Петя: Полная характеристика жизни.

Наташа: А кто такой Коместор? Почему он столь представителен?

С.С.: XII век как бы аккумулировал в себе все предыдущее знание о Библии. Коместор был главой соборной школы в Париже, написал «Схоластическую историю» для школяров, по которой учились в течение четырех веков. На русском языке нет пока что, кроме этого, мной переведенного, комментария к Библии, который бы относился к развитому Средневековью, да еще написанного специально для школяров, то есть бывшего своего рода учебником. Мы, кстати, можем сравнить его с нашим учебником, и первое отличие то,

что Коместорова «История» выставляет знание на обсуждение. Это не окончательное, отработанное, несомненное знание, как оно представлено в наших учебниках. Комментарий — это вглядывание в текст, тем более что текст — сам мир.

Петя: А зачем нужны прологи?

С.С.: Первый — посвящение и освящение — означает, что в комментарии нет еретических или неверных положений, поскольку он апробирован авторитетом. Второй пролог — предварение, предвестие того, что будет.

Петя: Как в Евангелиях... И мы читали о том, что Бог помыслил сущность вещи прежде, чем она была сделана...

С.С.: Да. «И было все как у плотника, который хочет построить дом. Сначала была идея дома, потом материал его...» Мы все время замечаем попытки средневекового интеллектуала постигнуть, даже структурировать творчество: первое смещение мира, деление, второе смещение... Мы уже обратили внимание, что у Коместора вроде бы выведена вертикаль — от Бога к человеку. С другой стороны, тропы — это бесконечные иносказания, причащающие вещи друг к другу, т.е. сотрудничество по горизонтали и вертикали вместе, что и делает мир единым, мирозданием. С одной стороны, неподвижность (образ твердого камня). С другой стороны, эта неподвижность «разъедается» историей, ибо мироздание — символ библейской истории. История, где царствует случай и свобода (произведение, выйдя из рук Творца, живет самостоятельной жизнью).

Т.Б.: Как это понимать? В Библии мы сталкиваемся не только с полной свободой, но и с рабством. Как и в Салической правде.

С.С.: На прошлом занятии мы говорили, что общинники Салической правды свободны по природе.

Наташа: Но в «Салической правде» упоминались и рабы, и вольноотпущенники, и литы. Они — не рабы по природе?

Петя: Разве в средние века все были свободны? Мы знаем о крепостных и сеньорах.

С.С.: Возможно, что рабы Салической правды имели другое происхождение: римские рабы, военнопленные, чужаки, как, впрочем, и в Библии. Но в Библии понятие «раб» двоятся. Оно не только означает раба-чужака, раба, экономически и лично зависимого от господина. Оно означает, что каждый человек – раб Божий. Одновременно с полной свободой каждый человек, как говорил Маркс, «от чистильщика сапог до короля» должен был ощущать себя полностью зависимым от Бога. Два состояния – полной свободы и полной зависимости – должны быть обоснованы. Нужно также понять, чем вызвано появление зависимых в средние века. Я же не говорю, что не было свободных или зависимых, я говорю, что по природе, т.е. изначально, в ранний период люди чувствовали и помнили себя свободными. В последующих документах – прекарных и престарных грамотах VIII - IX вв. мы читаем, как формировались разные формы зависимости: поземельная, судебная и личная (правда, все три вида соединялись не столь часто).

Наташа: Как освобождались от зависимости?

С.С.: Мы все время забегаем вперед. Причины – они все были разные. Например, человек мог разбогатеть. Или – уйти в Крестовый поход. В таком случае он освобождался от уплаты талги (налогов), его хозяйство поддерживалось общиной, церковью, сеньором. Обо всем этом разговор впереди. Но у средневекового человека изначально была другая ментальность (мировидение, ощущение себя в отношении к миру), чем у человека Античного мира, грека ли, римлянина... К сегодняшнему дню я просила вас посмотреть, какие варварские племена населяли Западную Европу. Вестготы ли, остготы, лангобарды, франки и т.д., – это все свободные люди. И даже, если они вступали в какую-то зависимость друг от друга, у них оставалась память об их исконной свободе, к которой – с помощью экономических или юридических

мер — они могут вернуться. Этой возможности был лишен раб в Римской империи, где любой ребенок полагался рабом своего отца. Потому рабство человека не было экстраординарным состоянием, оно было нормой античной жизни. Человек как бы возрастал от рабского состояния к свободному. В Средневековье — наоборот. Но Средневековье выработало свою особую, свыше санкционированную, функцию. Ты свободен, если выполняешь свою конкретную обязанность. На такой ролевой функции держалась система вассалитета. На верхней ступени лестницы — король, затем два высших сословия — дворянство и духовенство, и все это подпирается крестьянством. Дворянство поставляет людей и для собственного сословия, и для духовного, потому что по действовавшему «праву майората» имущество отца всегда переходило по наследству к старшему сыну (majog — старший). Что делать остальным сыновьям? Либо становиться клириками, либо идти в вассалы, на службу к другому сеньору, в рыцарскую дружину в надежде «завоевать» землю.

Т.Б.: А если дочь?

С.С.: На этот вопрос нам должна дать ответ «Салическая правда»: какие права наследования имеет

Хильперик
(539-584).

в ней дочь? Почему потребовался Эдикт Хильперика (VI в.), специально оговаривавший право

Эдуард III
(1327-1377).

наследования дочери? Именно на этот Эдикт впоследствии ссылался английский король Эдуард III,

предъявлявший претензии на французский престол,

Капетинги (987-1328) - королевская династия.

когда умер последний король из рода Капетингов, а Эдуард был внуком одного из последних королей этого рода по женской

линии...

Но вернемся к началу разговора, начатого Сергеем Мельниковым. Мир представлен Коместором в виде дворца короля или императора. Сережа, расскажите подробнее.

Сергей: Дворец короля... Под «королем» понимается и небесный царь, и земной. Дворец делится на три части: аудиторию, трапезную и спальню. Я сам не разбирался в этой символике. Но главное в том, что фундаментом трапезной является история, стенами – аллегории, а крышей – тропология. Получается, что деятельная жизнь внизу, созерцательная связывает низ и верх, а творческая наверху.

Петя: Вот и думай, что здесь фундамент: в Прологах история, а в Библии мысль Бога.

С.С.: И в Библии речь идет о двух историях: священной, идеально-замысленной, и земной истории... Впрочем, помните, мы обратили внимание, что Коместор для подтверждения некоей Божественной идеи пользуется образами уже сотворенного мира: объясняя, что такое свет, он говорил о светилах, которые еще не были сотворены. Мыслимое можно обосновать актуально присутствующим и наоборот. Коместор старается убедить, что все – только от мысли Бога, а подтверждает это лишь тем, что земной мир – единственное полнокровное доказательство бытия Бога. Потому продолжим чтение, обращая внимание на тот комментарий Коместора, где он будет пояснять тропы и фигуры. Итак, шестой стих... Пожалуйста, Сережа.

Сергей: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды».

С.С.: Какие по этому поводу соображения?

Петя: Во-первых, речь идет о создании материков.

С.С.: Написано: «твердь среди воды».

Петя: Но фактически – создание материков.

С.С.: Тогда не материков, а материка. Здесь употреблено единственное число. Кстати, о «материке» – какой здесь корень?

Петя: Мать, т.е. основа основ.

Сергей: (читает по Коместору, где сотворенное названо машиной).

С.С.: Машина, отсюда – машина. Но все же как это понять: отделил «воду от воды»?

Сергей: Т.е. эту вот махину Он разделил на две части.

С.С.: На какие две части?

Сергей: На твердь и воду.

С.С.: Тогда давайте вернемся к началу. «В начале сотворил Бог небо и землю». Что такое здесь земля?

Петя: Земля – не почва, а планета.

С.С.: Если имеется в виду планета, значит ли это, что, когда мы говорим «земля», то возникает образ чего-то твердого, связанного с почвой?

Петя: Нет.

Сергей: Да. Нечто напоминающее почву. А может быть...

С.С.: ...Нечто напоминающее землю-почву, землю-планету или – идею земли. В прошлый раз мы говорили, что то, что сказал Бог – это то, что он помыслил. Можно ли сейчас говорить о земле как о твердом, если не сказано...

Т.Б. и Петя (говорят вместе, одновременно): «И Дух Божий носился над водою».

С.С.: Это конец стиха, а его начало?

Петя: «Земля же была безвидна и пуста...»

С.С.: Она была не просто безвидностью и пустотой. Эта безвидность как-то называлась.

Сергей: Бездной.

Грек - Платон. | *С.С.:* Бездной, которую Грек назвал...

Сергей: Хаосом.

Хаос. | *С.С.:* Следовательно, земля представляла собой хаос. Но откуда взялась вода?

Петя: Он решил разграничить хаос как бы на два состояния.

С.С.: На какие два состояния?

Петя: Жидкое и твердое.

С.С.: Следовательно, прежде было какое-то иное состояние?

Петя: Никакое. Среднее.

С.С.: Написано: «И Дух Божий носился над водой».

Олег: В каком смысле «среднее»? Может быть, «средним» и была во...

Петя (перебивает): В таком смысле, как изначально было.

С.С.: Но как было изначально?

Сергей: Что-то типа махины.

Петя: Может, эта махина изначально ни твердое, ни жидкое – ничто.

С.С.: Но написано: «...над водой».

Петя: Бездна! Там бездна.

С.С.: Обратим внимание на сопоставление бездны с водой.

Петя: Как это: бездна и вода? Я не понимаю.

С.С.: Что написал по поводу второго стиха Библии Коместор?

Сергей: «Над нею Он носится, пока располагает то, из чего будет сотворен мир. Он назвал водой упомянутую махину, как тягучую материю, предназначенную для творения».

С.С.: Вот. Т.е. это еще не вода, это возможность воды. «Материя» и означает возможность. К тому же бездна – не говорит ли, что и земля, и небо (воздух) – это элементы, производные от воды, она – вначале?..

Петя: Он как скульптор над мокрой, жидкой глиной.

С.С.: Совершенно верно. – У Коместора именно такой образ, дальше мы это увидим. Следовательно, хаос, бездна – синоним возможности воды. Тягучая махина, тягучая громада, бездна (без дна) – без края и конца, как и та вода.

Петя: Поэтому у нас и есть слово «махина».

С.С.: Да. Значит: «...и отделил воду от воды» это – выделил собственно воду из того, что было лишь возможностью воды.

Т.Б.: Или воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью.

С.С.: Но если вначале все было как бы водой, то

почему упоминается, как первое творение, небо и земля?

Сергей: Может быть, небо понимается как эмпирей?

С.С.: Да, и комментатор ниже об этом говорит. Безусловно, и так можно понять!

Сергей: У Коместора сказано, что было еще и четвертое небо, где жил этот, на «Л» — как его зовут?

С.С.: Люцифер.

Сергей: Да, так вот у Коместора сказано, что он жил в эмпиреях.

Петя: А может, имеется в виду небесная сфера или небесная твердь?

С.С.: Почему все же небо названо «твердью», о которой пока ни слова?

Т.Б.: Об этом сказано в восьмом стихе.

С.С.: Но не кажется ли вам, что рассказ ведется как бы *post factum*? Пишущий уже знает, что есть, но пытается рассказать по порядку, употребляя для

Вечность, время. | прошлого понятия будущего? Не в том ли состоит вечность — совмещение, единство времени?

Петя: Но, может быть, под небом и землей имеются в виду два хаоса?

С.С.: Хаос — это полное смешение: два или три хаоса — это все равно один хаос. Однако, все-таки, не может ли так быть, что и ветхозаветный, и средневековый логический, «схватывающий» ум упреждает историческую последовательность? Что рассказал Коместор про небо в самом начале?

Сергей: Что оно — твердь.

С.С.: Как раз то, что сказал Петя.

Сергей: «Хотя то, что сделано вместе, или одновременно, не могло одинаково называться».

С.С.: Потому это совместное названо ранее сотворением неба и земли. Последовательность здесь чисто грамматическая.

Сергей: Да, наверное, потому что Коместор пишет:

«Ведь прежде здесь называется небо, а не земля, однако записано так: Вначале ты основал землю, и небеса – дело рук Твоих».

Т.Б. (читает дальше): «Творение мира, сжато изложенное, писание объясняет как шестидневный труд, вводя три [различия]: творение, расположение, украшение. В первый день – творение и некоторое расположение, украшение. Во второй и третий –
Глосса. | расположение. В остальные три –
| украшение. Глосса...»

С.С.: Что такое глосса? Глосса – это пометка на полях. Переписчик имел право вставить в текст свои собственные замечания; когда следующий скриптор (писец) переписывал его, он включал предыдущую глоссу в основной текст, а сам мог поставить новую глоссу на полях. Таким образом, Библия и превратилась, по выражению Пастернака, «в записную тетрадь человечества». Обратите внимание: у Коместора на одну фразу из Библии страницы три комментария.

Т.Б.: Итак, глосса: «Так, например, когда я открываю глаза, мой взор тотчас устремляется на восток к солнцу; он перелетал через то, что составляло только воздушное пространство. Однако, если бы я захотел объяснить [последовательность] этого мгновенного перелета, то я должен был бы постоянно добавлять [слова] «прежде» и «затем». Так прежде [всего] взгляд мой пронзал воздух, окружающий [меня], затем тот, что над Альпами, затем – что над другими землями, затем воздух, что над океаном, и лишь после того он касается солнца».

С.С.: О чем это примечание? Попробуем его откомментировать. Что сказано про самый первый стих Библии? Что в начале все было сотворено вместе. Комментатор поясняет, почему надо учитывать это «вместе»: ведь когда мы пишем, мы не можем написать одновременно «небо и земля». Изобразив, даже если удастся, слово на слове, мы обнаружим тот самый хаос, о котором ведем с вами речь. Поэтому, мы должны

сначала написать одно слово, даже букву, а затем другое и т.д. Но это вовсе не значит, что сначала творилось первое, а потом – второе. Нет. Это правило нашей речи: писать последовательно друг за другом, что и подтверждает глоссатор. Но – давайте найдем однокоренные слова к слову «речь».

Сергей: Река! Река – это вода. Значит, вода как-то связана со Словом, которое было вначале. Вот почему он так краток! Ясно, что вода изначально, как речь, слово, которое нужно развернуть.

Петя: Но, может быть, и безвидность была только потому, что ее описать было невозможно одним словом?

С.С.: И потому, наверное, а во-вторых, речь – наша в том числе – обладает способностью всегда забегать вперед. Давайте сосредоточимся на слове «мир» – мир, который творится. Ведь нам надо еще ответить на вопрос Наташи, заданный на прошлом занятии, какой смысл вкладывался в понятие неба и земли – духовный или материальный. По-латыни мир – mundus...

Петя: Это как-то связано с луной?

С.С.: Сейчас узнаем.

Т.Б.: «Слово «мир» (mundus) имеет 4 значения: небесная империя, или эмпирей, называется миром по чистоте (munditia) своей; чувственный мир, который назывался «пан» (pan), а латинянами – все (omne), так как Философ не познал эмпирей; земля – подлунная область (С.С.: Вот и связь с луной), в которой обретается все известное нам живое, откуда князь мира сего изгнан будет вон».

С.С.: Это кто такой, «князь мира сего»?

Дьявол.

Люцифер.

Сатаниель.

Князь мира.

Сергей и Петя (вместе): Дьявол.

С.С.: А почему он назывался князем мира?

Петя: Он – на земле.

С.С.: Князем той самой

творящейся сейчас земли, князем подлунного мира.

Т.Б.: «...миром называется и человек, сам собою

являющий образ целого мира, отчего и сказано, что человек есть творение Господне. И Грек называет человека микрокосмом, т.е. малым миром. Эмпирей же, и чувственный, и подлунный мир сотворил Господь, т.е. сделал из ничего» (мы об этом говорили). «А человека сотворил, т.е. изваял как скульптор» – выше мы об этом тоже говорили.

С.С.: Значит, человек называется микрокосмом, а мир – макрокосмом. Здесь Коместор употребил странное слово – Грек. Кто он?

Петя: Просто абстрактный грек, грек вообще.

Сергей: Платон.

С.С.: Да, здесь мы впервые сталкиваемся с иносказанием, кеннингом. Когда говорим: «лучший друг детей», – мы понимаем, кто имеется в виду под этим?

Сергей: Ленин.

Петя: Ну, положим, все-таки, товарищ Сталин.

С.С.: Или когда мы говорим «певец революции», то кого подразумеваем?

Сергей: Маяковского...

Петя: Горького.

Т.Б.: Скорее, Горького – когда говорим: «Буревестник».

С.С.: Мы настолько хорошо это знаем, что после слова «Буревестник» ни к чему писать в скобках «Горький».

П.С.: Это – намек, который действует только определенное время. Через 200 лет люди будут над этим ломать голову.

С.С.: Совершенно верно. Также и мы с вами ломаем голову над тем, кто такой «Грек», или говорим, что это – собирательное имя. На самом деле, под «Греком» действительно – Сергей прав –

Философ-Аристотель. | подразумевали Платона, когда же говорили: «Философ» – подразумевали Аристотеля. Их псевдонимы знали в то время все. А когда говорили «этот поэт», – подразумевали Овидия (это в христианском-то мире!).

Петя: «Этот» – значит, самый известный.

С.С.: И самый известный, и, главное, образцовый. Вот это (указывает на Библию) – тоже образец книги, мысли, души, не случайно все комментировали ее.

Итак, мир четырех видов. Первый – эмпирии, второй – это подлунный мир, третий – это человек. Четвертый – чувственный мир. Все, что было создано из некоей тягучей материи (условно называемой водой, или махиной). Далее происходит отделение собственно вод от тверди. Что же под этим понимается? 7-й стих: «И создал Бог твердь...»

Т.Б.: «...и отделил воду, которая над твердью, от воды, которая под твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй».

Сергей: «Во второй день расположил Бог высшие части чувственного мира». Это у Коместора.

С.С.: Что значит чувственный мир?

Сергей: Мир подсознательного? Надо подумать.

Петя: Духовный мир.

Олег: Мир, который нельзя постичь.

Петя: Понял! Как раз наоборот. То, что ты реально можешь потрогать, увидеть, услышать, обнять, вкусить – это и есть чувственный мир.

С.С.: А вот умопостигаемое – невидимое, то, что мы можем сконструировать и понять нашим умом или постичь духовно. Скажем, слово «человечество» мы увидеть не можем...

Петя: Ну, в принципе можем, конечно, представить абстрактную толпу людей.

С.С.: А слово «идея»?

Петя: Нет, увидеть не можем.

С.С.: А «мысль»?

Петя: Трудно...

С.С.: Понятия, конструируемые умом?

Сергей: Дальше объясняется слово «твердь» – это «поверхность» мира из застывших вод и прозрачная, связавшая внутри себя все сопредельное чувственного мира, наподобие кристалла, или яичной скорлупы».

С.С.: Что значит поверхность мира?

Петя: Поверхность мира – почва, корочка – оболочка. Или литосфера.

С.С.: А яичная скорлупа?

Сергей: Ab ovo – значит, от начала мира.

С.С.: Т.е. яйцо было образом мира. Сферой.

Сергей: «И на ней – незабываемые созвездия. И называется она твердью не только по своей крепости, но и потому, что она твердая и нерушимая граница вод, которые над [и под] нею. И называется она небом, так как скрывает, т.е. охраняет все невидимое. А когда читают о тверди неба, то это гендиадис...»

Гендиадис. | *С.С.:* А что такое гендиадис?

Сергей: «Гендиадис – одно через два, т.е. фигура, выражающая одно понятие двумя словами, когда одно из них или служит определением другого, или же усиливает его смысл. Выражение «знаки и времена», т.е. «знаки времен», – гендиадис».

С.С.: Какие вы можете привести примеры гендиадиса?

Олег: Времена года.

С.С.: Т.е. «времена и годы».

Т.Б.: Части света.

Петя: Слоны султана.

С.С.: К сожалению, гендиадис – это фигура речи, как и другие фигуры, которую мы забыли. Под одно и то же понятие подводятся два разных.

Т.Б.: И «певец революции».

С.С.: И «певец революции», и «твердь неба».

Сергей: «Твердь неба» – это игра ума.

С.С.: Библия и представлялась именно как серьезнейшая игра ума. Это не просто описание или череда физически ощущаемых явлений, исторических событий, это...

Олег: Книга с тайным смыслом.

С.С.: Со многими смыслами. Даже так: не столько тайными, сколько откровенными, но не постигнутыми смыслами: чем больше ее вопрошаешь, чем больше их

открывается, тем более хитрым, ловким, не праздным, творческим становится и вопрошающий. Идет тайное соперничество: восхищение мощью и красотой творца возбуждает творчество человека, его способность сказать несказанное. Что такое, к примеру, «твердь неба»? Произнося эту фразу, мы отлично понимаем, что имеется в виду, зная также, что небо в некотором смысле вовсе не твердое.

Петя: Но твердь бывает разной. Вот, например, песок: пока по нему ходишь, он – твердь; палец же в него втыкается совершенно свободно.

С.С.: Конечно. Потому Коместор и говорит о возможности такой фигуры речи, как гендиадис – иносказание. В строго определенном смысле, два в одном. Опять мы сталкиваемся с фундаментальной двусмысленностью, или двусмысленностью Слова.

Сергей (читает дальше): «Потому греки называют его сводом, или же Ураном, или же дворцом».

С.С.: Что такое Уран?.. Бог неба. Отец всех богов – в греческой мифологии.

Сергей: «Но говорят, что небом [называется] своего рода дом Гелиоса...»

С.С.: Кто такой Гелиос?

Петя: Бог солнца у греков...

Сергей: «...так как солнце, расположенное под ним, освещает его. Этот вращающийся свод Философ понимает как высшую точку огня. В самом деле, поскольку огонь не имеет того, отчего он разгорается, он должен постоянно вращаться, подобно тому, как это видно в печи».

С.С.: Понятна метафора?.. По древнегреческим представлениям, огонь – самовозгорающаяся стихия. А

*Аристотель. Соч. в
четырёх томах. Т.3.
М., 1981, с. 451.*

образ какой – печки! Это самым очевидным образом идет от Аристотеля, сравнивавшего в «Метеорологике» движение

огня, или пламени с движением головешек – сравнение, по Аристотелю, тем более точное, что для него четыре элемента есть тела. Вообще представление

об этом небосводе, т.е. «доме Гелиоса», или «верхнем месте» скалькировано с аристотелевского, на которого (Философ!) Коместор и ссылается. В трактате «О небе» Аристотель пишет, что то, что огонь стремится к высшей точке, происходит, с одной стороны, из *Там же, с. 288.* | постулата о движении, а с другой, из равновеликой тяжести тел. «Земля движется тем быстрее, чем она ближе к центру, а огонь — тем быстрее, чем ближе он кверху». То же, что Небо вращается, писал Аристотель, должно быть принято за аксиому, как и то, что Вселенная шарообразна.

Сергей: «Таким именно образом огонь вращается вокруг мира извне. И это звездное или вечное небо. Есть и третье небо, внизу, которое называется воздушным, отчего сказано: птицы небесные питали его. Некоторые предполагают, что есть четвертое небо над эмпиреями, так как читают, что Люцифер, пребывая в эмпириях, говорил якобы: Взойду на небо (Исайя; XIV, 13). И в нем, утверждают, обитает Христос во человеце над ангелами, которые в эмпириях. О тверди ясно: и отделил воду, которая под твердью, от вод, которые над твердью, о чем говорится: воды, которые превыше небес (Пс., 147), и они, как твердь, застывшие, как кристалл, чтобы не истаяли от огня, либо не испарились в виде тумана. Почему они там находятся, о том Бог ведает, разве что для того, как утверждают некоторые, чтобы летом оттуда влага стекала вниз».

С.С.: Обратили ли вы внимание, какими цитатами пользуется Коместор для подтверждения своих мыслей?

Сергей: Да. Но я хотел бы обратить внимание на *грамматические последовательности* и формы всего прочитанного. Здесь об одном и том же говорится трижды. Лишь в третий раз: создана твердь, и вода не проливается через ее край. И дальше то же: «как в доме, который нужно построить: *вначале* дом ставится в мысли художника, *затем* материально, когда ровняются бревна и камни, *затем* сущностно, когда подготовленные дома обретут определенную структуру.

Когда говорится: «да будет сделан», — это относится к силе духа или к предвидению Бога, когда сказано «сотворил», это относится к его работе с материалом, а «сотворено» — к его работе над сущностью». Т.е. «все» проходит как бы три стадии.

С.С.: Как вы думаете, число 3 здесь случайно или нет? В том же трактате «О небе» Аристотель, ссылаясь на пифагорейцев, обратил внимание на то, что «целое» и «все» определяются через число 3: начало, середина и конец составляют число целого и при этом составляют троицу. Вот почему, переняв у природы... ее законы, мы пользуемся этим числом при богослужениях» (с. 265). В христианской религии, как вы знаете, сам Бог троичен, но отношения перевернуты: не *природа диктует законы, а Бог, сотворивший природу*. Но вы не ответили на мой вопрос.

Т.Б.: Вы имеете в виду, что комментарий к Книге бытия подпирается ссылками на Псалмы?

С.С.: Да, так как важно понять, что *вся Библия* участвует в прояснении какой-либо своей части.

Петя: Сущность — трудная штука.

С.С.: Как вы понимаете, что такое сущность?

Олег: Цель.

Петя: Значение. Смысл — это и есть значение...

С.С.: Речь идет о сущности. Смысл, наверное, все-таки не тождествен сущности? Он предполагает участие кого-то иного, кто размышляет о вещи.

П.С.: Сущность — суть, то, что есть.

С.С.: Цель, сущность, или суть, к этому добавим материю и источник движения — все это, по Аристотелю, первопричины, или — начала бытия. Выше мы прочитали о форме дома, материале его и сущности — это и есть аристотелевы начала, в «Физике» так и записано: «строителю надо знать и вид дома, и материал...» (с. 86).

Олег: Основа.

С.С.: Основа — и это правильно. Но все-таки Сережа задал вопрос, что такое сущность? Что такое

материально, ясно. Что такое «в мыслях» — тоже. А что такое — сущность, нет, ибо это понятие действительно фундаментально. Сущность — это, как говорил Аристотель, цель возникновения, что есть вещь сама по себе.

Олег: Да, да!

С.С.: Скажем, в чем состоит сущность человека, не каждого в отдельности, а как такового.

Петя: Никто не знает. Это каждый сам для себя выбирает.

С.С.: Я ведь не спросила, в чем суть бытия Петром Суворовым, я спросила, в чем суть бытия человеком вообще?

Олег: В том, чтобы жить.

С.С.: А разве это не сущность любой живой твари?

Сергей: Страдать.

Олег: Говорить.

Петя: Жить, значит говорить. Это прежде всего. Но и есть некая «человечность».

С.С.: Очевидно, сущность человека в том, чтобы быть Петром, Олегом, Сергеем, а человечность — свойство каждого конкретного человека.

Сергей: Что значит человечность? То, что неотделимо от любого человека. Скажем, способность мыслить, смертность.

Петя: А сущность сущности? В чем она? Наверное, для Средневековья такой сущностью сущности был Бог...

С.С.: ...а сущность вещей — это то, что образовалось божественным творением согласно природе каждой вещи, через ее природу. Петр — помните? — определил сущность как значение. Скорее же значение — не сущность, но ее представление, грубо говоря, сущность вещи — это предельность всех ее возможностей и способностей. Но в средние века все аристотелевы категории любовно окрашены. Если нет любовного, этического, богопричастного отношения, нет ни сущности, ни количества, ни качества, и ни о каком

пределе нет речи, если предел – не Бог.

Петя: Ясно. Поставить как бы на ноль.

С.С.: Бог – не нулевая отметка. Он – все.

Сергей: Сущность сущности – Бог, который вечен и бесконечен. А что такое бесконечность?

С.С.: То, что не имеет ни начала, ни конца: не сотворенное, не уничтожимое, не исчерпаемое, многообразное... Но человек ведь тоже может быть бесконечным?

Сергей: Человек бесконечно себя проецирует в прошлое, в будущее... Хотя он и не есть совершенное обладание сразу всей полнотой бесконечности, то есть вечностью...

Олег: На земле.

С.С.: Когда говорят о человеке, то говорят о его – одновременно – конечности и бесконечности. Он не может жить вечно. Он телесен, плотен, непременно «зол». Потому что материя – зло, она портится. Но он сотворен по образу Бога, т.е. как скажет Коместор, рационально, а это значит, что разум выявляет больше того, что скрыто за внешностью вещи.

Сергей (продолжает чтение): «То было в первый день, а это сотворено во второй; и труды этого дня завершились столь же «хорошо», как и прочие, хотя об этом и не читают: и увидел Бог, что это хорошо. Но евреи передают, что так как в этот день из ангелов произошел дьявол Сатаниель, т.е. Люцифер, то некоторые из них, кажется, согласились петь вторую часть мессы, как бы во славу возвысившихся ангелов. Но святые отцы переводят, что число «два» – знак опороченности, в теологии, например, «два» – число позорное, означающее, что дьявол первым отпал от единости».

Олег: «Черта с два» говорят.

С.С.: Т.е. если тройка, как мы говорили, означает нечто единое, то двойка – число деления.

Петя: Почему же Бог разъединил тогда небо и землю, твердь и воду?

С.С.: Так ведь мы говорили, что порок появился после греха:

Петя: Он специально хотел грех?

С.С.: Я думаю, что нам не нужно забегать вперед. И потом продумать все наши предыдущие рассуждения. Например, о том, что есть свобода воли. Мы об этом будем говорить специально, когда будем читать третью главу. Пока лишь могу повторить, что, мне кажется, свобода всегда нуждается в свободе иного, чтобы быть именно свободой, а не произволом.

Сергей: «Бог же есть единость, и Он отвращается от раскола и раздора. Однако мы можем сказать, что труды третьего дня, а до сих пор речь шла о втором, проявились спустя некоторое время. Потому о них ничего, кроме того, что они совершились на третий день, не записано, как бы тем самым намекая, что они свершаются после его окончания».

С.С.: Какая у нас сегодня... трудная работа. Мы с вами сегодня узнали про разные стадии создания мира: идеального, материального и лишь потом сущностного. Это чисто философская проблема, и надо выяснить смысл именно такой последовательности. Второе. То, что мы с вами прочитали, можно понять как гендиадис, как некую игру ума, некий оборот речи, позволяющий человеку со-участвовать – словесно – в творении мира: он сам своими *словами строит его*. Третье. Мы пока имеем дело только с предельными понятиями: небо, земля, вода... Почему?

Сергей: Они уравнивают друг друга. Дополняют друг друга.

Олег: Через одно мы понимаем другое. Т.е. они взаимообосновывают друг друга.

С.С.: Но речь идет не о чисто логическом обосновании, а об иносказании, о поисках разума соответствий несказанному (полагалось, что человеческий разум не в силах постичь Божественный умысел) в притчах, аллегориях, особых словесных формах. И последнее: пред нами разворачивается своего рода генеалогия мира. Но генеалогия особая: здесь –

пока — и речи нет о «причинно-следственном эксперименте», когда одно проистекает из другого. Речь идет о творении, развертывающемся по своеобразному плану: смешение, устройство, украшение, не предполагающие проистекания одного из другого. Мироздание — центральный образ Библии — гармонично, эстетично и тропологично. Но стоит подчеркнуть и еще одно: активное использование — именно использование — античных идей, как мы видели на примере Аристотеля: ведь фактически Коместор охристианивает античные идеи, и чтобы это ощутить, нам обязательно надо прочитать хотя бы упомянутые трактаты Аристотеля.

Трактат.

|

Вечер четвертого дня: что такое закон по Салической правде

Экспозитор — Олег Батлук

С.С.: Вначале небольшая справка для отсутствовавших: о Правде как таковой.

Петя: Варварские правды — это записи обычаев, прав, которыми пользовались в древности те или иные народы.

С.С.: В каком веке была создана Салическая правда?

Сергей: При Хлодвиге в VI в.

С.С.: Кто такой Хлодвиг?

Сергей: Король салических франков.

С.С.: Салические франки — какую территорию они занимали?

Петя: Север Галлии, по Рейну.

С.С.: Итак, сегодня у нас пойдет речь о том, что такое закон по Салической правде (*Lex Salica*). Слово — Олегу.

Олег: Салическая правда — запись старинных обычаев, суммированных из многовековых традиций, которые возникали в разное время, в разных местах.

Поэтому этот закон неоднороден, не представляет собой целостного сборника (свода).

Законы обуславливаются какими-то устоявшимися традициями этого племени. Нарушение традиций – отступление от закона. И заголовки здесь частные. Общих, таких, например, как «О краже», «Об аллоде», мало. Гораздо больше таких: «О краже свиней», «О краже овец», – т.е. о том, что *случилось*. И, по сути дела, наказаний здесь нет. Есть штрафы, а штраф – не наказание. Штраф – *повинность*. Такого рода упор на *конкретности* объясняется тем, что только и именно это уже было. Мне больше всего понравилась такая деталь: если крадешь из закрытого хлева – один штраф, а если из открытого – штраф меньшего размера. Т.е. открытая дверь здесь расценивается как искушение, тем самым снижая сумму штрафа. У меня отсюда вопрос: если человек не может уплатить штраф никоим образом, то что его ждет?

Петя: Продадут его в рабство. (С.С.: Нам еще нужно выяснить, возможно ли это?)

Олег: Это несправедливо. Он убил – а с него либо деньги берут, либо рабом делают.

Петя: Получается так: коли ты богат, ты можешь спокойно убивать и красть.

Олег: Но это – закон частных отношений, частной собственности. (С.С.: И это нам только предстоит выяснить.)

Т.Б.: А есть там кара смертью?

Все: Есть.

Олег: Кара смертью за то, что не соблюдается этот закон.

С.С.: Какой? Салический закон в целом или определенный пункт?

Олег: Я знаю один пункт, где за неуплату штрафа – смерть.

Петя: И если я оклеветал кого-то в присутствии короля, то тоже смерть. Я не понимаю, почему так? Вероятно, наврять в присутствии короля, – это все

равно что наврать в присутствии Бога.

С.С.: Но как, на ваш взгляд, уместно ли здесь слово закон – или нет?

Олег: Да: это закон, так как соблюдение обычаев – святыня.

Т.Б.: Там часто, особенно во второй части, встречаются такие слова: быть поставленным вне закона, хотя после этого следует как правило дополнение: пока не даст удовлетворения.

С.С.: Значит, то, с чем мы имеем дело, это: 1. Закон, по которому жило целое племя. 2. Сущность этого закона заключается в том, что он основан на частных случаях, т.е. на праве прецедента. Можно вас так понять, Олег?

Олег: Да. Каждая частность справедлива сама по себе.

С.С.: Очень хорошее определение, только я бы прибавила слово «конкретность». 3. Этот закон предупреждает не только преступное действие, но и искушение, побуждение преступления. 4. Закон предполагает штрафы и – редко – наказание смертью. Пожалуйста, какие вопросы к Олегу?

Петя: Олег, ты сказал, что кругом штрафы, а наказаний нет. Ты считаешь, что штраф – не наказание?

Олег: Считаю. Можно при любом преступлении откупиться, платить штраф. К тому же человек сам не несет наказания перед законом.

С.С.: Но, может быть, была какая-то другая цена денег? Не кажется ли вам, на основании текста, что деньги – не просто стоимость вещи, как мы к тому привыкли?

Олег: Я просто ничего не знаю об этом, поэтому ничего не могу сказать.

Петя: Ты смотришь на штраф с точки зрения современного человека, который едет зайцем в трамвае: его поймают, он платит деньги и едет дальше.

Олег: Если ты убил человека – это мое мнение, –

то тебе должно меряться той же мерой, т.е. ты должен умереть, если ты лишил жизни другого человека.

Петя: Ну, это око за око, зуб за зуб.

Олег: Я другое имею в виду: если один человек убил другого со злым умыслом, то это зло должно к нему вернуться.

Петя: Так оно — зло — так или иначе ко всем возвращается: один, например, от болезни умрет, а второму, наоборот, долгая жизнь злом будет.

Олег: Я не вижу наказания там, где за зло большее воздается злом меньшим.

Петя: Тут надо еще определить, что есть зло меньшее. Тем более, что здесь скорее имеется в виду, что я плачу выкуп за свою жизнь, а не за жизнь убитого, ведь у франков было что-то типа «вендетты»: родственники убитого меня же могут убить.

Олег: Именно поэтому я не вижу наказания в штрафе.

С.С.: Что вы понимаете под словом «наказание»? Телесное наказание?

Олег: Нет, именно справедливое воздаяние.

Петя: Справедливое воздаяние разное бывает. Иногда справедливо заставить жить...

День пятый: подступы к тому, что такое слово сквозь время и вечность

Экспозитор Сергей Мельников

С.С.: Прежде чем приступить к основным занятиям, я хотела бы подчеркнуть, что, на мой взгляд, было верно отмечено в сообщении Олега Батлука о «Салической правде» — это прецедентное право. Кстати, это право напрямую перекликается с современностью. Оно принято, например, в Америке. То есть современная юридическая практика, основанная на учете каждого конкретного случая, усвоила принцип Средневековья, впервые создавшего представление об

уникальности любого человека, который всегда стоял перед нравственным выбором, определяя сам для себя, сделать нечто или нет, дать согласие на тот или иной поступок или не дать. Это и есть право каждой конкретной личности, которая, как сказал Олег, справедлива сама по себе. Теперь мы начнем, как всегда, с комментария к Библии.

Сергей: «И сказал Бог, да соберется вода, которая под небом, в одно место и да явится суша. И стало так».

У Коместора говорится: «О разделении вод на третий день. Собрал Бог под твердь воды в одно место, хотя они занимают большое пространство и заключены в недрах земли. Могло быть так, что воды, занимающие воздушное пространство, выпарились и занимали уже мало места, ибо земля немного осела. Так появилась суша, которая скрыта под водой и называется собственно глиной».

С.С.: Ну, а что вы сами подразумеваете под словами «выпарились воды», каким образом, как это связано с теми элементами, о которых мы говорили на прошлом занятии, а в данном случае – водой?

Петя: Глина или земля – как основной материал творения.

С.С.: Вряд ли Коместор согласился бы с этим. Мы уже имели дело с водой и огнем. Земля – третий, а выпаренные воды – это, очевидно...

Петя: Воздух.

Сергей: «И назвал Бог сушу землей, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что *это* хорошо». И снова безыскусная радость сменяется «шкрабством» Коместора: «После образования суши ее назвали грунтом, так как она толчется ногами всего живого...» (*С.С.:* Т.е. земля несет на себе бремя). «Либо, – продолжает Коместор, – землю, так как она тверда».

С.С.: Земля – это твердь, и небо – твердь, твердь небесная... Не двоятся ли у нас? К тому же земля – это твердь...

Сергей: ...или почва, «так как она терпит деяния

людей» (Коместор).

С.С.: Когда мы пашем, мы воздействуем именно на почву. Но что же такое «твердь»?

Петя: Небесная твердь соприкасается с водами, т.е. у нее водяное основание...

Сергей: «Небесная твердь называется твердью не только по своей крепости, но и потому, что она твердая и нерушимая граница вод над и под нею».

С.С.: Но, может быть, твердь противоположна воде, как устойчивость – тягучести? Не та ли здесь парадоксальность, что и в двух прологах. Помните? В первом история представлена в образе *потока* воды, а во втором перед нами было *мироздание* – дворец. Кстати, и небо было представлено, как «дворец Гелиоса». Очевидно, что здесь имеется в виду не только физическое небо, но и духовное – твердь духа.

Книгу Коместора в XIII веке перевели на французский язык. И если в оригинале речь идет о трех или четырех небесах, то в рукописи перевода миниатюрист изобразил девять небес, «населенных» ангелами, архангелами, херувимами, папами, докторами, девами, непорочными, мучениками. Девятое небо – небо с престолом Св. Троицы. Кстати сказать, прием изображения мира, как здания, был использован в фильме А.Тарковского «Ностальгия»... Но вернемся на «землю», которая имеет значение суши, либо почвы, либо тверди, либо грунта. Коместор в комментарии исходит из современного ему физического, философского и теологического знания. Его физика, философия и теология отвечают на каждый стих Библии вместе. Мир сферичен, вроде бы по Аристотелю, но на полусферы разделен вполне по-христиански: верхняя полусфера – мир горный, нижняя – мир дольный. Верхняя – мир духовный, нижняя – чувственный...

Сергей: «Собрание вод назвал морями; эта идиома есть у евреев, которые любое скопление вод называют морем. После завершения трудов над водами Бог видит, что это хорошо».

С.С.: Т.е. слово «море» означает не то, что под этим мы понимаем. Море – любое скопление вод, которое в Средневековье называется и океаном.

Петя: У меня вопрос по фразе из первого стиха: «Дух Божий носился над водою». Я долго думал – ведь не очень пристойно «носиться». Не лучше ли – «Дух Божий парил над бездной».

С.С.: Любопытно посмотреть, как это по-латыни (открывает книгу): *ferebatur* – носился. К тому же я не уверена, что к этому слову нужно относиться в том только смысле, какой предложил Петя. «Носиться» можно понять не только в смысле «ребячиться», но и – «веять».

Олег: Или в смысле движения.

Петя: Носиться может только дух, бесплотное. Нестись – значит «нести себя». А зачем нести себя духу? Дух себя сам не может нести. Он пребывает в покое.

С.С.: Скорее, Дух только тогда и Дух, когда он изменяется. Да и мы читаем как раз о выходе из покоя; мир переходит в состояние времени. Да и что за творение в состоянии покоя!

Петя: Но вечность всегда была.

Олег: Вечность была всегда, но здесь уместно вспомнить Платона, которого всегда цитировали теологи и по которому «Бог уделил нам частицу своей вечности в виде времени». Время и вечность это не противоположные вещи, но предполагающие одно другое.

Петя: Вечность разве не вне времени?

С.С.: Давайте вспомним определение Боэция (помоему, мы это уже читали), что вечность – это совершенное охватывание всей полноты времен прошедшего, настоящего и будущего вместе. Благодаря времени вечность являет себя, а иначе мы бы о ней не узнали. Время – это явленность вечности. Что же касается фразы «Дух Божий носился...», то на нее многие обращали внимание. Абельяр в «Христианской теологии» передавал разные толкования этой фразы.

Евреи, например, сравнивали это с ветром, который приводил воды в движение, т.е. придавали этому чисто физический смысл. Христианские комментаторы оспаривали такой физикализм вопрошанием, как-де ветер заставил существовать небо и землю. По-видимому, утверждали они, речь идет не о ветре, ни даже о дыхании, поскольку Бога нельзя понимать антропологически, с человеческими органами тела, а о Разуме, которым творился мир, или Мудрости. В комментариях к Шестодневу тот же Абельяр (и Коместор это заимствует) полагает, что в этой фразе возможен другой глагол — не *ferebatur* (носился), а *lovebatur* (грел, проникал), что рождало образ птицы, высидивающей яйцо. Скорлупа при этом сравнивалась с воздухом или небесной средой, белок — с водами, а желток — с землей... Что же до отношения вечности и времени, то мне кажется, что Олег прав, и вечность (век-ность) как бы уделила себя времени, покой перестал быть покоем.

Петя: Но как может двигаться вечность?

С.С.: Не может до тех пор, пока вы не начинаете творить...

Петя: Но вечность — это неподвижность. Что-то относительное. Относительно чего она будет подвижна?

С.С.: Не она подвижна относительно времени, все наоборот, это время подвижно относительно вечности.

Петя: Изменения, значит, будут, но — относительно времени.

С.С.: Вы сейчас говорите о вечности, как ее понимал Бердяев. В «Смысле истории», где как раз говорится о вечных временах, он писал, что трагедия божества и состоит в том, что Бог изначально, в недрах вечности, предлагает время и человека как свою оппозицию, что они изначально движутся друг к другу. Т.е. само движение было заложено в вечности. Это значит, что вечность не всеми понимается как статика, покой, изначально данная неподвижность. Самим желанием творить мы уже предположили движение. Но если мы предположили движение, то нет ничего

противозаконного в слове «носиться», кроме того, что заметил Петя. Кстати, нет ничего унижительного и для Святого Духа, если даже понять слово «носиться» в петином смысле. Ребячливость, игривость сродни веселию, а мы из пролога знаем, что Бог любит пребывать «в веселии с сынами человеков...»

Петя: То есть это – задача духа.

С.С.: Это задача духа, более того – это задача именно Святого Духа. Проблема же «временной вечности», кстати, тоже вычитана Бердяевым именно из Средневековья: Гийар де Мулэн, переводчик «Схоластической истории», говорит о Боге, что он «вечен и временно вечен». Заново эта проблема, как мы видели, возникает в русской философии конца XIX – начала XX в., правда, с иными представлениями о творении. Речь у Бердяева идет скорее о взаимотворении.

Сергей: Мне непонятно все же, что такое вечность и Бог, и где он был до начала.

Петя: Он нигде не был. Он везде есть. И до начала и после конца.

С.С.: Сережа, я думаю, мы долго будем трудиться над этой проблемой, над которой трудилось и до сих пор трудится человечество. Одного занятия мало. Надо еще, как говорил Борис Слуцкий, «много думать, а не улыбаться, надо книжки умные читать», а мы с вами пока «в первом классе». Когда Абельяр писал свое произведение «Да и Нет», он как бы разделил страницу пополам и записал на обеих сторонах ее проблемы своего времени (30-е годы XII века): утвердительные ответы (sic) и противоположные им (non). Например, скажем, что такое субстанция? или почему Бог вочеловечился?

Петя: «Была вечность и Бог в ней».

Т.Б.: Значит, вечность – это место...

С.С.: Место предполагает ограничение, вечность же безгранична. Чудо времени свидетельствует о том, по Библии, что есть нечто постоянное, нечто вечное, более того – то, свойство чего производить время.

Вечность – это «было, есть и будет» вместе, замкнутое в точке «есть».

Сергей: Мы мало знаем. Если бы мы знали, что такое человек, то мы знали бы, что такое Бог. Тогда все это ни к чему.

С.С.: Комментируя текст, мы пытаемся понять его. Комментарий – со-умие, со-мышление с текстом. Мы прилагаем к нему энергию мысли, без которой нет понимания смысла и, соответственно – знания. Если мы не прибавим своих ума и умения (в слове «умение» корень – «ум»), этот текст останется «за семью печатями», в лучшем случае мы похвастаемся знанием притч, хронологии, имен. Бытие словесно, и потому, если мы не скажем ни слова, мы не узнаем мира, мы не построим его.

Ира: А вообще, что такое слово?

Сергей: Слово – это какое-то условие...

Олег: Верно, мост между предметом и пониманием его. Мы договариваемся называть предмет так-то и так-то. Мы условились «стояние» времени, неизменность называть вечностью.

Сергей: Пространство не есть время?

Олег: Нет.

Сергей: Значит, пространство есть вечность?

Олег: Если $A \neq B$, это не значит, что B равно C .

Сергей: Но тогда это не будет иметь смысла.

Олег: Почему?

Сергей: А зачем?

С.С.: Но зачем-то вы задаете вопрос? Если только для того, чтобы сообщить, что вот, мол, есть такой вопрос, тогда ответ действительно не имеет смысла, но не имеет смысла и вопрос. Но если он задевает ваш ум, ваше сердце, все ваше существо, тогда вы будете отвечать на него сами, не дожидаясь ответа.

Сергей: Дело не в этом. Все сейчас, или я это сейчас понял, пошло неважно. Я читаю, я пытаюсь понять, и я понимаю это на уровне слов, предложений.

Что-то связываю. Но главного не понимаю.

Олег: Да, ясно, что тогда, в Средневековье о Боге и Его мире говорили всерьез, а мы как бы пыжимся...

Петя: «Носимся», но не как Дух, а лишь бы прощать... Ясно, что это совершенно другое время. Я даже не о Библии говорю, ее можно прочесть, как миф, или бросить. Я о Коместоре. Это что-то совсем другое, чем то, что сейчас говорится, «сейчас» – я имею в виду «современный мир».

С.С.: Вот мы и срываемся. Оттого, что, может быть, впервые поняли, что речь идет о совсем другой культуре. Нас раздражает разность... Девочки (Наташа особенно) совсем умолкли... Мы живем мыслью в этом мире, от которого осталось...

Олег (громко): Слово! Мы и читаем слово. Все, что делалось, известно со слов.

Сергея: Может быть, вечность – это и есть слово?

С.С.: Не исключено. То есть, по Библии, именно так. «В начале было Слово».

Олег: Но и время – это слово; ведь я произношу его сейчас, да еще по буквам.

Сергей: Да еще по слогам и фразам.

Оля: Если произносить – то по звукам.

Петя: Получается, что слово – химера какая-то, то звуки, то фразы, то вся Библия, а значит – вечность.

Наташа: Да, дело ведь не в том, что вечность – это все время или «где-то там», а в том, что мы рождаемся и уже слышим слова, ну, речь.

С.С.: Вот-вот, что-то проклевывается существенное. Существенное именно для понимания Средневековья, которое и полагало, что человек рожден окутанным Словом, к тому же откровенным Словом. Мир был открыт ему, и надо было отгадать эти непонятные новорожденному значки или предметы.

Наташа: Значит, мир, хотя открыт, но загадочен.

Олег: А иначе зачем бы нам комментировать, даже повторять комментарий, может, по многу раз, если не желать разгадать его, как загадку.

Сергей: Кажется, что просто... Мы в другом живем и зачем-то читаем... И хочется.

С.С. (смеется): Это – первый слабый зов культуры...

Петя: Слабый-то слабый, но сильный, будто дверь открываешь, а там кривое зеркало, и ты *другой*.

С.С.: Давайте, давайте, на этом остановимся. Ведь мы сейчас застряли на перекрестке, обнаружив, что мы – *другие*, что мы себя познаем, лишь *отделяя от них*, что нам хочется их знать, и знаем мы их по или через Слово, которое – смотрите-ка – вечно и временно, звук и фраза, а точнее сказать – высказывание. Вся Библия – высказывание Бога через голоса пророков, царей, апостолов.

Олег: Но это высказывание требует нашего ответа.

С.С.: Да, а у нас свой, особенный голос. Вот Сергей даже его потерял.

Наташа: Но, Светлана Сергеевна, это ясно: Слово – вечное, оно – все; слово временное – оно произносится, начиная с одного звука...

С.С.: Даже с момента, как язык рассек воздух...

Наташа: Да, Слово куда-то направлено, *от* меня, например, к Вам.

С.С.: То есть непременно есть Я и Ты, Я и Другой, автор и слушатель или зритель.

Наташа: Да. Но вот книга не говорит о себе, что она – книга, она скорее показывает, что она толстая, что у нее четыре угла.

С.С.: Значит, только человеку присуще слово.

Олег: И слово, называющее предмет, не является самим предметом.

Петя: Но как-то узнали, что книга называется книгой?

С.С.: Я думаю, что это происходит одновременно: с рождением книги рождается слово. Рождается слово «господин» в тот момент, как возникло слово «раб», иначе нет смысла в его появлении.

Наташа: Но слово есть общее, а есть называющее

что-то одно...

С.С.: Что, например, такое «Сократ»?

Сергей: Человек.

С.С.: Но что значит человек, которого зовут Сократ?

Сергей: Имя человека.

С.С.: Оно в вашем уме отличается от имени, скажем, Светлана, Петр?

Олег: Оно предполагает свойства человека.

С.С.: В каком случае оно предполагает особенности – когда мы уже знаем, кто такой Сократ, или в любом случае?

Петя: Нет, не предполагает. Мы говорим абстрактно – любой им может быть.

С.С.: Не предполагает... Но «Сократ» что-то для нас уже значит?

Петя: Это все равно, что сказать «философ»...

Сократ (470/469 - 399 до н.э.). *С.С.:* Философ, грек... Сократ – это имя, конкретное имя человека, философа, грека, сына Софрониска.

Петя: Это условность.

С.С.: А разве не было такого Сократа?.. Мы уже перечислили много его свойств. Для нас Сократ – это и человек вообще, и некий определенный человек. В одном случае имя «Сократ» будет знаком *человека вообще*, для нас безразличного, в другом – *конкретным* человеком, вот этим, особенным. В первом случае мы, произнося его имя, просто обозначаем некоего человека, носящего имя «Сократ», во втором – мы понимаем, о каком Сократе идет речь.

Петя: А любое слово есть имя...

С.С.: И глагол? К тому же мы сейчас провели еще одно различие – между именем-знаком и именем-смыслом.

Сергей: Бывает, что имя есть, а предмета нет.

С.С.: Значит, есть мысленная вещь. Пример: химера, идея, человечество. Понятие «вещь» больше

телесной, или «вещественной» вещи. Если бы это было не так, я вправе была бы попросить вас: «Дайте мне, пожалуйста, вон то слово».

Все: То есть как? Слово невозможно дать.

С.С.: Значит, не все названное – телесно. Но все названное действительно: я могу ранить вас словом или возбудить любовь, убить – словом, совершить серьезное физическое воздействие. Слово и вещь в средние века считались тождественными. Кстати, латинское «ges» (вещь, дело) и русское «речь» – однокоренные слова. Но главное в том, что исследование слова «включает» исследование *всего* мира. Слово не только знак, смысл, значение, но и колебание воздуха, звук – явление физическое. Оно предполагает время, потому что с момента произнесения первого звука «включается» ситуация времени. Движение «звук – слог – речь» определялось через изменение «точка – линия – тело»: включалась математика. Или через «момент – день – год», «прошлое – настоящее – будущее»: время. Обратим внимание, что мир определяется через слово, время, математические формулы, то есть через «то, что есть» и «то, чего нет» вместе. И, конечно, – теология, то есть Слово о Боге, Слово о Начале Слова.

Петя: У меня вопрос: какое отношение природа имеет к Богу? И соответственно – к Слову?

С.С.: Природа, полагали в Средневековье, – божье творение. Христианство возникло как ответ на поклонение природной стихии в античном мире, когда человек был рабом «низшей» природы: считалось, что рабство человека у демонов природы было также рабством его у самого себя, у своих собственных низших стихий. Так вот, христианство задало себе цель постичь не столько физическую природу, сколько природу духа. Слово «природа» – это слово, которое на протяжении столетий меняло свои значения. Природа – как окружающий мир, как субстанция, человеческая природа, сущность и т.д. Природа в Средние века казалась знаками на камне творения, книгой, которую нужно понять, загадкой, которую нужно разгадать. Это

было воплощенное Слово. Поэтому, кстати говоря, в этом своем качестве ее надлежало не умерщвлять, а постигать... Но постигать не саму по себе, а как вместилище Бога. На картах мир изображался в виде Христа, в центре – Иерусалим, на востоке – Эдем. Земля изображалась в виде расчлененной кое-где морями суши, которую по кругу обегал Океан. Изучение карты будет на одном из наших занятий. Сегодняшнее занятие мы заканчиваем беседой о Слове, в которую неожиданно перерос вопрос о собирании вод. К этому, впрочем, надо вернуться, когда будем читать главу о том, как Адам именовал мир. Но стратегическая линия от начала комментариев заключалась именно в том, чтобы подвести к этой проблеме.

Вечер пятого дня

Петр Суворов. Уловки вора, по Салической правде

Петя: Моя тема – «Уловки вора»: как вору надо действовать, чтобы увернуться или пролезть «сквозь» закон. Первое правило для начинающих воров: никогда не лезь туда, где много засовов и замков. Лучше всего подкопать забор, чтобы он упал, а потом, если его не починили, пролезть. Наказание, если попадешься, будет значительно меньшим, потому что Салический закон учитывает при установлении штрафа ситуацию создания хозяином искушения для воровства. Второе: если хозяин тебя поймает, беси его покрепче, чтобы он оскорбил тебя, за что, к тому же, заплатит. Третье: если же тебя поймали и уличили, то тебе за большие деньги нужно нанять людей, которые смогли бы за тебя присягнуть, т.е. надо иметь «банду», чтобы каждый стоял друг за друга. Всегда нужно «запастись» человеком, которого можно «подставить». Четвертое. Случаи разного рода часто мешают делу. Потому, коли ты с кем-то дерешься, старайся наносить противнику

безвредные удары: надо эти – известные и учтенные – «случайности» нарушать и создавать новые, еще не учтенные, новый прецедент. Пятое: лучше грабить и убивать тех, кто находится вне покровительства короля.

Вывод: Чтобы безболезненно своровать нечто, надо перешагнуть через известные, фиксированные случаи и создать новые, которые не фигурируют в законе.

С.С.: Салическая правда – это и есть закон прецедентов. Она мгновенно записывает ваш случай, или казус, в качестве...

Петя: В качестве назидания.

С.С.: И наказания, которое может быть большим, чем предыдущие казусы. Я даже думаю, что эта Правда принципиально не завершена – не разрознена временем, а не собрана из-за невозможности собрать ее полностью. Но в чем, по-вашему, главная уловка вора?

Петя: Уловка вора – бесить хозяина.

С.С.: А разве не уловка – так построить ситуацию, чтобы подозрение пало на вашего сообщника?

Петя: Да, это тоже.

Олег: Преступление признается только как бы в отношении к закону. Если тебя не уличили, а у человека пропала свинья, то преступление налицо, но нет лица, которое его совершило. Т.е. преступление по отношению к лицу здесь не признается, только – по отношению к закону.

С.С.: Вы хотите сказать, что нет оснований к заведению уголовного, в нынешней терминологии, дела? Тогда почему такое преступление фиксируется?

Олег: Только как наблюдение.

С.С.: Подтвердите, пожалуйста, ваш тезис текстом.

Т.Б.: Может быть, Олег имеет в виду, что закон фиксирует отношение не к пострадавшему, а к самому закону?

С.С.: Неважно, что у человека украли, а важен сам факт кражи?

Петя: Наоборот: неважен факт кражи, а важно, что какой-то человек намеренно преступил закон.

С.С.: Но разве закон не имеет прямого отношения к лицу?

Т.Б.: Закон выше, чем человек...

С.С.: Это в Римском праве и в современном нормативном...

Олег: Закон не повернут к пострадавшему – вот что я хотел сказать.

С.С.: Как так? А кому же платят все эти солиды? Одним словом, штрафы?

Олег: Я говорю о случае неувличения. Если украли свинью и не нашли преступника, то закон отрицает сам факт преступления, никак не относится к пострадавшему.

С.С.: Еще раз прошу: тезис не вполне ясен, подтвердите его текстом. (Молчание). Тогда у меня два вопроса. Петя остроумно рассказал об уловках вора, что позволяет представить себе самую ситуацию, при которой совершалась кража: безалаберность хозяина или хитроумие того, кто решил его провести. Но все это связано с ответственностью. Потому хотелось бы понять, Закон, о котором мы говорим, – чисто юридический или и нравственный?

Петя: Я думаю, что и то, и то, коль скоро в нем много говорится о намерениях или подразумевается *намерение* сделать то-то и то-то.

С.С.: Получается, что, рассказывая об уловках вора, вы...

Петя: Да уловки – это тема, а суть моего выступления была в том, чтобы показать, во-первых, *неучтенные возможности случаев*, а во-вторых, что существование самой такой возможности должно усилить значение умысла: ведь случай надо изобрести, он не с неба валится. Я мог бы то же сказать и про случаи с убийством, где вира разная – за убийство на войне, где нет намерения убивать конкретного человека, и за убийство с целью ограбить... Да зачем далеко ходить: Миледи в «Трех мушкетерах»...

С.С.: Погодите, Петя. Давайте зафиксируем это

ваше утверждение: Салический закон во главу угла ставит при определении наказания намерения, умысел, или интенцию совершаемого зла.

Петя: Да.

С.С.: А как формально выражается эта интенция, как построены формулы закона.

Олег: «Если кто... то».

С.С.: Но давайте все-таки разберемся, возможны ли в современном законодательстве гипотетические формы типа «если..., то...»? «Если свободный ударит свободного палкой, а кровь не пойдет, ..., то по 3 солида за удар» – это 6-й пункт 17-й главы «О ранах». А вот 7-й пункт: «Если кровь пойдет, то он платит такую пеню, как будто ранил железом». Или формулы сослагательного наклонения, например, параграфы 1 и 2: «Кто захотел убить другого...», «Кто захочет поразить другого отравленной стрелой...» В этом, вероятно, одно из важнейших отличий Салического закона от современного права: закон фиксирует возможность преступления, которое может быть не раскрыто. Законом является сама возможность преступления, которое может быть не раскрыто. Мне кажется, это обратное тому, что говорил Олег. Или я не поняла.

Олег: Я хотел сказать, что Закон не защищает права пострадавшего, если не найден преступник. Получается, что пострадавший должен сам его искать и сам доказывать его вину. Вот посмотрите: ст.37 «О преследовании по следам». Там «потерявший вследствие кражи» животное сам должен доказать через третьих лиц, что украденное – его собственность. Вот что удивительно: если составитель Салической правды желал построить свой закон по образцу Римского, то должен быть адвокат.

С.С.: По этой статье получается, что истец, «идя по следам», сам выполняет функции следователя...

Олег: А потом следователем становится сам вор, когда начинает доказывать свое право на украденное.

Петя: То есть случайность, но корни какие-то

сходные.

С.С.: Вот-вот, я потому и хотела напомнить Олегово высказывание – мы как-то упустили это из виду, – что «законы обуславливаются установившимися традициями племени». Ясно, что речь здесь идет о прецеденте, связанном с выделением владения, но столь же ясно, что этот прецедент (один полюс) втягивается в судебном расследовании в поле традиции. Вот и растяжка полюсов: индивид – община, прецедент – традиция.

Олег: И еще. Сама формула «если.., то» «тянет» к норме. Ее еще нет, но есть стремление к ней.

С.С.: Не случайно впоследствии наряду с этим законом было феодальное право с «обычными» функциями. Потому, мне кажется, этот Закон и возник в переходное время.

Современный закон таких формул не приемлет, как и Римский закон, который не фиксирует то, возможность чего еще только проблематична. Главным в совершении преступления является не само преступление (в этом, я думаю, Петя прав), но *намерение* его совершить. Давайте подумаем, виновны или не виновны палачи, которые казнили Христа?

Петя: Не виновны. Те, кто вешал его на крест, не виновны. Они делали это потому, что у них такая работа. Разве виновен нож в том, что он зарезал человека?

С.С.: Если палач – только орудие, то он невиновен. Но Христа распинали солдаты.

Петя: Но солдаты – тоже орудие.

С.С.: Виновен ли человек, вешавший другого человека на основании закона?

Петя: Он невиновен.

С.С.: А если человек, которого он вешает, – его личный враг?

Петя: Все равно.

С.С.: Вы все, как напомнил Петя, читали «Трех мушкетеров». Виновны ли они в убийстве Миледи?

Петя: Око за око, зуб за зуб. По Ветхому Завету, они невиновны, по Новому – виновны. Они виновны в совершении самого этого *поступка* – убийства.

С.С.: Или – в *умысле*?

Петя: В совершении поступка.

С.С.: Но Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян не убивали, убил палач. Виновны ли они?

Петя: Виновны... Хотя трудно сказать...

С.С.: Давайте вернемся к первому вопросу.

Сергей: Но это странный вопрос, потому что Иисус их все-таки простил.

С.С.: Вопрос в том и состоит: было ли за что прощать?

Олег: По-моему, виновны, потому что они поставили себя в положение рабов в законе.

С.С.: Я лично была бы счастлива, если бы мы были сейчас рабами закона.

Петя: У них не было намерения, но поступок был.

С.С.: Так что же важнее в данном случае – намерение или поступок?

Петя: Намерение. Ведь кем они его представляли? Врагом кесаря, государственным преступником, так как Иудея была в это время под властью Рима. Он должен был быть осужден по римским законам. Преступником для них был Христос.

С.С.: По римским законам? Но Понтий Пилат «умыл руки». Осужден же Он был синедрионом, как представляет это христианская традиция.

Сергей: Все равно. Он преступник, с точки зрения солдат, осуществлявших казнь.

С.С.: Если человек выполнял свой собственный закон, то с нравственной точки зрения он невиновен.

Петя: Человек не имеет права лишать жизни другого человека.

С.С.: По какому закону?

Петя: По христианскому.

С.С.: Но разве римляне или иудеи I века жили по христианскому закону?

Петя: Значит, такая казнь в то время отвечала их юридическому закону. Конечно, с точки зрения исполнителей.

С.С.: Верно, теперь мы можем вернуться к вопросу, виновны ли Атос, Портос и Арамис?

Все: Нет.

С.С.: Почему? Разве они были судьями? Или действовали, будучи палачами, на основании решения суда? На юридическом языке это называется самосуд...

Петя: Тогда юридически они были виновны.

С.С.: Теперь возьмем нравственную сторону. Они убили Миледи без намерения убить или имели намерение убить?

Все: Да.

С.С.: Значит, они-то как раз нравственно виновны. По христианскому закону, любое правое дело должно быть совершено на основании правила, суда. Да и мы отталкиваемся от Салического закона, который предусматривает намерение выше поступка. Важность Салического закона в том, что он намерение человека считает большим, чем поступок. Поступок может быть одним и тем же и у человека, преднамеренно преступившего закон, и по неведению, что, кстати, учитывает и современный закон. Но все-таки у нас основа – это поступок, а там основание – согласие души на поступок. Абельяр в «Этике» рассматривает некоторые примеры. Например, войдя в чужой сад, человек испытывает естественное желание съесть вкусное яблоко. Весь вопрос в том, найдет ли он в себе достаточно воли, чтобы это намерение обуздать... Есть ли в «Салической правде» еще примеры, свидетельствующие о том, что намерение или согласие на поступок больше поступка? ...О согласии, наверное, говорит употребление будущего времени глаголов: «Если кто отпустит раба...»

Олег: И то, что уже называлось: насчет заборов.

Петя: Ну, это я назвал бы искушением. Если кладовая открыта, то это создает искушение.

С.С.: Я согласна с поправкой. В отличие от Библии наличие искушения ослабляет наказание. Но вот еще что. Мы начали читать два Закона: Ветхий, Книгу бытия и Салический. Скажите, можно к ним приложить некие общие меры или они сильно отличаются друг от друга?

Олег: Стилистически? Отличаются, несомненно. Достаточно поставить рядом: «В начале сотворил Бог небо и землю» и «Если кто вздумает сманить чужих рабов».

Т.Б.: Такие фразы мы и в Библии можем найти. Начало у нее действительно эпическое, а Салическая правда имеет дело с конкретным житейским случаем. Я думаю так: одно из отличий Библии (я имею в виду начало), что она говорит о творении мира, где еще нет закона.

Петя: Да-да, мир как бы вываливается из закона, он еще свободен, в нем никого нет.

С.С.: Но ведь мир творится по Слову, разве слово — не закон?

Петя: Это как бы *естественный* закон. Салическая же правда населена, а где население, там нет одинакового мнения на что-то, скажем, на владение. Поэтому, чтобы не возникало драки, надо ввести закон, ограждающий право человека на это владение.

С.С.: Да, и этот закон назывался позитивным. Оба закона как бы сопровождали друг друга, потому нужно обратить внимание на пятый пункт Петиного сообщения: о бесправном положении людей, находящихся вне королевского покровительства (а король в данном случае есть олицетворение народа). Истоки такого отношения нужно искать в старом общинном праве. Ибо кто почитался человеком, или «своим» в дохристианское средневековье? Не любой «двуногий» и «разумный», а входящий в какую-либо общность. Общность — не стадо, она, конечно, руководствуется уважением к каждому конкретному своему члену, так как только при таком уважении

можно устроить сообщаемость жизни. Вы живете внутри нее. Но по отношению к закону каждый из вас индивид, и закон учитывает вас как конкретного человека. В этом и смысл обще-жития. Но если самоопределение человека внутри ставшего мира связано с владением, породившим кражу, то как можно назвать мир, творимый Богом, который Он...

Петя: Ну, ясно, Светлана Сергеевна, Он дарит его человеку. Мир – это дар Бога человеку. Кража могла появиться только с появлением человека.

С.С.: На этом различии двух начал двух Законов – *дар* и *кража* – мы можем закончить сегодняшнее занятие. Правда, по ходу дела мы затронули еще одно понятие – *рода*. Оно не прозвучало, закрывшись словом традиция, обычай, но мы должны его вывести из укрытия, тем более что в следующий раз речь пойдет непосредственно о нем.

День шестой: о понятии «род»

Экспозитор Александр Регинский

Саша Р.: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так». «Да произрастит земля». Здесь имеется в виду не только труд произрастания, а то, что земля *могла* прорасти. Способность земли. Получается так, что земля – живая. Под словом «земля» в этом случае имеется в виду почва, так как на ней сеется семя, а место, где сеется семя – почва. «Зелень» – имеется в виду трава, которая не способна давать семя (это мы повседневно можем видеть на газонах). Она производит себя не путем разбрасывания семян. «Трава, сеющая семя» – это уже имеются в виду, мне кажется, злаковые, потому что они способны, когда созреет семя, сбросить, т.е. «посеять» его – оно попадет в почву и произрастет. «Дерево плодовитое» –

это дерево, способное давать плоды, отсюда: «...дерево плодovitoe, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле». Это говорит о том, что дерево произошло, т.е. проросло на земле. Далее. «И произвела земля зелень и траву, сеющую по роду своему». Это говорит не только о том, что земля оказалась способной прорасти и появилась зелень, но и о том, что это — ее *назначение, цель*. «...И увидел Бог, что это хорошо». «И был вечер, и было утро». Т.е. прошел третий день.

С.С.: У меня вопрос: что такое — быть способным? По-латыни это звучит так: *habere potentiam*.

Олег: Иметь силу к действию.

С.С.: А что такое земля, помимо того, что она — почва, грунт?

Кто-то: Твердь.

Кто-то: Родительница, мать.

Наташа: Одна из четырех стихий.

С.С.: Или — элемент. А еще в философии это называется так — материя. Отсюда непосредственная связь со словом «мать», как вы только что сказали. Но «материя» и есть потенция, есть способность к чему-то, возможность что-то сотворить. Саша это верно передал. Но он сказал и еще одну весьма существенную вещь: земля, оказывается, обладает жизнеспособностью, способностью рождать, присущей живому.

Саша: Способность прорасти на мертвой основе... невозможна. Мертвое тело не обладает способностью дать всходы. А земля ведь — родоначальница живого.

С.С.: В этом Коместор вас несколько поправит. Когда он вел речь о сотворении животных, он оговорился, что мошки, комары, мухи и прочие, не менее отвратительные насекомые рождаются именно из мертвечины, из падали. Почему? В его книге написано, что насекомые, которые портят жизнь человеку, рождаются из падали после грехопадения — для того, чтобы отравлять человеку жизнь. Следовательно, по средневековым представлениям, и падаль, т.е. мертвое тело тоже может нечто производить. Как вы это можете

согласовать с вашим утверждением?

Саша: Я могу сказать, что земля дает благо для человека, а мертвое тело – что-то отрицательное.

С.С.: Конечно, речь идет о благе. Что бы мы ни читали, мы непременно во всем видим этическое начало... Тем более, сказано: «И видит Бог, что это хорошо». К тому же, как мы уже сказали, мы вплотную подошли к тому понятию «природа», которая не только «природа порожденная»...

Олег: По-латыни это называется *natura naturata*...

С.С.: ...но и природа рождающая. Следовательно, она обладает свойствами организма, органической жизни.

Олег: ...И своими законами.

С.С.: Пока о законах природы речи нет. Речь идет об одном законе: происхождения, последования. Главное в этой главе – это двойственность природы. С одной стороны, она порождена Богом, а с другой стороны – она сама с Божьего позволения (Он вложил в нее эту способность) является причиной нового рождения, хотя эта способность может быть и отнята. (В Новое время о том не шло и речи). Скажите, пожалуйста, обратили ли вы внимание на следующее. Вы читали: «трава, сеющая семя по роду ее»; и деревья, дающие плоды тоже по роду их? А что это такое – род? Это понятие здесь впервые встретилось.

Олег: То есть за травой пойдет другая трава, за деревом – другое дерево...

С.С.: То есть род как *начало рождения*, как при=рода.

Олег: Да. Мне кажется: вот трава произросла, а из ее семени – другая. Потому что она не умирает, трава-то, и оставляет семя, а потом из этого семени произойдет новая трава, которая также отомрет, и т.д. То есть речь идет о «роде травинном».

С.С.: А сама трава – вот эта первая трава: как ее можно назвать?

Олег: Прародителем. Началом рода.

С.С.: Род — это нечто множественное или нечто одно?

Олег: Многое из одного.

С.С.: Значит, в этом одном есть какой-то признак, который можно назвать...

Кто-то: ...родовым...

Кто-то: ...наследственным...

Кто-то: ...индивидуальным...

Олег: Общим?

С.С.: Вот! Совершенно правильно: род имеет ОБЩИЙ признак для всего, входящего в род. Для всех индивидуальных вещей. По-латыни это общее называется «universalia». В Средневековье проблема универсалий была едва ли не главной: что такое это общее? Где оно помещается? Есть ли это — понятие, существующее до вещей? Или оно помещено, как кто-то сейчас здесь сказал, в отдельной, индивидуальной вещи? Или это понятие появляется после того, как созданы вещи? Мы пока (на основании 11, 12, 13 стихов) можем выстроить такую иерархию: есть единичные вещи, объединяющиеся в род...

Олег: ...благодаря какому-то общему признаку. То есть здесь есть два определения рода. Род, как начало, и... в смысле продолжения.

С.С.: Да, да. С одной стороны, это начало единичное; а с другой, это то, что охватывает, обымает это единичное. Т.е. то, что обладает каким-то общим признаком. Но что это такое — род: вещь или слово? Существует ли он в реальности или только в мысли?

Несколько человек: Название.

С.С.: Название? А откуда оно взялось?

Кто-то: Это некая условность.

С.С.: Но где оно сконструировано — это название? Из земли оно произросло или — откуда?

Олег: Бог назвал.

С.С.: Но откуда Он взял это слово — род?

Олег: В самом плоде.

С.С.: Я беру яблоко — где в нем «род»?

Олег: Вот именно здесь написано: «По роду своему...»

С.С.: Вы имеете в виду семя? Оно действительно внутри плода. Но одно семя — от антоновки, другое — от коричных. Значит, есть род антоновки и род коричных, где рождается само понятие рода.

Саша: В разуме?

С.С.: Да, понятие рода есть конструкт нашего ума, нашего мышления. Мы обнаружили то же, что в свое время Боэций в VI в.: род, как и другие общие имена, связан и с реальными вещами — с их бытием, и с мышлением о вещах — вместе. Хотя об этом понятии — рода — нам, по-видимому, стоит сделать специальное сообщение, поскольку мы с ним встретимся и в Салической правде.

Наташа: Но, может быть, чтобы углубить это понятие, нужно и Боэция почитать? Ведь это одно время с Салической правдой.

С.С.: Это было бы замечательно.

Наташа: Можно, я это сделаю?

С.С.: Конечно. И я думаю, что мы на этом закончим и перейдем к Салической правде.

Но прежде я бы хотела особо отметить нынешний комментарий Саши. Почему? Потому что он сделал какие-то свои собственные открытия, скажем, о земле как живом. Мы сами по себе — природа, организм, органическая саморождающаяся система; будучи сотворенной, она обретает возможность самосотворения. И второе, что сделал Саша: он обратил внимание на слово «потенция», которое в русском языке передано как способность, которая есть сущность материи, элемента. Нам вообще очень важно на основании библейских представлений понять, как встраивается земной мир в общую, во вселенскую иерархию, и в этом нам оказывает существенную помощь эта материальная способность, постоянная возможность что-то делать, как сказал Олег, заключенная внутри самой природы.

Вечер шестого дня: закон как прецедент — закон как обычай

Экспозитор Наталья Гайдай

Наташа: Я хочу начать сразу с вопроса... Салический закон, как я прочитала, это — «записи судебных обычаев салических франков». Обычаев! А не каких-то там судебных законов!

С.С.: Ваш вопрос касается как раз того, о чем в прошлый раз рассказывал Олег: что *обычай и был законом*. И в этом особенность Салической правды, ее отличие, скажем, от Римского права, которое было сводом частного и обычного права вместе, где нормой было нечто общее, подчиняющее себе единичное, конкретное.

Наташа: До Салического закона был ли какой-нибудь закон, которым руководствовались салические франки?

С.С.: Нет. Это же был именно их закон, их обычаи, закрепленные в письменном виде. Прежде они хранились в памяти, а в VI веке записаны. А вот какие у них образовались к моменту записи новые ритуалы, новые отношения, новые взгляды на мир — это мы стараемся узнать из писаной Салической правды.

Наташа: Мне кажется, что у них ничего заново не образуется, а собрано то, что было раньше, и просто перенесено на бумагу.

Салическая правда.
М., 1950. Введение
В.Ф.Семенова.

С.С.: Ну, а такой, скажем, тип зависимых людей, как колонны — это, вы считаете, тоже некогда было?

Наташа: Нет, но как-то странно получается... Вот, например, во Введении, в начале, написано то, что я прочитала, а вы говорили, что сюда были занесены все судебные случаи, которые встречались в практике.

С.С.: И это не исключает, что случай, который встретится сейчас, тоже будет внесен в судебник.

Записав казус, он тем самым определит его двояким образом: как то, что было, и одновременно, как то, что *есть* (случается, может случиться) в повседневности.

Наташа: А во Введении сказано, что туда (в Салическую правду) вносились только те случаи, которые наиболее часто повторялись.

С.С.: Но мы можем оспорить Введение. Чем? Ну, хотя бы частым употреблением в судебнике будущего времени или ситуации *возможности* (не факта) совершения некоего поступка. Да и задача наша – не отвергнуть или слепо согласиться с тем, что написал во введении к «Салической правде» проф. Семенов (безусловно, знаток своего дела), задача состоит в том, чтобы верифицировать это мнение текстом «правды». Поставьте себе вопрос: являлась ли «Салическая правда» записью наиболее часто встречающихся провинностей?

Наташа: Это для меня вопрос?

С.С.: Ну, а почему бы и нет? Как и для всех нас.

Олег: Здесь даже может быть аналогия с библейскими словами: «...по роду ее». Т.е. «Салическая правда» возникла как бы «по роду» франков и является записью этого рода.

С.С.: Это один вариант, и как раз вариант согласия с проф. Семеновым. Но именно вы, Олег, кстати, можете ему и возразить.

Наташа: Если, правда, речь идет о рабах и свободных, то, наверное, действительно... Сейчас... я так говорю сумбурно...

С.С.: Да мы все об этом говорим сумбурно –

**см.*: Гуревич А.Я.
Проблемы генезиса
феодализма в
Западной Европе.
М., 1970.

источник с точки зрения культуры почти никогда не изучался*.

Наташа: Да. То есть рабы – они как бы уходят уже на второй план, поскольку речь идет, видно, о феодальных отношениях у них...

С.С.: Нет, еще нет никаких феодальных

отношений.

Наташа: Ну, к ним уже дело движется, во всяком случае.

С.С.: Но мы об этом как бы не знаем — здесь нет и речи о *феоде*, а без него о феодализме вряд ли можно говорить.

Наташа: Ну, а почему тогда Семенов...

С.С.: Проф. Семенов шел от позднего к раннему, от знания к незнанию, а у нас иной метод: не знаем мы еще ничего — куда и как пойдет развитие. Для нас важна эта, *самостоятельно живущая, ситуация* как особая *ценность*, новое начало истории... А феодальные отношения? Они, прежде всего, предполагают, повторяю, понятие феода, т.е. поместья сеньора с развитой хозяйственной структурой и системой вассалитета с непременно личными взаимоотношениями. Здесь же речь идет об аллоде, о земле, которую может иметь каждый общинник в своем владении.

Наташа: Тогда почему так много упоминаний о рабах?

С.С.: На ваш взгляд, что это значит?

Наташа: Что рабовладельческий уклад уже отходит...

С.С.: А разве салические франки жили в условиях рабовладения? Или это были свободные люди?

Наташа: Свободные общинники, которые имели рабов.

Т.Б.: Они же для себя писали закон.

Наташа: Ну и что, рабы же...

Т.Б.: Но раб — он был не то, чтобы вне закона, а как бы не... человек.

Олег: Тогда почему ему посвящены специальные статьи? ...Нет, а вообще интересно, какой национальности были эти рабы?

С.С.: ...И я бы спросила — вслед за вами: какого роду-племени были рабы? Принадлежали ли они к салическим франкам?

Олег: Т.е. были ли они франками?.. Если они из чужого племени, было бы как-то оправдано то, что они стали рабами. Если же это были сами франки, то с этим уже надо разбираться серьезно.

Наташа: В основном все же речь идет о свободном общиннике, потому что, я заметила, там, где речь идет о рабе, он как бы соотносится именно со свободным: в ст. 40 идет, например, речь о господине, который берет на себя как свободный вину раба.

С.С.: Тогда еще один вопрос. Можете ли вы выделить в «Салической правде» костяк законов, где речь идет именно о племени, свободном племени? И относятся ли к этому костяку статьи, где речь идет о рабах, о колонах, о возникновении неких зависимых людей? Или мы не можем выделить такого ядра?

Наташа: Не знаю; у меня такое впечатление, что здесь больше всего о кражах написано.

С.С.: О кражах внутри какого общества? Если свободный человек что-то украл, становится ли он от этого зависимым? И если да, то в какой степени? Ну, скажем, уплата штрафа – свидетельство свободы или зависимости (в смысле феодальной зависимости, о которой говорила Наташа: личной, поземельной, судебной)?..

(Молчание).

С.С.: Читали ли вы «Илиаду»?

Кое-кто: Да.

Большинство: Нет.

Олег: Гомера?

С.С.: Ну, естественно. «Илиада», по-моему, одна. На каком-то из наших занятий мы говорили, что рабство естественно для античного мира... Гелен, сын царя Приама, после падения Трои стал рабом Неоптолема, сына Ахилла, а после его смерти унаследовал часть его царства в Эпире. Как вы думаете, его мироощущение – это мироощущение свободного человека или раба?

Саша К.: Раба, наверное: мы говорили, что сын в

детстве считался рабом отца.

С.С.: Скажем так: рабство человеку античного мира не удивительно: до того, как сын получил наследство и стал полноправным владельцем имущества или до тех пор, пока он не вышел «из-под руки», он считался рабом своего отца. В то же время он был свободнорожденным. Этой его двойственностью и определялось его мировоззрение.

Т.Б.: Дети своего свободного отца могли быть рабами?

С.С.: Они были свободны под властью отца. Вот такой парадокс.

Т.Б.: Тогда — свободные.

Саша К.: И свободные, и рабы вместе.

С.С.: Саша, мне кажется, прав. Из-за такой двойственности рабское состояние в античности не удивительно. Каждый в какой-то мере был рабом.

Кто-то: А если отца нет?

С.С.: Если отец умирает до рождения сына? Значит, у сына есть опекуны, и он находится под покровительством старшего по мужской линии. Но свободный общинник, франк, мог ли он быть рабом внутри своей общины?

Наташа: По Салической правде?

С.С.: Да.

Саша К.: Нет, не был, или, если был, то это как бы *post factum*.

С.С.: То есть у него мировоззрение свободного человека. В этом-то и состоит его отличие и от античного человека, и от будущего зависимого от феодала крестьянина. Он связан лишь обычаями, традициями племени, своим, как заметил Олег, родом. Кстати говоря, это сыграло немалую роль в том, что к XII в. Европа почти не знала полной крестьянской зависимости.

Олег: К тому же франки не были рабами закона, потому что закона, как нормы, не было: обычай был их законом, но и то особым образом; поскольку здесь не

было обобщения, то закон не становился над ними.

С.С.: В этом вы оспариваете проф. Семенова: жить по обычаю, включающему в себя казуальность, не совсем то же, что быть «рабом» нормативного закона. Случай, учитываемый судебником, каждый раз конкретен. Можем ли мы выбрать в Салической правде законы, характерные для самого обычая?

Олег: Закон, характерный для обычая, наверное, — сам обычай, тождество с ним... «Бросать что-то через плечо».

С.С.: А в каких случаях этот обычай начинает иметь место? С чем это связано? С землей? С отказом от родства? Или с какими-то другими ситуациями? Вряд ли можно считать обычаем воровство.

Наташа: Я даже не знаю, как-то...

С.С.: В таком случае нам нужно еще и еще раз проработать эту тему. Что такое обычай? Как он связан с казусом? С нормой, с родом? Превратились ли эти судебные казусы в обычаи?

Наташа: Судебные обычаи?

С.С.: Конечно, судебные обычаи. Когда нечто, в результате многократного повторения, становится нормой, скажем, для нижестоящих инстанций, как в современном прецедентном праве. Мы можем сформулировать эту тему так: «Прав ли проф. Семенов, автор предисловия к «Салической правде», утверждая, что Правда имеет дело только с обычаем, или же прав утверждавший, что она имеет дело с казусом, который есть неповторимая вещь и каждый следующий казус рассматривается лишь по аналогии с ним?»

Наташа: Но ведь остался же кусочек от Римского права?

С.С.: Право вряд ли существует кусочками. Можно поставить вопрос о том, в каком качестве это право использовалось — в качестве ли образца, для защиты ли франков от римлян или, наоборот, возникли общие с римлянами нормы жизни.

Наташа: В этом же введении В.Ф.Семенова написано, что использовались римские деньги — солиды

и динарии. Все это как-то странно...

С.С.: Странность – лучшее из состояний человека, занимающегося культурой, двумя культурами. Нам и нужно выяснить, органичен ли для франков римский закон или чужероден, он ли его основа?

Наташа: Нет, а вот как же быть с тем, что написано о Салической правде? Что, кроме плохого латинского языка да счета на солиды и динарии, римского права в ней совершенно не чувствуется. Значит, у них были римские деньги?

С.С.: Конечно, они же жили на территории бывшей Римской империи.

Наташа: Значит, они никак не могли уйти и от римского закона, так зачем же здесь так написано?

С.С.: Давайте сравним: в составе СССР находились Литва и Узбекистан. Общие ли у них были представления о мире, обычаях?

Голоса: Нет... Вряд ли...

С.С.: Разные. А деньги? Денежная система? И там, и там одна и та же.

Наташа: Почему же здесь написано, что деньги есть влияние римского права?

С.С.: Влияние римского народа, римской культуры, римской жизни, ведь галлы были покорены когда-то (начиная с III в. до н.э.) римлянами.

О деньгах, кстати, может быть, провести особый разговор? Ибо деньги – это и экономические связи, это значит, что купцы, передвигаясь по разным дорогам через те или другие города и веси, вольно или невольно «переводили» обычаи из одной страны в другую. Это значит, что, вступая в общую денежную систему с тем или иным народом, вы должны знать и уважать его особенности, его взгляды на политику, на общественные отношения, на систему права, на порядок наследования, образование, на досуг, на обработку земли. Нужно знать, что у них можно купить, а что им продать. Кстати говоря, не мешало бы и посмотреть, откуда родом франки, из какой общей ветви они выделились, откуда пришли, по каким путям

передвигались, где селились... Это – к следующему разу.

День седьмой: в начале было Слово

Экспозитор Олег Гисин

Олег Г.: Я хотел бы сразу полностью прочитать те библейские стихи, которые прокомментировал:

«20. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной.

21. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ея: и увидел Бог, что это хорошо.

22. И благословил их Бог, говоря: плодитесь да размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

23. И был вечер, и было утро: день пятый.

24. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ея, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их: и стало так.

25. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их: и увидел Бог, что *это* хорошо».

Мне хочется высказать некоторые замечания, связанные с этими стихами; параллельно я буду ссылаться на Петра Коместора, на его комментарии к этим же стихам из первой главы.

1. Во-первых, обращает на себя внимание, что вода здесь выступает как производящая творческая сила, т.е. она обладает производящей силой, как и Бог, участвуя в творении вместе с Богом, хотя и после собственного сотворения.

2. У Коместора рыбы называются пресмыкающимися. «Моисей назвал рыб рептилиями, так как они хватают все для себя толчком, подобно змеям, и не встают на ноги, подобно животным».

3. В пятый день творение происходит как бы в четыре, а в шестой – в три этапа. 1-ый этап: произнесение слова Богом: «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую, и птицы да полетят над землею, по тверди небесной». 2-ой этап: сотворение Богом рыб больших и всякой души... 3-ий этап: Бог увидел, что это хорошо. 4-ый этап: Бог благословил рыб и птиц на то, чтобы они плодились и размножались.

Здесь впервые появляется понятие БЛАГОСЛОВЕНИЯ. Я думаю, что это понятие одновременно можно истолковывать как пожелание:

а) увеличения нравственного блага,
б) увеличения собственности, а также
в) увеличения занимаемого пространства: «плодитесь и размножайтесь и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле». Любое увеличение сферы владений в пространстве и времени – есть благо или добро, отсюда слова «благо» и «добро» – синонимы слова «собственность» (много всякого добра).

г) «И благословил их Бог: плодитесь и размножайтесь». Слова: «плодитесь» и «размножайтесь» не совсем синонимы. «Плодиться» – значит воспроизводить себя в детях, давать потомство. А «размножаться» значит производить детей больше и гораздо больше, чем родителей. Рыбы мечут икру и поэтому очень активно размножаются.

4. В шестой день творение идет в три этапа.

1-ый этап: Бог сказал...

2-ой этап: Бог создал зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их, т.е. много разновидностей родов животных.

3-ий этап – Бог увидел, что это хорошо.

Я хочу обратить внимание на различие слов «скот» и «зверь».

Скот предназначен, чтобы быть одомашненным. А зверь – это животное, живущее на свободе.

У Коместора сказано, что «земля произвела три

рода животных: скотов, гадов, и зверей земных. Поскольку Бог знал, что человек через грехопадение получит в наказание труд, то скот он дал ему как помощь в трудах, ибо он пригоден ему и как пособление, и для еды. Гады же и звери даны ему для испытания. Ведь человек наказывается, когда ему вредят или когда он боится повреждения, ибо страх – великое наказание...»

Это весь мой комментарий...

Ира: «Произведет вода пресмыкающихся, душу живую...» Как ты считаешь, означает ли здесь запятая разделение, т.е. «произведет вода пресмыкающихся и душу живую» – или же пояснение. Олег сказал, что, по Коместору, «пресмыкающиеся» и «душа живая» это одно и то же. Но нельзя это понять так, что всякая живая душа пресмыкается... или...

Олег Г.: Рыбы называются пресмыкающимися...

Ира: Это дальше. Я имею в виду 20 стих: является ли слово «пресмыкающиеся» синонимом слова «живая душа»? Между прочим, здесь есть пояснение, которое ты мог заметить. В 21 стихе сказано: «Сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся...», т.е. «душа» стоит рядом со словом «пресмыкающиеся» без всякой запятой. И, возможно, что запятая в 20 стихе лишняя. Ведь можно было бы сделать инверсию: «да произведет вода живую душу пресмыкающихся», – что было бы точнее, ибо суть дела не просто в «пресмыкающемся», а в «живой душе пресмыкающихся»: идет не просто создание форм, которые могут быть неодушевленными, идет создание форм одушевленных. И сказано не столько о том, как формировались формы, но и о том, как они задавались... Но если вспомнить вопрос прошлых семинаров о слове, то получается, что слово тесно связано не только со звуком (как его началом), не только со смыслом (как с его целью), но и с синтаксисом, от которого и смысл зависит.

Олег Б.: И не только это. Олег снова вернул нас к пониманию того, что такое род, вид или нечто

единичное. Что было создано сперва – некая идея или сразу конкретное живое? Я начал читать «Категории» Аристотеля. Как можно понять фразу Аристотеля: «Общее не находится в подлежащем»?

Олег Г.: Сократ – это человек. Здесь общее...

Наташа: ...человек. Но ничего конкретного не сказано...

Михаил Семенович Гисин: Общее не вмещается в части, оно шире. Сократ входит в человечество как часть.

С.С.: Сократ – и часть, и не часть, индивид, неделимое. И если общее («человек») не говорит ничего об индивиде, значит, это общее может существовать как понятие о единичном, через единичное или быть одним из свойств (статусов) единичного.

М.С.: Но не только Сократ – человек.

С.С.: Сократ – имя одного конкретного человека.

М.С.: Но «человек вообще» отражен в Сократе, как солнце в капле воды.

С.С.: Конечно. Но, может быть, для этого не надо было называть человека Сократом? Не достаточно ли было сказать: один человек – человек, Сократ – имя, пришедшее после размышления о том, что такое человек, один, вот этот, человек. Следовательно, общее появляется до вещи – так думали реалисты. Но, может быть, сначала были Сократ, Платон, Аристотель, а то, что всяк из них человек как общее понятие, пришло позже, по размышлении о них? Так думали номиналисты, от попеп – имя.

М.С.: А может быть так, что эти понятия возникают одновременно; когда возникает «Сократ», возникает и «человек».

С.С.: Т.е. Сократ, вот этот конкретный особенный человек, несет в себе всю всеобщую человечность – это и есть третье средневековое направление внимания на общее, которое называется концептуализмом.

Олег Г.: Я хотел бы добавить к вопросу об общем. Общим было все Слово. Точнее, общее *всегда*

становится единичным. Что написано в самом начале «Схоластической истории» Коместора? «Бог творил землю ради человека и через человека». Что имеется в виду? Христос, Бог-Сын, или Логос, т.е. Слово. «В начале было Слово».

Олег Б.: Снова Новый Завет пророс сквозь Ветхий, будто не два Завета, а один...

С.С.: ...и сразу видим отличие двух культур. Но вернемся к сообщению Олега. Я хотела бы обратить внимание на его выстроенность, его особенный методологизм, отчего ясно следующее: 1) изначальная субъектность всякой сотворенной вещи, всякой твари: Бог передал ей свою творческую энергию; 2) Олег выявил соотношение двух своего рода инструментов творения — слова и дела, когда слово означает, а затем и осмысляет дело, как означает и осмысляет оно любой предмет; 3) он показал, что следствием этих двух инструментов творения является некий результат, расцененный с этической точки зрения, т.е. изначально Бог как Высшее благо творил это благо, сопровождая (провожая) сотворенное удивлением («это хорошо»), будто сомневаясь в благих результатах своего труда. Несовпадение, нетождественность Бога и мира — это Олег обозначил недвусмысленно... И здесь огромное значение имеет подмеченное Олегом понятие благословения (снова мы возвращаемся к слову). Почему? Да потому что благословение относится не только к собственности или пространству (3 пункт Олега), но прежде всего к нравственным отношениям с миром (его 1 пункт), с Любовью. Оттого чем более ответственно, то есть *любовно*, слово, тем оно точнее.

Ира (снова читает 26-31 стихи и комментарий Коместора к последним стихам 1 главы): «И видит Бог полностью все, что он создал: и вот хорошо весьма; и порознь каждое само по себе было хорошо, и в совокупности все было хорошо, так же, как глаз в глазнице животного лучше, чем если бы он был вне ее. Либо же выражение «было хорошо весьма» означает: совокупность благ была наилучшей, а вернее, было

нечто, хотя само по себе приходящее в небрежение, однако идущее на пользу другим, что уже есть великое благо. Но о человеке Он не сказал, как говорил о других: «и видит Он, что все хорошо», — ибо знал о грядущем прегрешении его. Хотя человек не был в то время завершен, Он сотворил жену. И из этого вычитывается, что не к добру человеку быть одному».

С.С.: Это первая глава. Конец ее — апофеоз творения: весь этот мир был создан ради сотворения человека. Но почитаем дальше, там станет яснее.

Ира: Да, но я начну с начала второй главы.

«Так совершены небо и земля и все воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал. И благословил Бог седьмый день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо. И всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла; ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделания земли; но пар поднимался с земли, и орошал все лице земли.

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; И золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат (знакомые имена вместе с незнакомыми. — *И.С.*).

И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою; ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились».

В седьмой день – самые основные дела. Коместор пишет так: «И совершил Бог к седьмому дню дела свои, которые делал. По другому переводу – Он завершил их на шестой день. Здесь нет противоречия. Хотя по еврейскому закону принимается «к седьмому дню». Нужно ли столь точно определять момент завершения некоей части дела, тогда как истина – то, что последовало дальше? «И почил Бог в день седьмой» – означает именно то, что Он творил в седьмой день, благословил сотворенное и после почил. Либо же это выражение значит – иначе, зачем он его полностью привел? – что ничего нового Он в этот день не сотворил. Тогда отдохнул от вида трудов своих. Впоследствии он не сотворил ничего, материя чего им не была создана прежде».

Петя: Время здесь начало путаться.

Т.Б.: Это не время, а остановка времени, покой, отдохновение.

Ира: Если Бог считает самым важным и самым нужным то, что он сделает в седьмой день...

Петя: Но на седьмой день он ничего не делал...

Ира: Но это отдых одновременно... с... Господь создал небо, землю, все как бы готовилось к сотворению человека... это было предзнаменованием появления его самого и его души. В 1-ой главе сказано только о душе животных, а не о человеческой душе. Что касается человека, то сначала сказано, из чего он сделан: «Из праха земного сделал Он человека». Значит, душа его «родилась не вместе с ним, а позже»,

Аристотель. *О душе.*
Соч. в четырех
томах. Т. 1. М.,
1976, с.375, 371.

как говорили номиналисты. Это, мне кажется, противоречит тому, что о душе говорил Аристотель: «Некоторые утверждают, что

душа есть ...нечто движущее». Душа живая движется. Душа есть как бы начало всех живых существ. Душа есть у всего живого, это понятно, она и есть то общее, о чем мы говорили, существующее до любой конкретности, после нее или вместе с ней – в Библии прочитываются все толкования: реалистическое, номиналистическое и концептуальное (душа живая была создана до человека, но вместе с пресмыкающимися, а человеку Бог вдохнул душу после его сотворения). Библия, мне кажется, есть источник разных философских направлений. «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла».

Коместор так комментирует это место: «Все деревья, которые пригодны для пищи, – это, на мой взгляд, пища телесная, а деревья посреди рая. – пища духовная». И продолжает: «И насадил Господь Бог рай вначале для собственного удовольствия. Могут спросить: остался ли человек в том месте, где был

сотворен, т.е. на поле возле Дамаска? Нет. Куда же он был перенесен? В рай, который Бог насадил на третий день, т.е. заполнил растениями, произведя вначале прочие творения, когда появилась суша, травы и деревья. Он заставил землю прорасти. Либо же слово «вначале» означает «в центре круга», отчего в других переводах читается, что рай был в Эдеме, на востоке. Эдем в переводе с еврейского означает радость, рай, наслаждение, в Эдеме – то же самое, что в раю. Но «вначале» означает то же, что на Востоке, т.е. в благословеннейшем месте, утаенном от жилья и окаймленном земными и морскими широтами, (в месте) столь высоком, что оно достигает лунного шара. Поэтому не добрались до него воды потопа. И этот рай достигает лунного шара. Поэтому не добрались до него воды потопа. И этот рай небесные эмпирии. И называется он раем духовным, поскольку это облака духа. Утверждают, что в духовном смысле рай – это блаженная жизнь.

Деревья, которые Бог запретил трогать человеку – это пища духовная. Если он съест плод, то умрет и уже не будет бессмертен: «А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который вкусишь от него, смертью умрешь. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как назовет их, и чтобы как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей». Из ребра человека Бог создал жену человека. «Когда он уснул, взял Бог одно из ребр его, т.е. плоть и кость. С помощью Ангелов выстроил из него жену, поставил ее перед Адамом, который сказал: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей».

С.С.: Какие будут вопросы?

М.С.: Бог говорит, что, «если вкусите плоды с дерева познания, то умрете смертью». Но вроде бы они были изначально бессмертны, а теперь будто это отрицается, и бессмертие возвратится через мгновенную смерть?.. Какая-то обратная связь...

Петя: Совершенно верно сказано. «Станете из

бессмертных смертными» – вот что значит «смертию умрете».

Сергей: Если они вкусят, то познают все. И будут разделять добро и зло. Этот мотив деления... Исчезает представление об изначальном благе... получается, что Бог предложил зло... И что такое прах земной?

Ира: То же что Адам. Адам, пишет Коместор, по-еврейски означает «красная глина», тот самый прах, или – «рвущийся к Господу». Приниженность и возвышенность вместе.

Олег Б.: ...Человек уже есть: «И сотворил Бог человека по образу своему...» – в 27 стихе. Здесь какое-то противоречие.

С.С.: Но... может быть, в седьмом стихе указан факт сотворения. Там внимание фиксировалось на творении мира в целом. Здесь оно – метонимически – переключается исключительно на человека.

Олег Б.: Я хотел сказать, что в первой главе создается идеальное, а во второй это материализовалось, или точнее овеществилось, даже оплотнилось, поскольку плоть – не только материя, но и душа.

С.С.: Мы часто будем сталкиваться с таким приемом.

Сергей: А нельзя ли так понять: Бог создал человека и делит его на мужчину и женщину. Т.е. вначале мы имеем дело с человеком вообще – это мужчина и женщина вместе.

С.С.: ...Думаю, что оба правы. Действительно, здесь все время сопрягаются друг с другом общее и единичное, конкретное, идея и ее оплотнение... Но мне кажется, что при разборе мы кое-что упустили. Обратим внимание на стих: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их...» Мы вплотную подошли к процессу номинации, именованию.

М.С.: У меня вопрос. Если человек называет животное определенным образом, то он обозначает его

внутреннюю сущность или это только имя?

С.С.: Это и есть самое главное. Как и вы, тот же вопрос задавал средневековый схоласт, теолог, философ: именуется ли сущность вещи или создается при этом понятие в уме, в мысли, абстрагированное от вещи. А может быть, имя – знак связи того и другого. Этот вопрос присутствует в любом комментарии. Давайте прочитаем, что Коместор говорит об именах рек.

Ира: «Выходила наружу река, или поток для орошения рая, т.е. для орошения райских деревьев. Этот источник можно понять как бездну, т.е. утробу всех вод».

С.С.: Еще одно толкование слова «бездна» – источник, порождающий начало...

Ира: «Либо же это слово понимают как силлепс, при котором единственное понимается как множественное».

С.С.: Еще одна риторическая фигура. До этого у нас был гендиадис. Что значит силлепс?

Ира: Силлепс – это отнесение сказуемого к ряду подлежащих, различных по роду, лицу или числу.

С.С.: Пожалуйста, приведите пример силлепса.

Ира: Река, понятая как множество рек...

С.С.: То есть философское сопряжение единства и множества рассматривается как риторическая фигура. На одном из первых занятий мы говорили об одной важной особенности Средневековья: один и тот же текст мы можем прочитать как философский, исторический, художественный, эстетический. Притом это не смешение жанров, а их предположение друг друга, их «собрание» вместе в пространстве единого текстового храма. Никакой конвергенции при этом не происходит: все написанное постигается или буквально, или мистически, или аллегорически, или символически, или тропологически. Само это «или» предполагает, что тропы (по-греч. – повороты) были заданы мышлению. В них скрыта мировая память. Поэтому и считалось, что историк или теолог не могут ничего выдумать. Они

могут лишь комбинировать элементы, уже существующие в бесконечной Божественной возможности. Это и есть образ мышления в комментировании, где происходит «со-мысле» (со-mpens), «со-образность» мышления, маргинальное философствование (на полях) по поводу однократного бытия.

Олег Б.: А все-таки что же такое имя? Может быть, это мгновенная привязка к обозначаемому предмету?

С.С.: Давайте закрепим сказанное Олегом. Оно в таком случае почти всегда имя собственное.

Олег Г.: Любопытно, что мы все время возвращаемся к пониманию слова, имени...

С.С.: Не исключено, Олег, что мы этим будем заняты до конца дней.

Но чтобы нам представить некий обобщенный образ Средневековья, к следующему разу хотелось бы прослушать реферат по книге А.Я.Гуревича «Категории средневековой культуры» — его сделает Олег Гисин.

День восьмой

Олег Гисин. Реферат книги А.Я.Гуревича «Категории средневековой культуры»

С.С.: Я бы хотела вернуться к прошлому занятию, когда сообщение делал Олег Гисин и когда речь шла о сотворении человека. У нас тогда впервые прозвучало слово «благословение», и, соответственно, возникла тема БЛАГА, которое Олег очень любопытным образом связал с понятиями добра нравственного и добра как собственности. Я попросила его эту тему разработать подробнее. Олег согласился сделать сообщение. Поскольку сегодняшняя тема непосредственно примыкает к прошлой, то его сообщение для нас очень важно.

Олег: Мое сообщение основано на книге А.Я.Гуревича «Категории средневековой культуры». В этой книге он, кроме прочего, анализирует жизнь варваров, живших в Европе, и их отношение к собственности.

Варвары воплощали как бы три разных типа культуры: свою, которую они принесли с собой, культуру древнего мира и христианскую.

С.С.: Культуру древнего мира – в противовес христианской – назовем языческой.

Олег: Да. Сразу скажу о том, как у варваров сблизились понятие собственности с понятием блага. В начале христианской эры варварские племена – это воинственные племена. Войны, завоевания составляли их образ жизни, т.е. они очень мало занимались созданием СВОИХ произведений искусства, а в основном захватывали чужие, в частности римские... Или лучше сказать: пользовались чужими, осваивали их. И на эти завоеванные, приобретенные в боях трофеи – на драгоценности или предметы культуры и обихода они как бы «переносили» свои подвиги, ибо эти вещи для них ОЛИЦЕТВОРЯЛИ подвиги, которые совершались в боях. И поэтому, чем больше человек проявлял мужества, чем больше он был храбр, тем больше у него было богатства (в основном ценилось золото, кубки из драгоценных металлов и т.д.). Но это богатство варвары не всегда использовали по назначению, так как для них оно было не просто предметами обихода – оно было воплощением определенных качеств. Например, когда человек умирал, то завоеванные им драгоценности зарывали вместе с ним или выбрасывали. Т.е. не выбрасывали, а прятали в таких местах, которые совершенно недоступны человеку, например, в болотах, в морях. Это объяснялось тем, что они эту олицетворенную храбрость как бы сохраняли навек, ибо, если она никому не доступна (поскольку где-то захоронена), значит, она есть.

С.С.: «Захоронить», «схоронить» и «сохранить» –

на первый взгляд разные вещи, но в данном случае они оказываются тождественными друг другу.

Олег: В данном случае как бы захоранивались человеческие качества в виде этих предметов.

С.С.: Понятно, что хотел сказать Олег? Если я сильный человек, если в результате моей победы над кем-то я захватываю некую дорогую вещь, то эта вещь оказывается символом моего мужества.

Петя: Так оно и бывает. Эта вещь и есть мое мужество.

Олег: Второе, что я хочу сказать. У варваров был такой обычай: перед тем, как они шли в бой, их предводители должны были одарить своих воинов кольцами, золотыми украшениями и т.д., им как бы передавались определенные доблести, они получали как бы дополнительный стимул. Без этих подарков они были как бы лишенными воинской отваги. С ними человек считал себя мужественным, сильным, удачливым. Но он должен был «их» обязательно вернуть: неоплаченный подарок считался очень большим стыдом.

С.С.: Т.е. возвращались не драгоценности, а предметы его собственного достоинства.

Олег: Да. И третье. Их собственность считалась священной, потому что вся она как бы принадлежала Богу. У варваров был такой обычай (это относится к собственности): чтобы крестьянину получить надел земли, он должен был выбрать себе участок, за день его обойти и на определенных расстояниях разжечь костры, тем самым осветить его. К полуночи темно, и костры как бы освещают участок священным светом. Этот ритуал приобрел значение освящения собственности. Более того: чтобы собственность стала моей, ее надо было посвятить Богу, т.е. она становилась святой, отсюда-то, именно из-за того, что ее посвящали Богу, возникло понятие священной, неприкосновенной собственности. Близкими, очень родственными, понятиями оказываются и «посвятить» и «осветить».

С.С.: Можно так: «осветить» и «освятить».

Олег: Да. Вот так понятие собственности, добра соотнеслось с понятием блага...

С.С.: Существует ли источник такого блага или нет? И если существует, то кто является этим источником?

Олег Б.: С одной стороны – сам человек, а с другой – Бог.

С.С.: Вот в том-то и дело. Здесь обнаруживается

Аниций Манлий Северин Боэций (ок. 480-524/26) - христианский философ.

Боэций. Утешение философией. -

Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990, с.239.

встречное движение человека к Богу и Бога к человеку, хотя между ними нет равенства: человек возвращает данное Богом. Вот как об этом пишет Боэций: «Нельзя отрицать, что существует некий источник всех благ. Все, о чем говорится как о несовершенном, это представляется таковым (т.е. несовершенным. – С.Н.) из-за недостатка совершенства»,

соответственно, у каждого есть некая доля этого совершенства, «ибо мир вещей берет начало не из ущербной и несовершенной природы, но, напротив, происходя от полного и совершенного». И «то, что Бог – повелитель всего сущего – есть БЛАГО, является мнением, общим всем человеческим душам. Так как нельзя и представить себе ничего лучше Бога, можно ли усомниться, что Тот, лучше кого нет ничего, является благом. Ведь разум с такой очевидностью свидетельствует, что благо есть Бог, что именно в нем заключено совершенное благо». Поэтому нам и «необходимо избежать бесконечного аргумента», т.е. бесконечных доказательств, «и высказать утверждение, что высший Бог преисполнен совершенного блага». Человек же стремится к блаженству, к обладанию благами божественными, преобразуя в них низшие блага, иначе «в них с очевидностью обнаруживаются фальшивые образы блаженства». Это как бы философски оправдывает те обычные, бытующие

способы наделения вещей доблестями, о чем рассказал Олег. Сейчас мы, несколько разобравшись с понятием «благо», можем перейти к третьей главе Библии.

Петя: Можно вопрос?

С.С.: Конечно.

Петя: Я не помню дат, но был такой факт, связанный с Хлодвигом и чашей, или не с Хлодвигом... Когда Хлодвиг спросил у воинов разрешения взять сверх своей доли чашу, они ему сказали: «Да, да, конечно!» А один выступил и сказал: «Нет!» Его мнение, мнение этого одного воина, не могло не учитываться (если хотя бы один скажет «нет», то никто уже не имеет права взять эту вещь).

После своего отказа королю, он разрубил эту чашу пополам. А через некоторое время Хлодвиг, по-моему, тоже разрубил этого человека.

Олег Б.: Через год.

Петя: Да.

Григорий Турский. История франков. М., 1987. | *С.С.:* Такой эпизод действительно описан в «Истории франков» Григория Турского, историка Георгия Флоренция, принявшего в священстве имя Григория (538/539 – 593/594). С ним нам надо познакомиться, ибо это один из лучших и первых средневековых историков. Он родился в знатной галло-римской семье в Клермоне овернском. Его род принадлежал к высшему сенаторскому сословию, многие члены этого рода были епископами в городе Туре и других городах. От отца и дедов он слышал живые рассказы о Хлодвиге и других вождях, а затем – и королях. «История франков», кстати, начинается от сотворения мира и доводится до 591 г.

В ней описываются преимущественно религиозно-политические события, свидетелем которых был сам Григорий.

Эпизод с чашей описан у него не просто как эпизод о дележе военной добычи, но как эпизод, свидетельствующий о БЛАГОЧЕСТИИ Хлодвига: чаша

удивительной красоты была унесена из церкви, епископ которой направил к королю послов с просьбой вернуть хотя бы ее, если уж церковь не заслужила возвращения всего унесенного воинами. Вот тогда-то, при разделе добычи в Суассоне, Хлодвиг и попросил ее для себя сверх жребия. Но случилось так, как рассказал Петя. А через год (я расскажу об этом несколько подробнее Олега) Хлодвиг приказал воинам явиться при полном восружении на мартовское поле и, обходя воинов, подошел к тому, кто ударил по этой чаше, сказав: «Никто не содержит оружие так плохо, как ты!» Он вырвал у воина секиру и бросил ее оземь. Когда же тот нагнулся за ней, Хлодвиг поднял свою секиру и разрубил ему голову: «Вот так и ты поступил с той чашей в Суассоне», — наведя этим деянием своим большой страх на воинов. Ну, а какой все же в этом смысл?

Петя: Все воины признали мужество Хлодвига... Хотя почему они тогда делили мужество долями?

С.С.: Почему бы и нет? У одного его больше, у другого — меньше. По заслугам. Мужество — та же

Доблесть,
честь,
щедрость,
пир.

вещь, а вещь делится... Но если вернуться к вопросу о благой собственности, то возникает необходимость еще в одном качестве — щедрости, спутнице владения. Щедрость

владельца более всего проявлялась на пиру — А.Я.Гуревич уделяет ему большое внимание, помещая в числе категорий. Я думаю, что Олегу Гисину об этом стоило бы сказать — одном из важнейших событий в Средние века. Что это значит? Что вообще это такое — пир? Просто ли это — еда, разговоры за едой, веселье и т.д.?

Петя: На пиру самые важные события. Это — самое главное.

С.С.: Вот именно! Но даже если мы вспомним посиделки за обедом в любой нашей семье, то и они не ограничиваются разговорами о том, вкусен ли суп или хороша ли каша: всегда речь заходит о том, как

обустроить дом, т.е. как обустроить свое маленькое государство, в котором бабушка или дедушка, отец или мать являются ГЛАВНЫМИ, они как бы государят. Не говоря уж об официальных банкетах, которые дает правительство. Что такое официальный банкет? Это ситуация, при которой в непринужденной обстановке обсуждаются весьма принужденные государственные дела. Если мы будем выяснять происхождение подобного рода пира, то память нас приведет к «Пиру» Платона. Пир – по-греч. *symposion*. В наше время этим словом означают собрание ученых мужей, которые решают важнейшие научные вопросы. Но почему все же – пир? На пиру развязывался язык, на пиру была большая свобода. При свободно развязанном языке твой ДУХ начинал более свободно и непринужденно рассуждать обо всем интересующем тебя и – мир, общество:

Олег Б.: Сам пир должен был быть священным.

С.С.: Я бы сказала несколько иначе: не сам пир ДОЛЖЕН был быть священным (откуда это долженствование?), а сам пир есть священный по сути дела, священен по существу.

Кто собирался на пир? Родственники и друзья, т.е. те люди, среди которых ты должен чувствовать себя не только свободным и спокойным, но высказывать «истину в последней инстанции», т.е. решать «самые последние вопросы». Вот такое значение пира существовало у всех варварских народов, добравшись, как мы знаем, и до последующих времен...

Олег Б.: ...когда на нем вообще решалась жизнь и смерть (скажем, при Иване Грозном).

С.С.: Конечно... При чем – снова вернемся к вопросу о собственности – щедрость была принадлежностью истинного сеньора, тем более короля... Ведь жест Хлодвига в отношении церкви как раз об этом и свидетельствует, что старательно подчеркивает Григорий Турский. Если король (или любой владетельный человек) проявил себя не как щедрый человек по отношению к своему вассалу, то

любой вассал имел право покинуть его или не согласиться с его решением, что и сделал воин, разрубивший чашу: ведь, будучи щедрым к церкви, Хлодвиг нарушил воинские обычаи, отобрав не ему принадлежащую добычу. Об этом и история с чашей: она — о двух концах... Настоящий сеньор обречен на щедрость. Поэтому на пиру, как правило, раздавались дары своим родичам, вассалов-рыцарей сеньор одарял серебряными или золотыми кубками, землей, должностью («будь ты царский стремянной») и т.д. Чем более щедр сеньор, тем более он могуществен. Чем более он могуществен, тем более честен. Ю.М.Лотман, досконально изучая пушкинскую эпоху, заметил: дворянство в XIX в. было все в долгах. Но зачем же давать в долг разоренному? А давали потому, что слово чести было нерушимым. Так, имущество, облагороженное щедростью, милосердием и честью, становится добром или БЛАГОМ, причастным Божественному благу, понять и осмыслить которое тщится человеческий разум.

Петя: Что же разумного в таком сопоставлении владения и Божьего блага? В этом что-то есть от мистики, от видений.

С.С.: Ничего разумного, если понимать под разумом только способность понимания, познания. Но, может быть, в разные эпохи и разум был другим. Средние века нам дали, как мне кажется, систему рационального, весьма отличную от, скажем, Нового времени. «Их» разум, пользуясь человеческими словами как аналогами чего-то высшего, фиксирует, блуждая в поисках сходств и подобий, моменты преобразования, скажем, грешника в праведника. Почему была столь священна человеческая жизнь? Почему ты не мог распорядиться ею по своему желанию? Потому, что в идею человека «вписан» богочеловек. Не только человек, любая вещь была сопричастна Богу. Поисками такого сопричастия через иносказание (о Боге прямо не скажешь, оттого так и важна идея тропов) и был занят средневековый разум. Владимир Соломонович Библиер

назвал такой разум «причащающим», ищущим через образы, через иносказания способы сочленения вещей – по сходству, по аналогии. Потому-то так важны для Средних веков отношения с вещью как с образом (отзвуком, откликом) Высшего блага...

Но в таком случае и ВИДЕНИЕ, то, о чем упомянул Петя, это как бы непосредственное вхождение в сферы истинного, вечного, нетленного бытия есть своего рода иносказание (как узнать о видении, если о нем не скажешь, не выстроишь в образ?). Не случайно у Боэция мелькает фраза о разуме как *образе* провидения (по отношению к Богу) или судьбы (по отношению к человеку). Понятно почему – судьбы? В тебе самом таится собственная цель, это некоторым образом и есть твоя судьба.

М.С.: Мне представляется, что 3-я глава книги Бытия – ключевая в понимании и священной, и мирской, человеческой истории, где, кстати, прочитывается все это.

С.С.: Да, да, ведь разум историчен, ибо нацелен на поиски представлений о Божественном образе, выраженном в истории... Не говоря уже о том, что в третьей главе речь идет об одном из главных христианских догматов – первородном грехе. К ней и перейдем.

День девятый: «Стыдно быть различными»

Экспозитор Михаил Семенович Гисин

М.С.: До сих пор, в первых двух главах, мы имели дело только с благом, исходящим от Бога. Каждый период кончается тем, что «видел Бог, что это», т.е. все предыдущее; «хорошо». Когда же мы подошли к сотворению человека, то Бог сказал: «Весьма хорошо». Слово «весьма» имеет определенный смысл: все-таки это не **СОВЕРШЕННО** хорошо. До этого момента, до

сотворения человека, мир был совершенно хорош, а вот в человеке совершенства нет, и Бог заранее предвидел с ним осложнения, поэтому он воспринимал его лишь как «весьма хорошо», т.е. червоточинка какая-то здесь уже присутствовала, и именно в слове «весьма».

С.С.: Мне, правда, думается, что здесь это одно и то же. Но прервала я вас потому, что не стоит, наверное, нарушать наши уставы: давайте почитаем текст.

М.С.: Да-да, тем более что голосом всегда задаешь определенный способ толкования. Итак, третья глава.

«Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним; чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете. Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания. И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая.

И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и боялся, потому что я наг, и скрылся. И сказал: кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел (смотрите, как он наивно предает. — *М.С.*). Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела. И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на

чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим, и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку.

Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей, в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою.

Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса (то есть — речь, важно не только, что сказано, но как сказано. — М.С.) жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него», проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой. В поте лица твоего (настоящий гнев. — М.С.) будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься.

И нарек Адам имя жене своей (обратим внимание на ритмические смены: спокойное принятие кары, ее мгновенное действие. — М.С.): Ева, ибо она стала матерью всех живущих. И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их. И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло (я сразу хочу обратить внимание на следующее: Светлана Сергеевна не раз подчеркивала, да и мы сами это ощутили, что Библия и комментарий к Библии — вещи разные, поскольку представляют разные культуры: Здесь это особенно заметно: в Библии слова «один из нас» скорее всего свидетельствуют о древних, может быть, еще языческих, верованиях, Коместор толкует это через 10 веков как намек на Троицу, на троичность Бога, я же — как если бы это разыгрывалось в мистерии, тем более что последующие слова не противоречат им, ибо они о другом. Но какие же это следующие слова? — М.С.). И теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы

возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

Итак, я хочу сопоставлять мой комментарий и Коместоров. Даже так: вначале будет мое толкование – с точки зрения права, а далее Коместора – теологический.

Вернемся к тому, что я выше уже говорил о том, что Бог предвидел осложнения с человеком.

И Бог не ошибся в своих сомнениях («червоточинке»), потому что человек явился **ОБЪЕКТОМ ИСКУШЕНИЯ**. Искушение было со стороны змея. Коместор замечает, что в данном случае змей – воплощение Люцифера. Люцифер, изгнанный из рая, завидовал тем, кто там остался, а именно – человеку. И для того, чтобы ему не было одиноко в изгнании, он хотел, чтобы тот разделил его отторжение. Для этой цели Люцифер избрал женщину, как, по Коместору, более податливую часть человека: он обратился к ней с вопросом, может ли она, находясь в раю, есть ото всех плодов? На что Ева ему сказала, что ото всех, кроме дерева жизни, поскольку это связано со страхом смерти (известно, что человек был не абсолютно бессмертен: он мог жить, но мог и умереть – поэтому бессмертность его была относительной). И вот Змей открывает Еве глаза, что на самом деле смерти не будет, а будет познание. И Ева, поддаваясь на это искушение, сорвала яблоко, вкусила сама от него и потом дала Адаму. Очень интересно, что именно сей факт и есть грехопадение... Здесь очень тонко сказано, что это зло – не самое страшное. Зло в другом. Прокомментируем эти стихи.

Вначале нельзя было есть этих плодов, потому что они якобы несли смерть. Здесь – **ПОНЯТИЕ ЗЛА** как **НАРУШЕНИЕ БЛАГА**, что означает: **МАЛОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ БЛАГА УЖЕ ГИБЕЛЬНО, УЖЕ ВЛЕЧЕТ К НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ**.

Кроме того, можно задать такой вопрос: в чем же,

собственно, причина грехопадения, почему оно стало возможным? Можно предположить, что здесь, в САМОМ НАЛИЧИИ ЗАПРЕТА вкушать плоды от древа познания, заключалось НЕКОЕ ИЗЪЯТИЕ ИЗ ПРАВА (отступление от права). Т.е. человек в праве-де есть все-все-все, КРОМЕ этой малости. САМО ИЗЪЯТИЕ ИЗ ПРАВА, СОВЕРШЕННОЕ НЕ ЧЕЛОВЕКОМ, УЖЕ СТАЛО ПОВОДОМ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Отсюда можно сделать далеко идущие выводы. Если существует какое-либо изъятие из права, если что-то можно, а вот ЭТОГО нельзя, то это может явиться элементарным поводом к совершению зло=деяния, «АТОМОМ» ЗЛА. И мы видим, что человек так устроен, что, когда все разрешено, а вот этого нельзя, то именно этого ему и хочется. Это ЗАЛОЖЕНО в нем.

В принципе получается, что Бог устроил ПЕРВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ НАД ЧЕЛОВЕКОМ. Он не знал результата, поэтому нельзя говорить, что Бог сделал это специально (С.С.: Как же тогда понять Всеведение и Премудрость Творца?). Но то, что он поставил человека в условия выбора и произвел некий эксперимент над его сущностью, и этот эксперимент закончился тем, что изъятие явилось поводом для падения, для потери человеком некоторой доли его Божественной сущности — именно это стало проклятием всего человечества. Потому что, когда существует изъятие из права, — это всегда ведет к страшным последствиям. И произошло следующее: когда яблоко было отведено Адамом и его женою, то они в этот момент познали добро и зло и поняли, что они наги.

С.С.: Познали, т.е. породили.

М.С: Нагота. Что такое нагота? Коместор называет наготой фактически факт обнаружения половых различий. У человека другое тело, вы представляете? Они увидели, что они различны (это по Коместору). Они увидели отличия друг друга. И в этом — т.е. в

отличии – увидели срам. Т.е. СТЫДНО БЫТЬ РАЗЛИЧНЫМИ. Это очень интересно: не стыдно быть ПОДОБНЫМ, а стыдно быть отличающимся друг от друга. В принципе, в нашей жизни это тоже бывает: если мы видим, что чем-то отличаемся от других (например, как-то не так одеты или говорим что-нибудь не то), то нам становится стыдно. Т.е. понятие стыда вложено в наше сознание.

Олег Б: Да, но они увидели, что они различны, после того, как вкусили запретный плод, т.е. до этого было единство, а потом, после отведывания плодов, они отошли от этого единства. МИР РУХНУЛ...

М.С.: ...

С.С.: Конечно, это и есть грехопадение. И может быть, исход Адама и Евы из рая параболически связан со следующей книгой Библии, «Исходом»? То, что отметил Михаил Семенович, необыкновенно важно. Это, кстати, объясняет и силу религиозной идеи соборности, причастия=приобщения, и философскую тягу познать, как возможно общее... Способствует и пониманию идеи права, в том числе Салической правды. Ведь что такое выход из общины или отказ от родства? Это означает, что человек должен был сделать невероятное усилие: бросить землю через плечо, сломать тростинку или другие символы – тем самым обнаруживая свою отделенность от человечества, от «мира» – от общего. Он на какое-то время становился бесправным, ЧУЖИМ в своем мире. Дотошное исполнение обрядов лишь увеличивало пропасть такой отчужденности. Человек оказывался в состоянии переходности: уже не... и еще не... В точке ничто... Он обнаруживал себя одним и всем (миром), атомом, или индивидом, ибо точку нельзя разделить. Очень важно сравнивать эти два документа: Библию и Салическую правду, чтобы уловить их встречное движение.

М.С.: По поводу того, что «Адам и его жена препоясались, сделали себе одежду из смоковницы», Коместор замечает, что смоковницы выделяют сок, который вызывает сильный зуд, и появляются плотские

желания. Т.е., сделав себе одежду из смоковницы, они еще более закоснели в своем грехе.

С.С.: Я могу в скобках напомнить и другой смысл «смоковницы»: если вы помните, в Евангелии от Иоанна есть эпизод, когда Пафанаил признал Иисуса за Сына Божьего после того, как сказал ему, что видел Его под смоковницей, деревом «запретным». Под запретным деревом, как правило, собирались люди, занимающиеся чем-то запретным. Так вот, секта зилотов, страстных противников римского правительства, как раз собиралась под этим деревом. Некоторые историки считают, что они-то и изображены в Евангелии от Иоанна.

М.С.: Когда Бог появился в раю, Адам и Ева спрятались, очевидно, опасаясь его гнева, потому что они нарушили завет. Но интерес вызывает то, что спросил Бог, когда позвал человека? Он спросил: «Адам, где ты?» Адам сказал, что ему стыдно, потому что он наг. Тут Коместор опять же иронизирует: он говорит, почему это Адаму, видите ли, было стыдно, что он наг, когда он таким рожден? Поведение Адама было нелогично. После этого Бог понял, что Адам нарушил завет, и начинает разбирательство.

Петя: А разве он не знал?

Саша К.: Кстати, ведь он уже был одет, когда предстал перед Богом. Почему же в таком случае ему было стыдно?

М.С.: Это просто оправдание. Тут проявилось уже чисто человеческое поведение Адама – АНАЛОГИЧЕСКОЕ. И здесь Бог начинает делать дознание: кто же виноват? Адам указывает на жену, а жена указала на Змея. Вот Коместор снова иронизирует над тем, что Адам сразу признался. Бог его спросил, и он тут же указал на Еву, Ева – на Змея. Т.е. они ничего не могли скрыть, с одной стороны, а с другой – недостойное «предательство» друг друга.

Олег Б.: По сути дела, они не предавали, потому что Бог и так все знает.

М.С.: Ну, это совершенно понятно, потому что

человек мог вообще *не уметь лгать*, так как он первороден и ложь ему была несвойственна, и он говорил чистую правду, как она есть. Но Коместор ПОЧЕМУ-ТО над этим иронизирует. Он почему-то относится к первобытному человеку, как к своему современнику – такая неадекватность.

С.С.: Да, это тоже любопытно. Может быть, в этом и смысл любой библейской истории: они всегда однократны, но миг их свершения – вечный миг, потому он может проецироваться на любое время. Это и позволяет Коместору относиться к Адаму как к современнику, как бы «забыв» о том, что он – первый... Но в известном смысле любой человек первый, поскольку единственный и неповторимый. Что же до замечания Олега, «что Бог и так все знает», то нам нужно продумать, что означает это всеведение. Отрицание свободы воли? По Коместору – вряд ли, возможна ли свобода одного субъекта без предположенности свободы воли другого, сколь бы мал он ни был? Но продолжим.

М.С.: Теперь о наказаниях. Коместор комментирует их так: «Змей совершил три греха: во-первых, он завидовал человеку; во-вторых, он лгал; в-третьих, он обманывал». Лгал и обманывал – это разные вещи для него.

Петя: Ну, лгать – это говорить неправду, а обманывать – это говорить неправду с корыстной целью.

М.С.: Поэтому он, соответственно, тройко наказан: за то, что завидовал, унижен, стал пресмыкаться; за то, что он лгал, – он должен питаться прахом, и, кроме того, он потерял голос (ведь раньше он мог разговаривать), и его жало стало ядовитым. За обман Бог посеял вражду между Змеем и женой, а именно: он ее поражает в пяту, а она его поражает в голову. Вот тройкое наказание Змея.

Что касается жены, то у нее – двойное преступление. 1) Она возгордилась; 2) она отведала запретный плод. Следовательно, и наказание двойное.

За то, что она возгордилась, – она унижена тем, что подчинена мужу. Бог сказал, что она будет испытывать влечение к мужу и потому от него зависеть. За то, что она отведала плод, на плод также падает наказание: «Рожать ты будешь в муках». У Адама только одно преступление – то, что он отведал плод. Отсюда наказание: «Питаться ты будешь плодами, которые будут доставаться тебе с огромным трудом». И окончательное наказание – изгнание из рая. Здесь Коместор говорит, что это уже слишком тяжкое наказание...

С.С.: Выстраивая иерархию греховности, Коместор, очевидно, следует Абельяру, учеником которого был, Абельяр же в «Этике» считал грех грехом при трех условиях: если он был *внушен*, если человек был к нему *поощрен* и если человек на него *согласился*. Последнее – индивидуальное, лично выраженное согласие – и есть собственно грех. В таком случае согрешили все трое, безо всякой иерархии: все дали согласие на грех. Хотя Абельяр и Коместор считают, что прародители заслужили суровое наказание не величиной греха, а пренебрежением, проявленным к Богу.

М.С.: После чего и последовало изгнание, но перед этим Бог дал им одежду из шкур. Здесь Коместор делает замечание, что это – данная одежда – не случайно, потому что состоит из шкур **УБИТЫХ** животных, т.е. сама одежда Адама и Евы показывает, что они смертны. (С.С.: Антитезис бессмертию.) Здесь – самый таинственный момент: Бог говорит, что вот человек уже отведал от древа познания, и если он еще отведаст от древа жизни, т.е. станет бессмертным, то он станет одним из НАС. Употребляет слово во множественном числе; Коместор снова здесь иронизирует.

Петя: Потому что Бог троичен.

М.С.: Но пока-то мы не знаем об этом, нам об этом никто не говорит!

С.С.: Хотя именно на это место ссылались теологи,

утверждая троичность Бога – явно средневековая трактовка.

М.С.: И для того чтобы предотвратить возможность человека «стать одним из нас», Бог ставит своих ангелов с обоюдоострым мечом (меч, заточенный с обеих сторон – такие носили впоследствии варвары).

Это касается сюжетной части. Но можно третью главу рассматривать не как сюжет, а как АЛЛЕГОРИЮ. Рай – понятие духовное, это некая область духа, в которой пребывает человек. Находясь в этой области, он существует только духовно. После падения прекращается совершенное духовное состояние. Возник изъян, который привел к низвержению его из чисто духовной сферы в материальную, т.е. человек стал двояким: с одной стороны, в нем осталась божественная сущность, и в то же время он был обращен в прах (Бог сказал: «Из праха ты вышел, в прах ты и вернешься», т.е. вначале Бог вдохнул в человека душу, а потом говорит, что он есть прах). Если раньше бессмертие (благо) было обеспечено человеку (в раю), то теперь, после изгнания, ему надо самому обеспечивать себе свое благо и прикладывать усилия, чтобы это благо сохранить. Потому что теперь среда, в которую он попал, – недуховная среда; в недуховную среду попал духовный человек; и для того чтобы сохранить свою духовность, он должен прикладывать колоссальные усилия в противодействии окружающей среде. Поэтому, когда мы говорим, что тот-то – человек святой жизни, мы предполагаем колоссальный труд. Труд сопротивления. Физически это есть состояние энтропии; энтропии духовности... Если подходить теоретически, то можно сказать, что здесь-то появляется ДИАЛЕКТИКА. Т.е. если раньше был только один полюс – положительный (до сих пор, до падения), то нарушение завета образовало полюс отрицательный. То есть создается поле бытия человека: он находится между двумя полюсами и ВОЛЕН ВЫБИРАТЬ. То есть начинается ДВИЖЕНИЕ.

Движение есть тогда, когда есть полюса. Возникло поле добра и зла, и человек с тех пор находится внутри этого поля и сам выбирает путь.

С.С.: В средние века это называлось «антитезами», жестким – аллегорическим или буквальным – противостоянием. ДА или НЕТ, Sic et NON.

М.С.: Все-таки Бог не лишил человека некоторой милости: он остался под его покровительством. В-первых, Ева имеет способность рождать, а порождение есть благо.

С.С.: Имя Ева означает «жизнь».

М.С.: Или, например, Адам. Бог все-таки оставил ему возможность добывать плоды, пищу. Значит, даже в гневе Бог остается милостивым и заботится о человеке. Отсюда можно сделать вывод, что добра и зла в чистом виде не существует – они бесконечно взаимодействуют друг с другом... Это все.

С.С.: ...Мне кажется, Вы обратили внимание на весьма существенные для средневековья вещи. Это: 1) любое отторжение от права рождает зло; 2) основная черта религиозности – стремление к единству, не различию и 3) определение греха через согласие на грех. Но я сегодня не слишком хотела бы комментировать сказанное, чтобы лучше запомнилось выступление Михаила Семеновича.

Лишь несколько слов. Третья глава Библии начинается, казалось бы, с мелкого проступка, изменившего мир и сознание в мире. Согласие на грех, ведущее к пренебрежению заветом, способствовало переводу человека из священно-духовного состояния в состояние духовно-физическое, в состояние жизни, которая, как Петя заметил, как раз и характеризуется смертностью, в этом смысл выражения «смертью умрешь», так как этот миг согласия на грех есть миг преображения человека: из возможно бессмертного, он стал несомненно смертным. Третья глава – это претворение священного состояния человека, когда человек ФАКТИЧЕСКИ был богочеловеком, в состояние собственно человеческое, когда ему надо постоянно

подтверждать или ДОКАЗЫВАТЬ не столько человекобожие, сколько богочеловечность. Меняется вектор совершенствования.

Петя: Мы вчера встречались с американцами, которые представляли христианскую делегацию, и с ними разговаривали. Я задал вопрос, что они думают по поводу идеи, что Бог – и добро, и зло вместе, и они долго утверждали, что Бог – только добро, что зла в нем нет.

С.С.: Мы сегодня говорили (Михаил Семенович говорил), что под злом понимается недостаток блага (как утверждал и Боэций), образующийся в сотворенном, т.е. имеющем конец, мире. Бог, конечно, понимался как высшее благо. А если утверждать зло как полную противоположность добра и его равное с добром основание в мире, то любой христианин, американцы в том числе, обвинят нас в манихейской ереси: двуполярном образовании мира, мира из двух начал – из начала доброго и начала злого.

Петя: Откуда это название – манихейство?

С.С.: От человека по имени Мани, который, по преданию, в III в. проповедовал в Персии, Средней Азии, Индии. Манихейство – дуалистическое религиозное учение о борьбе добра и зла, света и тьмы, как изначальных и равноправных принципов бытия. Оно распространилось в первом тысячелетии нашей эры от Китая до Испании, подвергаясь гонениям и со стороны зороастризма, и греко-римского политеизма, и христианства, и ислама, и др. И понятно, ибо «Бога мы называем, как говорил вслед за Боэцием Абельяр, – просто и собственно Высшим благом», от которого отпало нечто, что было затем (т.е. позже, т.е. не изначально) названо изъяном, грехом, злом. Однако отпало, не лишившись, как говорил Коместор, Божественного промысления. Т.е. человеческий род продолжается, человеческая судьба (в смысле претворения богочеловечности) также продолжается, требуя лишь усилия доказывания этого. Но, кстати говоря, это усилие любой свободной воли. Это же

усилие делает и сам Бог, потому что немал был труд удержать человека в безгрешном состоянии, но и он не удался. Здесь мы снова оказались перед проблемой, о которой говорили прошлый раз: при столкновении двух свобод – за которой победа? Какой бы малой свободой ни обладал свободный человек, сила ее такова, что она может противостоять всемогуществу. А всемогущество только тогда и всемогущество, когда не подавляет, а учитывает любую малую свободу: если я могу подавить, а НЕ могу учесть, значит, я не ВСЕмогущ. Отсюда, Бог гневается, Бог радуется, Бог смеется, Бог тоскует. Но и более того – истинная свобода проявляется через свободу другого, иначе незачем было Ною сохранять жизнь. Сам Бог оказывается наделенным всеми теми человеческими чувствами, которые принято называть иллюзорными, т.е. преходящими, но все вместе они и выражают любовь – качество, присущее Богу, т.е. – непреходящее. Все, что невечно, имеет привкус зла, но все злое оказывается в диалектическом единстве с вечностью. Поэтому американцы правы, но их правоту надо истолковывать при учете того, что есть зло.

Петя: Интересно, чем отличаются средневековые позиции от современных?

С.С.: О многом мы уже говорили (а Олег Гисин даже реферировал книгу А.Я.Гуревича). Но прежде всего – это отношения, построенные на личной верности: сеньору или – Богу. Отсюда идея причастия к Высшему благу, не равенство социальное, но равенство перед Богом, когда человека судят по его заслугам, что означает личностное неравенство. Второе: это связанная с первой идея поступка как внутреннего, осознанного поступка. Третье: это, казалось бы, близко современному понятию поступка. Но современный поступок выступает в единстве внутренних сомнений и внешнего акта; если средневековый поступок «работает» внутри взаимооборачивающегося движения «мораль – нравственность», то современный внутри «нравственное – нравственное»; человек как бы заново

из себя рождает нравственность... сопряжение общего, повторяемого и единственного, случайного... И логика была совершенно другой — логика иносказания, истолкования, логика, действующая внутри ЧУДА Слова, которую некоторые современные западные историки, на мой взгляд, совершенно правильно называют «медитативной диалектикой».

Петя: Были ли такого рода логические работы? Когда они появились?

С.С.: Прежде всего здесь надо назвать Боэция (VI век), который разрабатывал проблемы общего и единичного (что такое род, вид, индивид), случайного и провиденциального. Затем почти пять веков считались темными. Но в этой ночи светилась луна иносказания, люди — в основном в монастырях, где главным делом считалось «петь, читать и писать», — осваивали мощь переносных значений слова, полагая, что Божественный промысел выразить можно лишь приблизительно, иносказательно. Это часто не принимали за логику (выводы, доказательства), не принимая во внимание, что ее задачи были иные. Потому она и казалась «мрачной», «ночной», ибо, казалось, в ней царил не разум, но только вера. Но как только вера пыталась выразить себя словом, она мгновенно прибегала к разуму. В XVII в. родилась другая логика — познающего, опирающегося на непререкаемые законы разума. Тогда отошли на задний план великие произведения: «Гексамерон» Беды Достопочтенного, блестящие загадки Каролингской академии и т.д. Разум стал выяснять, что есть мир сам по себе без его соотнесенности с Богом, что было не мыслимо для Средневековья. Познание как причастие уступило место познанию как пониманию. Мысль и Боэция, и Коместора движется через иронию, через фигуры гендиадиса, силлепса и др., через троп, который, будучи в то время логической лузой мышления, ныне стал лишь одним из художественных литературных приемов.

Кстати, однажды у меня один поэт спросил, чем троп отличается от символа, — поэт, занимающийся

Средневековьем! Он знал, что такое метафора, он знал, что такое гиперболола, он знал, что такое сравнение, ирония, а что такое троп в его соотношении с символом, не знал. Хотя троп – это КРЫША всякого иносказания, точнее – его двигатель, поворот.

Средневековый разум и пользуется тропами для уразумения Божественного. Помните, как Коместор определяет, что такое человек как образ Божий?

Олег Б.: Человек, уподобленный Богу разумом.

С.С.: Т.е. разум человека и есть его Божий образ – это как раз то, что упускают из виду противники человеческого разума. А в чем он подобен Богу?

Олег Б.: По добродетели...

С.С.: Т.е. мышление и этические императивы, объединенные девизом «познай самого себя», – две характеристики человека в его причастности Богу. Когда в XII в. Абельяр попытался воззвать к ясности разума, это вызвало бурю негодования. А какое было возражение? «Нам близка Евангельская вера, – где разум был НЕЯСЕН и понимался только немногими». А что это значит – неясен?

Петя: Просто разум был иносказателен.

С.С.: Это для Средних веков. А для Нового времени?.. Для него, кажется, весьма характерно высказывание Лапласа о Боге: «Я не нуждаюсь в этой гипотезе». И дело здесь не в том, что Лаплас был безбожником. Это значит, что его разум действует так, как если бы познаваемый мир был одинок, существовал бы сам по себе, иначе не будет чистоты эксперимента. Чтобы провести эксперимент, нужно поставить объект эксперимента в идеальные условия, вырвав его из всех связей, что немислимо для Средневековья. В Средние века скорее надо было выстроить опоры, связывающие земной мир с горним: «каким образом» нечто одно связано с неким высшим, или общим, «каким образом» это высшее или общее представлено в единичном... Ведь то, о чем сегодня говорил, употребив слово «эксперимент», Михаил Семенович, – это был, если был, мысленный эксперимент, а скорее – проверка на

прочность; я бы даже не согласилась с Коместором в вопросе о суровости наказания за грех. Изгнание из рая — своеобразный этический контроль: в дали дальней осталось высшее совершенство — где и как найдется нить связанности с ним? А в Новое время, кстати, в художественной литературе — не был ли проделан эксперимент изъятия из всех связей?

Петя: Робинзоны там разные.

С.С.: Робинзон Крузо, снабженный (почти поленински) всем тем культурным богатством, что создано человечеством, и оставленный на необитаемом острове, — как-де он управится со всем этим багажом?

Петя: Ведь и в Средние века люди сами с собой такие эксперименты проводили. Монахи, например.

С.С.: Да, человек мог поселиться в пустыне, но был ли он там один? Для чего он уединялся?

Петя: Для общения с Богом.

С.С.: Именно в этом и была его цель — продлить и усилить общение — по вертикали. У Робинзона такой цели не было. У Робинзона была цель — построить себе жизнь — такую, какая она была на континенте. Ему и в голову не пришло строить прежде всего храм. А что делали пустынноики? Первое, что они делали, если делали — храм, ЕГО храм, вокруг которого начинали потом расселяться другие люди...

Ну, а античный разум? Сравните диалоги в Библии, где Бог гневается, спорит, борется, радуется, и диалоги Платона. Для Сократа, главного героя его диалогов, самое важное — спокойный тон чистого рассуждения, ведение духа к эстезису — к совершенному, прекрасному умозаключению, где все успокаивается.

Васильева Т.В. | Поэтому и дух его спокоен.
Афинская школа | Т.В.Васильева, философ-
философии. М., 1985. | античник, утверждает, что
античный разум —
ГОРОДСКОЙ, т.е. разум

Сократа — Платона — Аристотеля интересуют вещи до их сотворения, ибо любому ремесленнику прежде всего должна быть ясна ИДЕЯ вещи. Поэтому и философов

интересовало то, что называется чистыми сущностями. Античный разум можно назвать эйдетическим, от эйдоса — идеи вещи.

Ну, а современный? На границе культур формируем мы нашу мысль. Даже сегодняшнее занятие вовлекло нас в необходимость сопоставить самые разные эпохи истории, понятия. Но, впрочем, на сегодня достаточно.

День десятый: Олег Гисин. Реферат книги Л.П.Карсавина «Монашество в средние века»

Саша К.: Светлана Сергеевна, что получается при таком двойственном, даже тройственном чтении Библии?

С.С.: С одной стороны, перед нами — сам текст, составленный между VIII в. до н.э. и III в. н.э., с другой стороны — его комментарий, относящийся к XII в. Вольно или невольно мы сопоставляем разные времена, разные страны, мы отмечаем сдвиг понятий, мы слышим *голоса* ушедших эпох при их сопряжении с нашим собственным голосом. Собственно, это центральный пункт нашего семинара.

Но этот текст удваивается и по другой причине: пред нами пласт буквальный (есть то, что написано), метафорический — с особыми речевыми фигурами, тропами и т.д. Третий пласт — символический: под Раем подразумевается символ духовной жизни, символ неба, а Земля не просто земля, а символ бренности, иллюзорности. Четвертый пласт — аллегорический. Так, у Коместора дворец — это аллегория мира. Мы тем самым учимся понимать многообразие мира, разные его представления, не совпадающие с нынешними. Мы учимся задавать тексту, точнее — неведомому его автору вопросы, учимся вслушиваться в его ответы, в звуки голоса, интонации. И как знать? — быть может

когда-нибудь он не просто будет нам интересен, а — изменит нас, удивит, потрясет. Мы учимся быть неравными самим себе.

В прошлый раз мы подошли к одной весьма существенной вещи: к принятию человеком на себя бремени мира. Отныне он, некто (или: «тот, кто»), один, индивид... что значит это слово?

Оля Т.: Индивид?

Саша К.: Неделимый атом.

С.С.: Атом, как и индивид (это греческое и латинское слова) означают «неделимый»... — этот индивид вступает с нами в определенные отношения, например трудовые, в отношения с другим индивидом: приветливые или враждебные. Потому необходимо выработались некоторые правила жизни, названные законом. Он и регулировал отношения между индивидами. Нас и интересует встреча Божественного закона и Салического в момент их направленности на одного человека.

*Ученые,
профаны,
монахи,
иноки,
миряне.*

Но давайте вернемся к нынешней теме, ибо на то, о чем спросил Саша, мы отвечаем каждым нашим семинаром... Тем более что индивиды были разные: бедные и богатые, ученые и профаны, миряне и монахи, посвятившие свою жизнь исключительно служению Богу. Об этом — наш сегодняшний семинар. Монахи вначале жили в одиночку, а затем образовали братства. Начинали же они не с организаций этих братств, а с организации самоустроения, т.е. с *иночества* (они были иными, чем мир).

Доклад о монашестве в Средние века сделает Олег Гисин.

А затем — сообщение Иры Секретевой по «Салической правде», где главным героем будет земля как символ жизни, плоти.

*Л.П.Красавин.
Монашество в
средние века.
М., 1992.*

Олег Г.: Я основываю свой доклад на книге Л.П.Красавина «Монашество в средние века». Христианство началось с гонений. Первым гонимым был его основатель.

Затем — его последователи. В Римской империи достаточно было выполнять христианские обряды, чтобы мгновенно подвергнуть себя опасности. Но все же в Риме при императоре Константине I в начале IV в. христианство охватило очень большую часть населения и было провозглашено государственной религией. С этого времени Римская империя перестала быть империей завоевательной, так как она воплотила идеи христианства. Начался ее упадок, потому что она перестала развиваться как империя. И как раз после того как христианство стало главенствующей религией, появились первые отшельники. Их называли «анакоретами» (монах-отшельник, анахорет, пустынник). Они появились на Востоке, в Египте. Уходя от мира, они селились в пустыне, на Синайском полуострове, в Сирии, в Нижнем Египте. Будучи отшельниками, наедине с собой, пытались следовать идеям Христа и воплощать их в жизнь. Т.е. всю свою жизнь они подчинили идеям Христа. Наиболее известным пустынником считался Павел Фивский. Он был помещиком в Египте. Но когда его всецело охватили идеи христианства, он бросил все свои богатства и ушел от мира. Стоит назвать и Антония Египетского. Возле него впервые появились поселения, называвшиеся лаврами. Монахи в них жили отдельно, каждый в своей хижине, но поскольку они были соседями, то объединялись для совершения некоторых ритуалов. Например, они начинали молиться в одно и то же время суток, а по субботам и воскресеньям собирались и молились все вместе. Так возникли общежития монахов.

С.С.: Олег, извините, я вас перебыю: скажите, о каком времени вы ведете речь?

Олег: О IV в. Последователи Антония Египетского

назывались еремитами по иному имени лавров — еремиториев. Преследования христиан к тому времени прекратились, потому что это было уже ни к чему. И это дало толчок бурному развитию монашества.

Монашество ставило своей целью спасение души человека, зависящее от выполнения заветов Христа. Вот некоторые идеи Христа, приведшие к появлению монашества. Итак, Евангелие от Луки:

«Господь сказал: если бы вы имели веру с зерно

Заповеди:

- не прелюбодействуй,
- не убивай,
- не укради,
- не лжесвидетельствуй,
- почитай отца и мать,
- да не будет у тебя других Богов, пред лицом моим,
- не сотвори себе кумира,
- не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно,
- помни день субботний,
- не желай дома ближнего твоего.

горчичное и сказали смоковнице сей: «исторгнись и пересадись в море», то она послушалась бы вас».

«И спросил Его некто из начальствующих: Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?»

Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог.

Знаешь заповеди: не прелюбодействуй; не убивай; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца твоего и мать твою.

Он же сказал: все это сохранил я от юности моей.

Услышав это, Иисус

сказал ему: еще одного не достаёт тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, следуй за Мною.

Он же, услышав сие, опечалился, потому что был очень богат.

Иисус, видя, что он опечалился, сказал: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!

Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные

уши, нежели богатому войти в Царствие Божие.

Слышавшие сие сказали: кто же может спастись?

Но Он сказал: невозможное человекам возможно Богу.

Петр же сказал: вот, мы оставили все и последовали за Тобою.

Он сказал им: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной» (XVII, 6; XVIII, 18-30).

Мне кажется, эти высказывания Христа и послужили опорной идеей монашества. Нужно стремиться от всего мирского: от богатства, от семейных уз и отдаться Богу. Но в этих словах не все ясно, здесь очевидное иносказание. Поэтому не всем собеседникам Христа понятно, как понять его высказывания и как им, собственно, следовать в жизни.

*Василий Великий,
или Василий
Кесарийский (330-
370) - представи-
тель «патристики».*

*Патристика -
совокупность
философско-рели-
гиозных доктрин
Отцов церкви II-
VIII вв.*

*Бенедикт
Нурсийский (VI в.).
Бенедиктинцы -
монахи
католического
ордена, основанного
ок. 530 г.*

*Бенедиктом
Нурсийским.*

Один из путей понимания и следования за Христом, на мой взгляд, есть монашество.

Монашество появилось позднее. Это уже такие образования, где люди живут без жен и без детей. Монахам нужны были средства для существования, поэтому возникали лавры, где они занимались не только воспитанием духа (например, молитвой), но и совместным физическим трудом, как это было в лаврах Пахомия и Василия Великого. У Василия Великого впервые появилось такое понятие, как монастырь, где все делают сообща: едят, работают, молятся.

Следующим этапом в

развитии монашества были монашеские движения, в частности – бенедиктинское. Бенедикт выработал для монашества свой устав, который расписывал в мельчайших подробностях жизнь монахов, начиная с того, как надо одеваться, и кончая тем, как молиться и соблюдать посты. Это был очень строгий устав, который предусматривал буквально все, ограничивая со всех сторон потребности монахов. Следовать ему могли далеко не все, потому что одной из его целей было уничтожение в человеке свободы действий.

Затем, в IX в. образовалось, а в X-ом развилось Ключийское движение. Монастыри имели общий центр, и этой группой монастырей руководил один общий руководитель – аббат. У Бенедикта в монастыре тоже был аббат. Он руководил одним монастырем. А группы ключийских монастырей организовали *систему монастырей*, во главе которой стоял Римский папа.

Возникло монашество, мне кажется, так: учение

*Аурелий
Августин (354-
430) – главный
представитель
западной
патристики.*

Христа понималось людьми по-разному, и в этих общностях, монастырях, развивалось именно это разное. После Бенедикта создавались и другие уставы, более обмирщенные и менее жесткие. Например, устав Августина.

Я сейчас приведу высказывания из Евангелия от *Нищенствующие ордена*. | Луки, которые, мне кажется, легли в основу возникновения «нищенствующих орденов».

С.С.: Когда это было?

Олег Г.: Это уже где-то в районе XI в. Даже XII в

С.С.: В **конце XII в.**, но более всего в **XIII в.**

Олег Г.: Были «нищенствующие ордена» францисканцев и доминиканцев, в основу которых легло данное учение Христа:

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно.

Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпях.

И желал напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпыя его.

Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово, умер и богач, и похоронили его;

И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его;

И, возвопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы смочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем.

Но Авраам сказал: чадо, вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое, ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь;

И сверх того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят.

Тогда сказал он: так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего;

Ибо у меня пять братьев: пусть он засвидетельствует им, чтоб и они не пришли в это место мучения.

Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их.

Он же сказал: нет, отче Аврааме! но если кто из мертвых придет к ним, покаются.

Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто из мертвых воскрес, не поверят» (XVI, 19-31).

Здесь, мне кажется, заложены идеи возникновения «нищенствующих орденов», в которых монахи полностью отказывались от всей собственности, вели, если можно так выразиться, свободный от мира образ жизни, собирая подаяния, что полностью соответствовало идеям христианства.

*Рыцарские
монашеские ордена:
тамплиеры,
госпитальеры.*

Возникали различные ордена в XII в., которые хотели наказать еретиков, желая стать воинами христовыми. Это были «рыцарские ордена»

тамплиеров, или храмовников, и иоаннитов, или госпитальеров, позднее Тевтонский орден. В основу этих орденов, я считаю, было заложено такое высказывание:

«Сказываю вам, что всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет;

Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы Я царствовал над ними, приведите сюда и избейте передо мною» (Ев. от Луки, XIX, 26-27). Т.е. Иисус хочет наказать тех неверных, которые не последовали его учению. И рыцарские ордена пытались бороться за веру и насаждать идеи Христа насильственным способом. Вот основные положения моего доклада.

С.С.: Спасибо. Какие вопросы к Олегу?

Сергея: Я не совсем понял смысл создания «нищенствующих орденов».

Олег: Не было смысла. Они просто хотели, я считаю, провести в жизнь идею, что нужно жить странствием, подаянием, стремиться полностью отказаться от своей личности в мире и тем самым приблизиться к Богу.

С.С.: Но это и есть смысл. Но, как мне кажется, вопрос Сережи гораздо конкретнее. Судя по вашему сообщению, суть всего монашества – в максимальном приближении к Богу через отказ и нищенство – это, кстати, очевидно и из ваших эпитафий, которые, на мой взгляд, проработаны великолепно. Сергей же спрашивает, почему именно в XIII в. возникают нищенствующие ордена с той же самой – казалось бы – программой? Что-то, очевидно, за это время произошло? Обратите внимание на одну чрезвычайно важную вещь: с одной стороны, монахи, уходя от мира, отрешались от любого имущества, а с другой стороны? Как только образовывался монастырь, он это имущество начинал приобретать. Во-первых, землю, чтобы на ней жить. Земля, во-вторых, требовала обработки, ибо, как и все люди, монахи, пусть меньше, но должны были есть, пить и носить одежду, следовательно, должны были на себя работать. Но поскольку монахи в основном

должен был проводить время за молитвой, эту землю сам для себя он обрабатывать мог не всегда и не всегда желал, и потому я хотела бы попутно задать вопрос: разве в бенедиктинских монастырях все были монахами и все ли монахи занимались физическим трудом?

Олег Г.: Нет, были люди, которые занимали как бы промежуточную ступень между миром и монашеством. Они были низкого происхождения, занимались обработкой земли и грубой физической работой, но, уйдя от мира, они тем не менее никогда не могли стать монахами.

С.С.: Да, доступ в монашество им был закрыт. Ведь в то время монахами чаще всего становились люди из обеспеченных, т.е. грамотных, слоев общества, приобщенных к духовным ценностям.

Так все же неужели не произошло никаких изменений со времени Бенедикта Нурсийского, что вызвало к жизни нищенствующие ордена?

Олег Г.: Может быть, это надо продумать...

С.С.: Тогда давайте все же более четко проследим этапы монашества. Добавим – в параллель к Олегову теоретическому сообщению – историческую составляющую.

Первый этап – монашеское движение III – IV вв., начавшееся с единичных отшельников-анахоретов, впоследствии объединившихся в лавры. Анахореты объединены лишь местом жительства.

Второй. При Бенедикте Нурсийском в VI в. образуются монастыри в отдаленных от населенных пунктов местах, где монахи-анахореты вели уже совместный образ жизни. У них общие трапезы, общие спальни. При Бенедикте впервые принимается монастырский устав. Конечно, хотелось бы, чтобы вы подробнее рассказали об этом в следующий раз. Но... монашество первых веков нашей эры разрывало с античным образом мира, с его культом телесности, с включенностью в природный круговорот, оно возникало в борьбе против многобожия, являя собой зародыш нового образа мира – образа новой – духовной –

жизни, и это — главное для первых двух, по сути единых, этапов монашества: *становление христианства*.

Третий этап. Ключийское движение X — XI вв., когда образуются уже не просто монастыри, а группы монастырей. К концу XII в. в ключийскую конгрегацию входило около 2000 монастырей Франции, Германии, Италии, Испании, Англии. Тоже хотелось бы побольше понять это движение, направленное *на укрепление католической церкви*. Это тем более важно, что назревал 1054 г. — год полного разделения христианской церкви на римско-католическую и греко-католическую, называвшую себя православной. Но Ключийское движение прежде всего было связано с внутренней ситуацией католического мира, ибо церковь к тому времени впала в «обмирщение».

Основой ключийской реформы был особенно строгий устав, исключавший подчинение монастырей не только светским властям, но и власти местных епископов, ибо они (вспомним «Историю франков» Григория Турского) зачастую назначались королем без церковного утверждения. Устав требовал от монахов строгого соблюдения безбрачия духовенства (это,

Цelibат. | вспомним, называлось целибатом), но не соблюдалось ни во времена Григория Турского, в VI в., ни в XII в., как написано в «Истории моих бедствий» Абеяра, даже обета молчания. Ключийцы выступили против продажи церковных должностей и всемерно способствовали распространению христианского образования, создав сеть школ и библиотек. Не случайно это движение породило многих выдающихся деятелей. В их числе — монах Гильдебранд, ставший в 1073 г. папой Григорием VII. А в 1059 г. оң на Латеранском соборе, отстаивая требования ключийцев, добился решения о новом выборе пап: отныне они должны выбираться кардиналами, назначенными папой,

1054 г. - разделение католической (римской) и православной (греческой) церквей.

исключая участие в выборах германского императора.

Так что клюнийское движение утверждало новый стиль жизни, новую его просвещенность; оно как бы выявляло ядро христианского поведения внутри уже сложившегося христианского мира, принимая этот мир и желая его усовершенствования и разделения сфер влияния (мирского и церковного).

*Бернард
Клервоский
(1090-1153) -
мистик.*

Четвертый: в XII в. образуются рыцарские ордена. Одним из организаторов рыцарских орденов был Бернард Клервоский — святой Бернард, аббат Клерво, который был инициатором II крестового похода. Собственно крестовые походы — не только борьба с ересями, как сказал Олег, не только религиозная борьба за освобождение «гроба Господня» — ими преследовались и самые мирские интересы — захват новых земель в Малой Азии, Византии, Палестине, на юге Франции, где разрушена была культура купцов и трубадуров.

Крестовые походы. Начались они с похода бедноты под руководством Петра Пустынника в XI в., в 1096 — 1099 гг. был I крестовый поход феодалов; II крестовый поход — в 1147 — 1149 гг.; III — в 1189 — 1192 гг. Они продолжались до конца XIII в., но остатки крестоносного движения были и в XV в.

Пятый. Организация «нищенствующих орденов». Вы заметили, я *подправляю хронологию, данную Олегом*, рассказывая о некоторых весьма существенных событиях. *И иначе нельзя*, ибо в XIII в. образование «нищенствующих орденов» было своеобразной реакцией на создание воинствующих рыцарско-монашеских орденов. Из них наиболее влиятельным был орден св. Франциска (за лето надо будет прочитать «Цветочки св. Франциска Ассизского»). Их появление свидетельствует о *культурном повороте в истории*: если раньше внимание было отвлечено от мира природы и направлено вглубь человеческой души, то теперь оно обратилось и вовне, полагая дух как бы

«расплескавшимся по лику земли». Жизнь св. Франциска как раз и основана на любви ко всему живому, любви, которой подвержена была любая живая тварь, от птички небесной до диких зверей. (Любовь к Христу у св. Франциска была настолько сильной, что он, пытаясь постичь Его страсти, переживал Его крестные муки столь сильно, что на руках у него появились кровавые пятна, стигматы, что послужило впоследствии темой икон и картин многочисленных художников. Св. Франциск был настолько почитаемым святым, что присутствие его лика казалось необходимым при всех изображениях важнейших мистерий христианства, например, рождества Христова.)

Но все же надо ответить Сереже, в чем смысл нищенствующих орденов. Если рыцарские ордена стремились не столько укрепить, как прежде, сколько расширить христианский мир, уничтожив язычников (которыми, правда, уже считались не варвары, а сторонники мировых религий: иудаизма, ислама и греко-христианской церкви), то нищенствующие ордена занимали щели социальной структуры своего времени, провозглашая *радикальный отказ именно от мира купли-продажи*. Это далеко выходило за рамки «нищеты», рекомендованной в прежние времена (ответ Сереже), поскольку те рекомендации предполагали все же «умаление» в рамках существующей мирской экономической системы. Св. же Франциск желал освобождения от любых рамок. «Жить в нищете» для Бенедикта означало жить вдаль от мира, но пользуясь необходимыми плодами мира (скажем, трудами своих рук или рук живущих при монастыре немонахов). «Жить в нищете» для Франциска означало жить подаяниями или грязными нерегулярными работами, намеренно поддерживая мысль о ненадежности и временности источников жизни. Не случайно образом нищеты для Франциска был образ обнаженного Христа, образ абсолютного отсутствия собственности.

Почему я обращаю внимание на различия в

понятии нищеты?

Олег показал нам, из чего строилось монашество как целое. Но нам важно знать и как, на каких основаниях менялся его образ с течением времени — от зарождения христианства до его укрепления и стабилизации. Только в таком случае мы поймем его культурную значимость.

Сережа: А что, разве клирик и монах не одно и то же?

С.С.: Нет. Клирик — понятие более широкое, оно в XII в. означало человека, причастного к теологии, к преподаванию, даже к церковным должностям, но не полностью отрешенного от мира (разве что от наследования имущества). Он мог, например, быть женатым. Но именно монашество считалось признаком настоящего ученого человека. И вплоть до XVII в. почти все ученые фактически были монахами. Великий физик Исаак Ньютон считал себя прежде всего богословом (им было написано семь томов богословских книг), а уж затем физиком.

Что же представлял собой монастырь IX-XII вв? Во-первых, это было укрепленное место. Поэтому не удивительно, что за стенами монастыря просили убежища и рыцари, и странники, и прочие. Прятались от непогоды, укрывались на ночь, бежали от расправы и т.д.

В IX-XIII веках монастыри представляли собой огромное хозяйство с зависимыми людьми. К XII в. к тому же они стали обмирщаться; монахи презирали целибат, обзавелись женами, детьми, наложницами; именно тогда зарождается образ монаха-пьяницы, монаха-обжоры. В церковной среде развилось то, что стало называться *симонией*, продажей церковных должностей. «Симон грабит, Симон правит, Симон в Риме государит», — пелось в одной из «вагантских» песен. К этому надо прибавить многочисленные поборы в пользу церквей и монастырей: к десятине со всего, что получают крестьяне, прибавлялись поборы за крестины, свадьбы и соборование. К XII в. развилась

практика индульгенций (отпущения грехов за деньги): простое покаяние на исповеди не всех устраивало. А как происходило покаяние грешника, совершившего смертный грех? Его отлучали от церкви. В церкви зажигались свечи, которые как бы очищали церковь от его грехов. Самого грешника выводили за ворота. Он был отлучен до тех пор, пока не произносилась очистительная молитва. Но впоследствии все это могло быть заменено «индульгенцией» (отпущение). Я думаю, что это весомое основание для появления в 1221 г. и в 1223 г. уставов св. Франциска, где в частности было написано: «Да будут братья осмотрительны, где бы они ни были — кельях или других жилищах, дабы не присвоить себе жилище, или не оспаривать его у кого-либо», или: «Ничего да не присвоят себе братья — ни дома, ни жилища, ничего прочего». Это может выглядеть как лицемерие и приспособленчество (ведь милостыню брали от людей, зарабатывавших деньги не всегда праведными трудами), а на деле произошла резонная реакция на перемены в масштабе и сложности социальных отношений, но, повторяю, уже внутри своего, христианского, не языческого, как при начале монашества, мира.

Кстати, тому же — странствию и нищете — способствовала и практика крестоносного движения, отразившая совсем не евангельский образ жизни. По Евангелию, ведь нет ни элина, ни иудея, а война за освобождение гроба Господня как раз обратилась в конце концов в войну против народов, каковыми становились сами христиане. Во время IV крестового похода (1202-1204) войско шло через Византию и разграбило ее, приступом взяв Константинополь 12 апреля 1204 г. Роберт Кларийский рассказывает, что «с сотворения мира не было видано и не было завоевано такое количество добычи». Но, главное, христиане грабили христианские храмы и убивали своих же христиан. Подобное, мы знаем, случилось и в 1240-1242 гг. в России, когда против нее начали крестовый поход Тевтонский и Ливонский ордена.

Сергея: Тогда следует считать, что возникновение монастырей было антихристианским движением?

С.С.: Боже упаси! Может быть, вы имеете в виду, что практика иночества, отшельничества началась задолго до христианства? Это, безусловно, верно. Я не говорю о других религиях, но пример отшельничества дала секта ессеев или эссенов, о чем мы раньше немного говорили. Именно аскеты-ессеи, известные строгостью устава, уходили в пустыню и селились либо в одиночестве, либо общинами, питаясь корой и делая из нее одежду. Что же касается крестовых походов, то здесь надо различать разные цели и разные средства.

М.С.: Верно ли, как иногда говорят, что евангелия скомпилированы из пророческих книг?

С.С.: Переключки между ними, конечно, есть. Но... Безусловно, идеи пророков нашли отражение в евангелиях, но каждое евангелие самостоятельное произведение, со своей речью, интонацией, стилем... И в качестве такового произведения его никаким образом нельзя считать компиляцией. Незачем четырежды копировать одно и то же. Даже связно составленные цитаты — уже не компиляция. Здесь же речь идет о рассказе о конкретной, определенным образом задуманной и исполненной жизни Богочеловека, чего нет у пророков и быть не могло, на то они и пророки, а не евангелисты. Я думаю, что евангелия гораздо более авторские вещи, чем любое средневековое произведение: те создавали образец, эти же на него равнялись. В Средние века, в отличие от нашего времени, считалось, что чем больше ты списываешь у авторитетного человека, тем ты лучше знаешь, что есть несомненно истинное. Это считалось более достоинством, нежели недостатком, в отличие от Нового времени или нашего, где автор неприкосновенен. Вы никогда не обращали внимание, как люди отстаивают свое авторство? Недавно я прочитала вот что. Появился на телеэкране фильм «Адвокат», и через некоторое время в газете «Известия» была напечатана заметка писателя, который

сказал примерно так: «Автор сценария «Адвокат» на самом деле использовал мою книгу, которую и сделал основой сценария, не сказав обо мне, истинном авторе, ни слова. В таком случае он плагиатор». Автор книги сейчас, безусловно, прав. Но в Средние века его бы не поняли... Дмитрий Кедрин как-то написал:

У поэтов есть такой обычай:
В круг сойдясь, оплевывать друг друга.
Магомет, в Омара пальцем тыча,
Лил ушатом на беднягу ругань.
Он в сердцах порвал на нем сорочку
И визжал в лицо, от злости пьяный:
– Ты украл пятнадцатую строчку,
Низкий вор, из моего «Дивана»!

На деле у средневековых поэтов такого обычая не было. Обычай искать плагиат появился только в Новое время. В Средние века, наоборот, дословное списывание было делом почтенным: использовать чью-то строку означало, что я того человека уважаю. И Татьяне Борисовне, пеняющей вам за списывание, вы можете возразить (смеется), сославшись на этот средневековый обычай. Но... Если прочитаешь внимательно такие компилятивные сочинения, которые у нас, к сожалению, не изданы или изданы в отрывках в хрестоматиях, то легко обнаружить конкретную, индивидуальную логику их составления. Авторство окажется в этой логике, в силе сцепления цитат, в интенциях составителя. Не в словах, а в намерениях суть, т.е. как раз в том, чего мы лишаем подчас Средневековье.

Петя: Мы все очень любим отрицать теории и высказывать такой... определенный и одномерный подход. Все время указывать разрушительную роль тех или иных писателей.

С.С.: Совершенно верно. Но и к этому нельзя относиться пренебрежительно. Нужно отнестись исторически, т.е. понять, на каком месте и ради чего возникло желание все объяснить через разрушение.

Петя: Как, например, у Сталина, который при

этом прикрывался именем Маркса?

С.С.: Я думаю, вы не совсем правы. В какой-то степени он был верным его учеником, а некоторые положения даже развил. Он понял, например, силу класса, и поэтому — во избежание опасности — ликвидировал классы как таковые, смешав все группы населения, чтоб нигде не было никакой сплоченности...

Петя: И никакой силы.

С.С.: И никакой силы, соответственно. Потому-то Сталина нельзя себе представлять обыкновенным, пошлым параноиком. Это, наверное, был очень ограниченный ум, но ограниченный, так сказать, великими идеями.

Теперь все-таки вернемся к нашим баранам. Какие еще есть вопросы к Олегу?

Ира: Вот что мне кажется: Сережа задал ему вопрос о нищенствующим орденам. Но Олег притчей о Лазаре объяснил их появление.

С.С.: Вопрос был поставлен не совсем так. Его смысл был в том, *чем отличались* монастыри разных времен. А Олег притчей о богаче и Лазаре — и я считаю это очень точным — объяснил *смысл появления всех* монастырей всех времен, несколько варьируя цитаты, кроме последней, где действительно речь идет о мече.

Олег Б.: А вот интересно: Олег говорил, что тот или иной орден основан на таком-то и на таком-то высказывании из Евангелий. Ты это из книги взял? Карсавин так рассказывает или ты сам нашел? Это твое мнение?

Олег Г.: Да. Но я так считаю, что каждое движение основано на учении Христа.

С.С.: Я бы уточнила: каждое движение как бы воплощает строго определенное место в учении Христа. Это, повторяю, большое достоинство работы Олега, где он проявил полную самостоятельность, это его открытие. Он нашел эпитафии к разным этапам монашества, не менее разнящиеся, чем те

дифференции, о которых говорила я... Надо было лишь подчеркнуть эту разницу. В первом эпитафье, скажем, слова: «нет никого, кто оставил бы дом... и не получил бы... в век будущей жизни». Во втором: вслушивание в учение Моисея и пророков, в третьем: на избиение врагов. И он очень серьезно читал Библию.

И все же позвольте мне сделать несколько замечаний по докладу Олега, на которые мы еще не обратили внимания, а они существенны.

Первое. Нельзя упадок Римской империи безапелляционно связывать, как это делали позднеантичные историки (Марк Аврелий, например), средневековые или некоторые историки и философы Нового и Новейшего времени (Ренан, Ницше), только с победой христианства, как и – второе – вряд ли правомерно утверждение, что прекращение преследования христиан стимулировало бурное развитие монашества. Это существенные темы, которые надо проработать, но тем более не нужно – одной фразой – решать эту проблему. Я это сочла необходимым сказать, чтобы не возникало впечатления, будто вопросы эти снимаются так же однозначно, как их снял Олег. Возможно, в будущем году мы попытаемся в них вникнуть поглубже...

Теперь давайте послушаем Иру.

Вечер десятого дня: хозяйство салических франков

Экспозитор – Ирина Секретева

Ира: Доклад будет очень коротким, хотя там развернуться есть где. В основу моего доклада об экономических отношениях легла одна идея.

При сравнении законодательства салических франков с нашим законодательством получается такая картина: мы за какой-либо проступок или преступление несем моральное либо материальное наказание, а по

законам «Салической правды» человек, совершивший преступление, несет лишь материальное наказание. В основе всех салических законов лежит материальная сторона. Т.е. что бы человек ни совершил, убийство ли, кражу, порчу ли какую — он все равно платит деньги.

Саша К.: Не всегда.

Ира: Там упомянут один лишь случай, где виновный платит не деньгами, а своей головой: когда «отрок короля или лит увезет свободную, он отвечает своей головой». Почему? Потому что отрок короля имеет, так сказать, много денег, он может заплатить этот штраф; для него это не будет наказанием, и потому наказанием для него будет лишение жизни. Все остальное рассчитано на людей средних, хотя, конечно, градации на богатых, бедных и средних не проведено. Но, видимо, в основном «Правда» рассчитана на людей среднего достатка, потому что штраф был настолько серьезным наказанием, что и богатому человеку нелегко заплатить большое количество солидов. Если отрок короля платит собственной жизнью, т.е. несет физическое наказание, то люди средние несут материальное.

И еще есть один момент, когда человек не платит деньги, а платит своим трудом: «Кто покосит на чужом лугу, теряет свой труд». Т.е. в данном случае человек несет не материальное наказание, а трудовое. Конечно, в какой-то степени это и материальное наказание, но выражается оно не в деньгах.

Мне показалось, что это — первая часть сообщения — и есть основа всех экономических отношений.

Вторая часть — это тип зависимых людей. Самый независимый человек — это король. Все остальные, независимо от своего положения, являются зависимыми людьми, хотя и упоминается, что они люди свободные. Если кто-то, например, совершит поступок, который может задеть короля (украдет королевского быка), то он платит намного больше, чем за остальные проступки.

Король стоит здесь во главе всего бытия. За ним следуют люди королевского рода, потом просто люди

свободные, а после них самые низшие, зависимые люди — рабы. Рабов ставят наравне с конем, кобылой. Например: «Кто украдет раба, коня или кобылу — 30 сол.» Т.е. для людей, которые написали «Салическую правду», да и, судя по этому документу, для всей общины раб был — не человек. Он равен животному, не неся никакой материальной ответственности, потому что у него ничего не было. За проступки он получал физическое наказание. Кстати, тут королевский отрок и раб оказались равны. И королевский отрок несет физическое наказание, и раб несет физическое наказание за свои проступки. Раб — из-за того, что у него нет ничего. Королевский отрок — из-за того, что имеет практически все. Низшее и высшее в пределе своем совпадают.

Еще меня очень удивил раздел о ранах и об убийствах. Ты, допустим, нанес кому-то рану, обрек человека на физическое страдание, а отвечаешь за это материально. Почему? Раз ты обрек другого человека на физическое страдание, значит, ты должен страдать физически.

И еще вот что интересно в этом разделе — там, где говорится о том, что свободный может поранить или убить свободного. Здесь есть некоторая странность. Независимо от того, кто убьет свободного, свободный ли, раб ли или даже королевский отрок, то все равно прежде всего убийца несет материальное наказание. Пусть небольшое, но, мне кажется, это проявление зависимости.

Петя: В чем это выражается?

Ира: Если, например, свободный человек убил свободного, то семья убитого осталась без кормильца. Значит, если тот человек, убийца, не сможет ей выплатить штраф, он привлекается к другому наказанию. А семья остается без денег и, следовательно, в определенной зависимости от этого человека.

Петя: Но ты спутала два понятия зависимости:

одно — социальное, с чего и начала, другое (как бы это сказать) — бытовое, что ли. Это первое. И второе: почему король стоит во главе *всего бытия* — не он же сотворил мир? Я понимаю, что Коместор мог назвать Бога королем, но это не значит, что земной король — Бог, хотя его власть от Бога. Король стоит во главе государства, исполняя власть, дарованную Богом и народом, я бы так сказал.

Ира: Согласна, но мне хотелось подчеркнуть этот род человеческой зависимости, тем более что часть штрафа шла в казну.

С.С.: Ира, какие социальные типы вы обнаружили в «Салической правде»?

Ира: Король, королевский отрок, свободный, раб.

С.С.: Ну, а к примеру, можете ли вы что-нибудь сказать о колонах? Есть ли о них речь?

Ира: Нет: у меня сокращенный вариант «Правды».

Саша: Ира сказала, что человек, принесший другому человеку физическое страдание, также должен страдать физически. Но в какой-то мере материальное наказание тоже можно отнести к физическому. Кроме того, нужно учитывать положение человека в обществе. Для некоторых людей данный штраф было чрезвычайно трудно выплатить. И для того, чтобы его выплатить, нужно было много работать...

Петя: Нет, она под физическим страданием имела в виду увечье. Откуда такое убеждение, что за физическое страдание непременно надо наказывать физическим же страданием? Око за око? Ветхозаветно...

Ира: Нет, не око за око. Я имела в виду другое: если ты человека изувечишь, то сколько бы ты денег не платил, здоровья ему не вернешь. Это же тоже включается в экономические отношения. Чисто материальные...

Петя: Но мы в прошлый раз говорили, что материальное — это и твоя доблесть, твоя добродетель и прочее. Так что отдать это не просто, ибо я отдаю тебе частицу своей доблести. Здесь совсем другое понятие

денег, чем сейчас у нас. Даже больше того. Мы в прошлый раз выясняли, что даже кубышки закапывали совсем не для того, чтобы сохранить деньги для себя. А для того, чтобы в определенном месте похоронить вместе с ними и свое мужество, чтобы оно осталось в целостности и сохранности. Это спрятана некая память земли.

Ира: Но тогда почему отрок платит своей головой? У него ведь много денег, много доблести! Это как объяснить?

Олег Б.: По-моему, получается так: не такое уж это суровое наказание, когда доблесть его оставляют неприкосновенной, а самого его убивают.

С.С.: Это, мне кажется, хорошее объяснение: твоя плоть стоит меньше твоей славы, молвы о тебе, приобретенной собственной доблестью. Во-вторых, положение королевского отрока не настолько высоко, как предположила Ира: он — зависимый человек, который сравнивается с литом. Потому утверждение, что у него «много денег», не основательно. К тому же неверно и утверждение, что есть только одна статья, предусматривающая смертную казнь. Достаточно посмотреть титулы «О человекоубийстве скопищем» или «О горсти земли». Хотя замечание Олега в любом случае очень важно. И вот еще: пока что мы рассуждаем о доблести, деньгах, собственности на основании исследования А.Я.Гуревича, но как о том говорит сам источник? Не навязываем ли мы ему чужое сознание?

Ира: Я поняла, но очень тяжело судить о том, чего у нас нет — ни денег, ни доблести...

С.С.: Настолько тяжело, что «Салическая правда» — загадка по сей день.

Ира: Деньги в разные времена означали разное. Тогда, например, они означали, возможно, доблесть, а сейчас — только средство к существованию.

Олег: Я несколько не по теме хотел бы сказать. В «Салической правде» происходит как бы перестановка понятий. Закон — с этим можно согласиться —

ограничение человеческой свободы. Т.е. человек должен следовать определенным установлениям. Если он хочет, например, приобрести чужое добро, то он не может этого сделать в силу ограничивающего закона. Но, с другой стороны, закон – это и есть залог свободы человека. Потому что вообще закон – условность общины. Если человек не будет следовать этому закону, он будет вне общины, вне ее свободы. Чужак.

С.С.: Само слово «закон» в русском языке что означает? Ситуацию за коном. Что такое кон?

Олег: Игра.

С.С.: Да нет, это и есть граница, предел, поставленный свободе – воли или действий. А в латинском языке *lego* (отсюда – *lex*) означает *собираю* (урожай), поэтому закон – это отбор собранных случаев. И у меня, Ира, еще такой вопрос: почему вы решили, что хозяйственные отношения – это только отношения расплаты за преступление закона.

Ира: Ну как. Это же экономика. Она всегда с деньгами связана.

С.С.: Но... знаете... мне кажется... то, о чем вы рассказывали, это – имущественные или уголовные отношения, регулируемые правом; но там ведь сказано и о том, что именно было в хозяйстве и какие внутри него отношения? Для этого нужно посмотреть, во-первых, главу об аллоиде и проанализировать, во-вторых, а чем, собственно, была, если была, община. Я думаю, это надо бы сделать к следующему разу.

В заключение я хотела бы отметить способность Иры к тонкому этико-психологическому анализу проблемы и обращение внимания на то, что не лежит на поверхности. Например, на ситуацию денежного возмещения убийства, именно поэтому нас сейчас и взволновали не хозяйственные, а этические проблемы, тесно связанные, как полагает Ира, с хозяйственными. Кроме того, Ира предложила новое прочтение слова «зависимый». В ее изложении это слово перестает быть в упряжке со словом «социальный», а обретает новый, очень существенный смысл – я имею в виду ее разбор

ситуации с возможным убийством кормильца, в результате чего его семья, свободная и независимая по социальному статусу, может стать зависимой от убийцы материально.

Кроме того, — и мне показалось это весьма важным отметить — в докладе было подмечено сближение пределов наказания для много-имущего знатного и не-имущего раба-вещи. Высшее применение права граничит с высшим бесправием, что, кстати, прямо заимствовано из римского права: *summum ius — summa iniuria* (высшее право — высшая безнаказанность). Но все же мы не попытались обсудить поставленную проблему. Надо к ней вернуться.

И — посмотрим, что у нас получится в следующий раз.

День одиннадцатый: община или индивид?

Экспозитор Ирина Секретева

С.С.: Итак, продолжим наше предыдущее занятие. На нем Ира посвятила нас в то, как происходило имущественное возмещение за материальный ущерб, и в то, как сдвигалось понятие зависимости у салических франков. Ну, а сейчас она посвятит нас в собственно хозяйственную жизнь...

Ира: Хочу повторить, что в прошлый раз я читала только сокращенный вариант «Салической правды», — а на сей раз мне наконец-то довелось прочесть ее полностью. Возможно, именно поэтому у меня создались более полные представления о хозяйстве салических франков. В самом начале — немного об устройстве общины: главным в общине, ее правителем, был, конечно, староста. Были в ней и титулованные особы. Все люди в общине делились как бы на свободных и рабов, хотя были и некоторые исключения,

например, литы – «полусвободные люди, положение которых приближалось к положению крепостного».

Чем занимались салические франки? Из того, что я прочитала, можно сказать, что они занимались:

1) скотоводством: разводили свиней, коз, крупный рогатый скот, овец. Кроме того, кур, гусей, домашних лебедей, журавлей и голубей;

2) садоводством: сажали различные фруктовые деревья, виноград, – получаемые продукты часто потом или продавались, или обменивались на что-то. Если судить по «Салической правде», то люди не только покупали и продавали продукты, но и обменивались ими.

С.С.: А можно текстом подтвердить то, о чем вы говорите?

Ира: Конечно. Титул XXXVII «О преследовании по следам»: «Если кто потеряет вследствие кражи быка или коня, или какое-либо животное, и, идя по следам, найдет его в течение трех суток, а тот, кто ведет его (животное), заявит, что он *купил* его или получил его в обмен...», – и так далее.

С.С.: Много ли статей о купле и обмене?

Ира: Нет, но факт есть... Дальше: салические франки выращивали пшеницу, репу, бобы, горох, чечевицу; распространены у них были рыболовство и охота. Но прежде я хотела бы заметить, что земля была для них важнее тех продуктов, которые на ней выращиваются или которые она производит. Ведь вот читаем в «Салической правде»: «Если кто-то чужую землю распахал или засеял», то он должен был заплатить за это определенный штраф. Не отдать плоды своего труда, а заплатить штраф за то, что использовал чужую землю. Отсюда я и полагаю, что земля являлась для них чем-то более важным, чем продукты... Это все. А сейчас немного об общине. Хотя нет: если есть какие-нибудь вопросы о хозяйстве, я тогда...

С.С.: Может быть, удобнее полностью прочитать весь доклад, а потом будут задавать вопросы?

Ира: Хорошо...

С.С.: И заодно, раз уж прервались, скажите, пожалуйста, о каком типе общины вы говорили? Кровно-родственной? Или же соседской?

Ира: Соседской.

С.С.: И из чего это видно, если можно?

Ира: В «Салической правде» есть некоторые... сноски, скажем, в титуле LVII «О горсти земли...» К тому же между родственниками нет законов. Я бы хотела сразу заметить, что – как мы говорили об этом в прошлый раз – как деньги обозначали у франков символический смысл, так и земля. Ведь земля производит то, чем человек может питаться, может жить, – так что значение ее для салических франков было настолько велико, что ее необходимо было... как бы освятить, внести в понятие некий сакральный смысл... Я забыла кое-что сказать, хотя это важно, и потому вернусь немного назад. В общине... у салических франков было много титулов: например, граф (мне кажется, что... такой титул носил староста общины), тунгин, или центенарий, есть сотник, начальник мелкой административной единицы – сотни, титулы могли меняться. Скажем, тунгин мог стать..., его могли назначить графом, а потом и королем.

Петя: А кто мог назначить короля?

Ира: Королей... Раз это община, значит, он выбирался.

Петя: Король выбирался общиной?

Ира: Ну да.

Петя: В таком случае – это демократия, а не монархия.

С.С.: Было ли государство франков монархией, тоже требует доказательства. Наличие короля – пока не аргумент.

Нат'аша: Мне все же непонятно, как это земля важнее, чем продукт, который она производит? Ведь без продукта – для чего вообще нужна земля?

Ира: Я не знаю. Но в законе так сказано.

Нат'аша: А можно этот закон прочитать? Просто

непонятно, в чем тут дело?

Ира: Сейчас. Сейчас найду. Действительно, так и сказано, что если кто распашет чужое поле, то он платит штраф за то, что он воспользовался... чужой землей.

Наташа: Это-то ясно. Но где в законе сказано, что земля важнее, чем продукт?

Ира: Это можно вывести из предыдущего рассуждения. Ведь если бы было иначе, то забирался бы только продукт, а штрафа как такового не было бы.

Наташа: Я не знаю... Но я помню, что в «Салической правде» говорилось так, что если кто-то что-то украдет, то он должен возместить убытки плюс еще штраф (например, т. XI «О кражах или взломах, произведенных свободными»).

С.С.: Ира в данном случае сделала акцент не на стоимость, а на степень важности самого факта использования чужой земли. К тому же, если быть точными, Ира не сказала, что продукт не важен...

Наташа: Конечно, важен.

С.С.: Она лишь обратила внимание, что земля ценнее продукта...

Наташа: Может быть, дело здесь в цене на землю? Цена за землю была больше, нежели цена на продукт?

Ира: ...Вот, к примеру, можно сравнить два закона: «Если кто запашет чужое поле без позволения хозяина, присуждается к уплате 15 солидов» (т. XXVII, §24). «Если кто выкосит чужой луг, теряет свой труд» (там же, §10), — но ведь трава в этом случае возвращена сама по себе. А там вспахано чужое поле, — т.е. некто вложил свой труд и еще платить должен.

Т.Б.: В законе есть и такие статьи, когда не надо платить за что-то недозволенное, надо просто отдать продукт, как, например, в статье о луге, которую Ира прочитала.

Ира: Но ведь траву на лугу взрастил его же хозяин.

С.С.: Ира действительно затронула (почувствовала) очень важную вещь: была ли земля для франка ценнее продукта: тот съедается, продается, обменивается, а земля остается, как рука, как часть его тела? Но – Ира об этом не сказала, хотя вопрос возникает сам собой: а было ли что отдавать тому, кто вспахал или засеял чужое поле? Когда пашут или сеют?

Наташа: Весной.

С.С.: Так что же отдавать, если не деньги? Урожая еще нет. Кроме того, он и нечто другое отдает. Тот человек, который использовал чужую землю, вложил в эту землю, соответственно, какие-то удобрения – это первое. И второе: он ее вспахал.

Наташа: Значит, хозяину выгодно, когда его землю кто-то вспашет без его разрешения?

С.С.: Вряд ли, раз это вошло в судебник. Ведь неизвестно, что он хотел с этой землей делать и как он сам ее обрабатывает.

Т.Б.: В «Правде» есть моменты, тоже, как мне кажется, связанные с землей. Например, ст. о наследстве: когда прутом ударяют, горсть земли кидают... Ведь если существовал подобный ритуал, то, значит, земля имела какие-то сакральные свойства?

Ира: Да, это т. VIII «О горсти земли», где говорится о возложении на родственников штрафа за убийство, и т. 60 «О желающем отказаться от родства». Но я ведь так и говорила, что земля для них, подобно деньгам, несла в себе какой-то более глубокий смысл. И Светлана Сергеевна сейчас сказала, что она – продолжение человека или как-бы его часть тела, составляет с ним один организм. Меня удивило, что там за все приходилось платить деньгами, а не жизнью, или, как у нас, тюрьмой...

С.С.: Ну, Ира, тюрьмы там тоже были, вспомните т. XXXII (2, доб. 3): «Кто хитростью или насилием выкрадет у графа заключенного – выкупается жизнью». Я думаю, что Татьяна Борисовна как раз и подтвердила интуитивную догадку Иры, вспомнив об обычае отказа от родства и горсти земли: именно эти статьи –

свидетельство ее ценности и сакральности (у нас будет специальный доклад о ритуалах). Но я хотела бы задать вот какой вопрос. Вы говорили, Ира, что люди в общине делились на свободных, рабов, литов. Зависимыми людьми были и «отроки короля» (т. XIII, 7). Но, видимо, и свободные люди имели какие-то градации. Во-первых, свободные – это франки и галло-римляне (те, что в «Правде» называются просто римлянами), однако вергельд их и прочие штрафы разные: за убийство простого франка – 200 солидов, за римлянина – 100 (т. XLI). За то, что франк свяжет римлянина – 15 солидов, а если наоборот – 30; если франк ограбит римлянина – 35 солидов, а наоборот – 63 (т. XIV). Следовательно, франки как победители считали себя чем-то большим, чем римляне.

Олег: Но и здесь все не так просто. Римляне бывают свободными знатными (сотрапезниками короля, с вергельдом в 300 солидов, больше вергельда свободного франка) и податными – за убийство последнего вергельд составлял 63 солида.

С.С.: Свободные франки тоже были неоднородны: вергельд королевского дружинника составлял 600 солидов – как и вергельд свободной женщины. Причем вергельды увеличиваются втрое, если убийство совершается разбойничьей шайкой или войском в походе, или если трупы сбрасываются в колодцы, т.е. возникает опасность массового отравления. Но есть и просто свободные (кстати, слово *francus* означает – свободный), и некто *baso ingenuus*, свободный муж, которого закон выделяет особо. И все смешивается: франки, варвары, придерживающиеся «Салического закона», римляне. От штрафов освобождались только рабы. Вопрос же вот в чем: можно ли при всех градациях утверждать, что все эти степени свободы были внутри общины? Или все же люди жили в более широком мире? Словом, найдите в тексте подтверждение того, что все франки – общинники. Пока достоверно лишь одно, что они были – соседи, установившие между собой законы... Или – рабы:

возможно ли рабство у франков? Если да, то каковы его корни? Можно ли было сделать свободного человека рабом?

Ира: Пожалуйста. Известно, что если, скажем, свободная девушка выходила замуж за раба, то она и сама становилась рабыней и наоборот (т. XIII).

С.С.: Да, но сам-то раб, — откуда он взялся? Свободный ли каким-то образом стал рабом или раб был в том обществе, на территории которого осели франки? Ведь они поселились на территории бывшей Римской империи, где было рабство. А мог ли свободный стать рабом, помимо брака с рабом или рабыней?

Ира: В Законе о том, что свободный каким-то иным образом становился рабом, речи нет, насколько я помню. Но был такой ритуал — Татьяна Борисовна про него уже говорила, — что человек, который не мог заплатить долг, кидал землю через плечо на своих родственников, которые должны были заплатить долг вместо него.

С.С.: Но разве там речь идет о хозяйственном долге?

Ира: Нет, о пени за убийство.

С.С.: При этом должник становился рабом или нет?

Ира: Нет, об этом не сказано.

С.С.: А если родственники отказываются платить? Что тогда?

Ира: ...Ну, видимо, рабы формировались из свободных людей, потому что...

С.С.: Пожалуйста, назовите статью, где в «Салической правде» сказано, что рабом становится свободный человек? А если становится, то какой человек — член селения или иноплеменник?

Ира: Ну, вообще-то такой статьи нет...

С.С.: В том самом LVIII титуле, о котором мы говорили, сказано, что если родственники не заплатят вергельда, тогда убийца «отвечает своей жизнью».

Т.Б.: Рабом, по-моему, было бы даже удобней быть.

С.С.: Почему? Я – свободный человек. Это моя честь, – понимаете? Это мое место в мире: быть свободным. Кстати, осознать это можно, зная только, что такое быть несвободным. А франки, расселившись среди галло-римлян, это и осознали. Не случайно, записывая Закон, они так градуировали степени реальной свободы. Почему для нас очень важно сравнивать все это с Библией? По Библии, человек не свободен. Или: люди могут быть свободны только друг относительно друга, – но по отношению к Богу существует всеобщая зависимость. Любой человек – раб Божий. Эта формула вскоре появится в прекарных грамотах, пока же ее нет...

Ира: Ну, скажем, если человек, чтобы заплатить долг, продав все, попадает все же в затруднительное положение, он наверняка попадет в зависимость от... своего хозяина.

С.С.: Какой хозяин? Ни о каких хозяевах мы с вами в «Салической правде» ничего не читали. Кого там можно считать хозяином?

Ира: Ну, графа.

С.С.: Граф в то время – это должностное лицо, представлявшее короля. Поэтому, Ира, граф никоим образом не представлял, как вы говорили, общину. Он назначался королем; по одним сведениям, он заместил собою прежних выборных родовых вождей, по другим возглавлял администрацию в городских округах: следил за соблюдением мира, обеспечивал помощь вдовам и сиротам, собирал штрафы, присужденные судом. И если в «Салической правде» он выполняет распоряжения народного суда, которым добровольно не подчиняются, то в VIII в. он уже становится главой этого сотенного суда вместо тунгина или центенария. И лишь в 877 г. эта должность становится наследственным титулом. Так что титулованных особ в общине, если она была – мы пока этого не доказали, – не было. И потому вы не случайно запутались, когда сказали: «Тунгин мог стать... его могли назначить графом, а потом и

королем». Действительно, графа могли только назначить, ну, а что касается того, что он мог стать по назначению (кстати, чьему?) королем, то этого в «Правде» вычитать нельзя. Королями к тому времени становились преимущественно по наследству, соблюдая, однако, процедуру выборов. Поэтому утверждение, что «король выбирался общиной» — это домысел, основанный к тому же на ложном умозаключении, что «раз это община», что не доказано, «значит, он выбирался». Тунгина «могли назначить графом или королем» — тоже домысел. Потому, мне кажется, не стоит, раз трудно сориентироваться в этом вопросе по «Салической правде» и еще труднее достать Фюстеля де Куланжа, пренебрегать учебником для вузов по истории средних веков: он ведь основан на истории социально-экономических и политических отношений.

Что касается хозяев... Мы не должны забывать, что речь идет о VI в., когда Хлодвиг вел бесконечные войны — и с готами, и с алеманнами, и с рипуарскими франками, и с собственными братьями — опять же здесь нам великий помощник Григорий Турский, один из необходимых для нас источников, — так что все время шел раздел и передел земли, и ее обитатели могли стать зависимыми... Но точнее говорить не «хозяин», так как в русском языке это слово применимо и к земле, и к отношению к вещи, и к власти над ней, а «господин», потому что «господин» предполагает власть над другими. К примеру, лит — кто это такой?

Ира: Лит? Сейчас я прочитаю: «Это полусвободный человек, положение которого приближалось к положению будущего крепостного».

С.С.: Это примечание проф. В.Ф.Семенова. Но... крепостного ли?

Саша К.: Крепостной — это раб.

С.С.: Крепостной — это совсем не раб.

Саша: Жизнь раба принадлежит его хозяину, а крепостного нет.

С.С.: Но я имела в виду другое: о правомерности приложения понятия «крепостной» к

западноевропейскому сельскому жителю — виллану. Наш крепостной был практически рабом, в Западной же Европе даже когда оформились различные формы зависимости (серважа): личная, поземельная и судебная (VIII - XII вв.), то три формы зависимости вместе были редки, — чаще всего была одна-две: поземельная и юридическая, либо юридическая и личная, либо личная и поземельная. Свободные вилланы были всегда. Поэтому, я думаю, надо это примечание, которое говорит о лите как будущем крепостном, примечание историка, работавшего в определенной системе представлений, когда историю рассматривали в виде закономерной смены формаций (знаете, что это такое? — Хором! Да!), с закрепленными социальными ролями, рассмотреть не как достоверный факт, а как предположительный и представить, на основании источника и только его, кем этот лит был в VI в.

Ира: Но разве здесь сказано, что лит принадлежит общине салических франков? Почему бы не предположить, что лит — наследство Римской империи? К тому же на основании этого титула нельзя полагать, что проф. В.Ф.Семенов прав: пока речь идет о некоем зависимом человеке галло-римского (скорее всего) общества.

С.С.: Что еще можно сказать об общине? Если судить по тому, что сказала Ира, община эта непременно включала в себя и кровно-родственную систему. В чем же, собственно, заключалось соседство? Быть может, кровное родство просто перестало быть определяющим и родственники рассматриваются в качестве соседей? Ира права, когда сказала, что в ситуации обмена, купли-продажи, родство отошло на второй план. Однако разве обычай — не закон? Не случайно же одно из прав называется обычным... К тому же разве нет закона рода? Представьте себе вашу семью — будете ли вы соблюдать в ней этот закон, если вам надо будет кого-то, неправого, спасти от кого-то правого. Скажем, выгоридить ребенка, разбившего окно. Как поведут себя родственники? Это совсем не просто,

и совсем не шуточно. Ведь не случайно современный закон освобождает родственников от ответственности за дачу ложных показаний. То есть в нем предусматривается, что они как бы имеют право дать ложные показания во спасение своего кровника. Иначе семья просто бы развалилась. Так вот означает ли, что, став соседской, община, повторяю, если она есть, отменяет кровно-родственный закон? Тогда почему на родственников надо кидать горсть земли, желая, чтобы они заплатили вергельд? Почему не на соседей?

Ира: Да, но закон — это обязанность, которую человек должен выполнить независимо от воли или желания родственников. Это долг чести. Может быть, соседская община не отменяет кровно-родственного закона, но предусматривает отказ от него.

С.С.: Верно, но вместе и задает новый ракурс отношений — возможность *жить отдельно*. Это, кстати, весьма созвучно тому, что Салический закон — закон прецедента, т.е. отдельного случая, который вменяется во всеобщее его исполнение. Иначе он не был бы законом. Это уже свидетельство того, что о регулировании жизни в обществе кровно-родственным законом речи здесь идти не может, хотя большинство соседей — кровники. Салический закон есть регулятор между людьми, достаточно свободными друг от друга. Есть ли еще вопросы? (Молчание) Вот, например, что такое аллод? Обратили ли вы внимание на такую статью? Кажется, Татьяна Борисовна заметила ее, говоря о наследовании?.. Нет? Тогда подведем некоторые итоги.

Ира сделала сообщение, хотя многое домысливая и разбрасываясь, на одну из важнейших тем об общине и хозяйстве франков, на тему столь важную, что ей и по сей день ученые уделяют внимание. В прошлом ею занимались такие выдающиеся историки, как Фюстель де Куланж. В XX в. — Н.П.Грацианский, А.И.Неусыхин, С.Д.Сказкин, А.Р.Корсунский. Лучшую свою, на мой взгляд, книгу «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» написал А.Я.Гуревич, в основном

оспоривший многие бытовавшие представления о феодализме и, в частности, об общине салических франков. Это первое.

Второе. Докладчик поведал нам о давно оседлом, хотя и воинственном племени, о чем свидетельствует само состояние его хозяйства: скотоводство, рыболовство, охота, бортничество, садоводство, полеводство, виноградарство, животноводство. Если первыми четырьмя видами хозяйствования могли заниматься кочевые и полукочевые племена, то вторыми четырьмя только совершенно оседлые люди, ибо виноградники и поля требуют длительного ухода.

Третье. Ира сообщила нам сегодня о соседской общине. К сожалению, она не подтвердила свои слова, как и не рассказала о характерных признаках общины. Но Наташа, Татьяна Борисовна, Петя немножко «раскачали» ее вопросами. Между тем вопрошание источника — одна из наших главных задач. Выудить из него все возможное. О соседской общине вроде бы свидетельствует и система купли-продажи и обмена, позволяющая отчуждение имущества, и наличие общего имущества. Но статья-то об обмене всего одна! И хотя самообеспечение производителя, его воспроизводство как члена общины было главной целью производства на протяжении многих лет в развитом Средневековье, все же не оно было главным (хотя и соблазнительно назвать его главной фигурой хозяйства) в Средневековье раннем. Самообеспечение, видимо, — свойство любого, даже и современного хозяйства, вопрос — в степени. Совершенно очевидно, что производители ориентируются на денежный эквивалент своих вещей (понятие вещи шире понятия продукта), выраженный в римской системе динариев и солидов, то есть они включаются в систему более широкую, чем их собственная община, в систему, оставленную бывшей Римской империей. Происходил как бы двойной процесс разрушения: на развалинах Римской империи разваливался бывший варварский мир. То, что рождалось, рождалось как нечто небывалое. Вещь,

конечно же, была тесно связана с лицом, ею владеющим, и сохраняла «верность» ему даже после продажи или дарения.

Конечно, община могла быть. Был общий на три поселка бык, за кражу которого платили почти четверть (45 солидов) причитающегося за убийство свободного (т. XXX), следовательно, были и общие пастбища; был сход — народное собрание (т. LX «О том, кто хочет выйти из родства», т. XIV). Судя по тому, что был общий бык на три селения, или виллы, можно предположить, что три поселка и есть одна компактная масса (сотня) среди лесов и полей, поделенных на обособленные участки. Эта обособленность, пожалуй, главное, что бросается в глаза в «Салической правде»: чужое поле, чужая изгородь, межа, рубеж, наследство (следовательно, его оспаривали), запоры, чужой сад, чужой виноградник, чужой лес, чужая лодка, чужой посев, подробный перечень имущества: ястреб, петух, голубь, яблоня дикая и недикая, крупный и мелкий скот, лошадь, охотничья обученная собака, свинья-вожак, годовалый поросенок, двухгодовалая свинья, поросенок-сосунок, пчелы, дом, клеть, амбар, гумно, хлев, стойло. Все это имущество, подробно описанное и обчисленное, свидетельствует о раздельности, обособленности жизни семьи или индивида. Само проявление писаного закона, регулирующего отношения между людьми, — свидетельство новых — индивидуальных — отношений между людьми.

Община была, другие документы о ней свидетельствуют, но нас сейчас интересует *этот* документ, *его* речь.

Родственные поселки размывались не только увеличением населения внутри него самого, но и появлением чужаков, о чем свидетельствует глава XLV «О приселяющихся»: «Если кто-либо захочет поселиться в чужой поселок... и хотя бы один выступит против этого, то приселяющийся дозволения не получит». Кто это пришелец? Об этом речи нет. Но не исключено, что вообще чужого роду-племени. «Если

же кто приселится и в течение 12 месяцев никто не возражал, пусть себе поживает, как остальные соседи». Здесь речь идет о мирном приселении или отказе от приселения. Но были и насильственные. В т. XIV статья 4 гласит: «Если кто-либо хочет приселиться, имея грамоту от короля и развернет ее в собрании-сходе, а кто-либо дерзнет выступить против королевского веления, — он платит 200 солидов». Однако многочисленные упоминания римлян (галло-римлян), варваров, живущих по Салическому закону, само наличие законов о рабах и литах и градациях свободы среди свободных франков свидетельствует, что перед нами не «обычное право» одного племени, а право народов, которые оказались — вследствие завоевания — под властью такого — одного — племени, где равенство членов (т. XLV «О приселяющихся»: «хотя бы один... против») готово уступить место градациям свободы. Удивительная деталь: составители «Правды» упоминают и перечисляют все сущее (для них) на земле, в воде, в лесу, на небе, но не упоминают ни земли, ни воды, ни леса, ни неба, как если бы природа и человек воспринимались заедино. Лишь однажды проговариваются — в титуле «Об аллоде», в титуле, на который никто не обратил внимания.

Но прочитаем этот LIX титул (где-то в конце Закона):

«1. Если кто умрет и не оставит детей, а мать останется, ей наследство.

2. Если матери нет, а остались брат и сестра, — им наследство.

Добавление: Если нет сестер матери, — сестры отца вступят в наследование...

5. Земля же (впервые упомянуто это слово! — С.Н.) отнюдь не переходит к женщине, но должна идти в мужские руки». Вот он, знаменитый Салический закон! Правда, вскоре его поправит «Эдикт» Хильперика, по которому земля может быть унаследована женщиной.

Но давайте подумаем, почему понадобилось вводить такой закон?

Петя: Может быть, раньше были случаи ее передачи по женской линии?..

С.С.: ...тем более, что предыдущие статьи позволяют передачу наследства в женские руки; наиболее вероятно, что это было нововведением, не слишком вначале прижившимся, если внук Хлодвига его поправил. Но — почему мы не обратили внимание на эту статью? ни один из нас?

Т.Б.: Нас не интересуют проблемы наследства — его нет.

Олег Б.: У нас давно все наследуют равно.

С.С.: Тогда тем более мы должны были обратить внимание на разницу в порядке наследования. На семантический сдвиг в наших и их отношениях к этому вопросу.

Ира: Другие проблемы интереснее...

С.С.: Какие?

Петя: Например, детализация того, что и откуда можно украсть. Может быть, вору впервые появились.

С.С.: А может быть, впервые появился индивид как свободный распорядитель своим имуществом? Может быть, потому и община ушла на такой далекий план, что мы можем только пользоваться отголосками чужих сведений о ней? Посмотрите: Ира очень точно обратила внимание на ценность земли, на изменение смысла зависимости (на прошлом уроке) и — спотыкалась в рассказе об общине. Вероятно, не в ней суть и стоило бы переименовать сообщение: не община, а индивид в «Салической правде». Кстати, он как-нибудь здесь определяется?

Олег Г.: По-моему, нет.

С.С.: А как называется в «Правде» носитель, или субъект права?

Петя: Никак. Может быть, тунгин или граф.

С.С.: Они — исполнители закона, иногда — ответчики... Как начинаются почти все статьи?

Олег Б.: «Если кто...» Вот! Этот «кто» и есть индивид. На него как бы направлен указующий перст.

С.С.: Именно. Этот «кто» и есть субъект права. А граф, тунгин, отрок, свободный – сказуемые этого «кто». Есть и еще «некто». О ком речь?

Т.Б.: Здесь еще упоминаются священники...

С.С.: Священники, религия (со своим Законом Божьим) как влияет на жизнь светского права?

Петя: Никак.

С.С.: Действительно, священники в Lex Salica выступают как высокие, но *частные* лица: вергельд епископа самый высокий – 900 солидов, но именно и только вергельд. В Законе упомянуты и языческие культы (колдуньи, чародеи – т. XIX), но упоминание священнослужителей (священника, дьякона, епископа) с градацией вергельдов (соответственно – 600, 300, 900 солидов) свидетельствует уже о силе христианства, даже если эта сила внешняя. И все же прочитав и откомментировав 3 главы «Бытия», можно ли предположить, почему священники упомянуты в «Салическом законе» как частные лица?

М.С.: Если Бог предоставил Адаму и Еве жить по своей, то есть свободной, воле, следовательно, и по своему закону.

С.С.: И мне так кажется. В самой сути христианства заложена возможность правовой, как и другой, независимости. Итак, разрушающаяся кровно-родственная связь требовала соседства, т.е. признания прав индивида, отсюда прецедентность права, индивидуальность. «Салическая правда» – не обычное право, оглядывающееся на Римский закон, а прецедентное право индивида.

Ира: Но ведь обычаи здесь тоже описываются. Помимо ритуала отказа от родства, есть ритуалы вызова на суд и др., где перечислены не только детали, но и жесты.

С.С.: Верное замечание. Но у нас один из докладов как раз об этом, давайте не будем у экспозиторов отбивать хлеб. А там посмотрим, какую роль обычаи и ритуалы играли в «Салическом законе».

День двенадцатый: обряды и ритуалы салических франков

*Экспозиторы: Ольга и Мария
Тарасенко.*

Оля: Мы делали доклад не о самих обрядах, а об отношении к ним людей. Мы пользовались при этом книгой А.Я.Гуревича «Категории средневековой культуры». Мы взяли такие понятия, как обряд, обычай, ритуал, и посмотрели в словаре, чем они отличаются друг от друга. Оказалось, что обряд – это совокупность действий, установленных обычаем или ритуалом, в которых воплощаются какие-либо религиозные представления бытовой традиции. Обычай – это традиционно установленное правило общественного поведения, а ритуал – это порядок действий. В таком случае можно представить обряд как некую игру, в которой ритуал – порядок ее действий, а обычай – ее правила. Мы заметили, что в «Салической правде» ритуал и обряд очень схожи, т.е. ритуал становится как бы самим обрядом, происходит как бы их совмещение. Все важнейшие поступки людей сопровождалось особыми процедурами. В обычае была запрограммирована жизнь каждого члена коллектива, обязанного следовать образцам: богам, предкам, старшим. Это совсем не значит, что человек был лишен собственной воли. Обычай – это та стихия, в которой пребывает общество, и вместе с тем это неотъемлемое измерение человеческого сознания. Обычаи – это то, в чем все согласны и что добровольно уважают. Он не только обязателен, но праведен и справедлив.

Следующая часть нашего сообщения посвящена отличиям записанного закона, такого, например, как «Салическая правда», от неписанных существующих обычаев. В некоторых статьях «Салической правды» записано, что люди, отдающие имущество за содеянные поступки, совершают определенные обряды. Обычаи,

включенные в документ, становились писаными законами. Но все-таки записанный обычай, т.е. закон, и обычай неписанный отличались и имели у людей различную нагрузку. Нередко в законах фиксировались обычаи, практически утратившие свою силу. Однако уважение к старине, вера в святость диктовали необходимость записи и этих положений.

Второе отличие заключалось в том, что средневековое общество в значительной мере оставалось бесписьменным, и для него писанные законы не имели большого смысла, поэтому люди руководствовались не этими законами, а памятью о том, как в подобных случаях поступали предки.

Третье отличие: закон, будучи записанным, оставался неизменным и приобретал независимое бытие, т.е. отчуждался от своего творца. И с одной стороны, люди не могли изменить этот закон, а с другой стороны, они должны были ему подчиниться. Между тем незаписанные обычаи изменялись. В обрядах, записанных в «Салической правде», определенную роль играют самые разнообразные предметы: меч, копье, палка, щит. Кроме своей прямой функции, они имели функцию символов. Например, в титуле «О передаче имущества» сказано: «Тунгины или центенарии пусть назначат судебное собрание, и на этом собрании должны иметь при себе щит, и 3 человека должны предъявить 3 иска». Обратим внимание на строчку, где сказано, что тунгин, или центенарий, должен иметь при себе щит. Поскольку здесь это записано, то получится, что если он не принесет щит, то он перестанет выполнять свою роль, роль тунгина, он станет просто рядовым свидетелем. Т.е. щит нес определенный смысл. «Затем пусть отыщут человека, который приходится завещателю родственником, которому он завещает. Он пусть бросит в полу стебель». Этот стебель олицетворяет собою имущество.

А вот еще глава. Она называется: «О горсти земли». «Если кто лишит жизни человека и, отдавши

все имущество, не будет в состоянии платить по закону, он должен представить 12 присяжников, которые клянутся в том, что ни на земле, ни под землей тот не имеет имущества, кроме того, что он уже отдал, и потом он должен войти в дом, собрать горсть земли из 4 углов дома, встать на пороге, оборотившись лицом внутрь дома и эту землю левой рукой бросать через плечо на того, кого он считает самым близким родственником». Тут возникает вопрос, почему он бросает именно землю? Кажется, здесь земля как бы обозначает родственную связь. Когда человек бросает землю, пусть даже не на родственника, то он тем самым как бы напоминает об объединяющей связи людей, т.е. о том, что все люди – родственники.

И еще один обряд: «О желающем. отказаться от родства» (т. XL). «Он должен явиться в судебное заседание перед лицом тунгина и там разломать над своею головой 3 ветки, мерою в локоть. И он должен на судебном заседании разбросать их в четыре угла и сказать там, что он отказывается от соприсяжничества, от наследства...» Что значит сломать три ветки над головой? 3 – это символ Троицы: франки становились христианами, но и в языческих религиях 3 – священное число. Еще важно то, что человек эти ветки ломает у себя над головой. Каждая часть тела соответствовала части Вселенной. Голова соответствовала небесам. Мне кажется, совершая этот обряд, человек тем самым возвещает Богу или богам о тех действиях, на которые этот обряд указывает. Человек очищается им перед Богом, указывая этим свою невинность, ибо, если человек виновен, то он вряд ли будет совершать очищающий обряд. Этим же можно объяснить присутствие короля при некоторых обрядах. Король – это лучший из лучших, т.е. больше всех людей приближен к Богу.

Это все.

С.С.: Спасибо, Оля. Какие будут вопросы?

Оля: Впрочем, у меня еще есть немного. Чем богаче человек, тем он больше приближен к Богу, чем

беднее, тем он более низок.

Петя: У меня несколько вопросов. Мы читали Библию, а в ней написано: «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому – в царствие небесное». Потому я и хочу спросить: как согласуется эта евангельская фраза с твоим утверждением, что, чем богаче человек, тем он доблестнее, обладает большим достоинством, тем он выше по природе и даже к Богу?

Саша К.: Мне кажется, что к этому моменту идеи христианства полностью не овладели салическими франками, у них есть церковь христианская, но наряду с ней существуют языческие обычаи. Т.е. франки отступали (не зная о них) от христианских законов и больше пользовались своими, языческими, традициями.

С.С.: Очень толково.

Олег Б.: Здесь, может быть, происходит обратная связь. Подразумевается, что, поскольку богатому человеку трудно расстаться с богатством, то ему трудно следовать христианским традициям. А может, тут даже подразумевается то, что у богатого человека больше шансов быть добродетельным, т.е. он может отказаться от богатства и следовать за Христом, и его отказ будет казаться выше простой веры бедняка, т.к. бедняк не пожертвовал ничем, а богатый, бывший на вершине богатства и славы, пожертвовал всем земным ради веры.

С.С.: Т.е. показал, что он не привязан к богатству, которое является для него единственной возможностью явить свою веру. Ну, а все-таки, как вы это согласуете с библейской фразой?

Саша К.: Может быть, в ней имеется в виду не просто богатый, а тот, кто умер богатым?

С.С.: Т.е. вы с Олегом считаете, что здесь речь идет не столько о богатстве как таковом, сколько о возможности расстаться с ним.

Олег Б.: О том, что возможность богатого быть добродетельным гораздо больше, чем возможность бедняка быть добродетельным, поскольку у богатого соблазна быть недобродетельным больше.

С.С.: И это ваше замечание не исключает Сашиного насчет того, что примерно к XI в. христианство в Европе овладело душами людей, до этого времени оно в массе имело формальный характер.

Олег Б.: «Салическая правда» как раз и служит доказательством того, что христианство там — формально, т.е. ее жанр — «обычный» жанр.

Наташа: Но разве — мы раньше об этом говорили — Бог судит по делам, а не по намерениям? Тогда не богатство или бедность значимы, а именно *желания* быть добродетельным или злодеем. В этом случае как богатый может быть праведным, так и бедный порочным.

С.С.: Мне очень понравилось это замечание Наташи, тем более что в «Салической правде» есть специальные главы не столько о преступлениях, сколько о намерениях людей совершать определенный поступок. Сама фиксация намерения была весьма существенной для средневековой морали. В «Этике» Абельяра понятию «намерение» уделено огромное место, ибо именно оно определяет грех. Не поступок греховен, но намерение его совершить и согласие души с этим намерением. Потому фиксация намерения в «Салической правде» носит вместе с тем предупредительный, поучительный, примерный характер.

Т.Б.: А помыслить о чем-то — это разве не грех?

С.С.: Мы не вольны в нашей мысли, или скорее: мы вольны в любой нашей мысли, поскольку созданы по образу, т.е. по разуму Бога. Поэтому мы вольны мыслить все, что угодно, но, следовательно, ответственны за нашу волю.

Т.Б.: А почему указано в Библии, что в Книгу жизни записаны те, которые еще не родились, те же, кто записан в Книгу жизни, не записан в Книгу дьявола. И наоборот: кто не записан в Книге жизни, записан в Книге дьявола? А как же — свобода?

С.С.: Татьяна Борисовна, давайте эту проблему поставим в вашем докладе в следующий раз. Тем более

Петя сегодня нам сказал, что как только мера исполнится, наступает конец разумению. Мы ведь действительно все время пытаемся осмыслить эту парадоксальность: с одной стороны, предопределенность, с другой – свобода воли; с одной стороны – человек, раб Божий, с другой – свободно действующий субъект.

Т.Б.: Тогда у меня еще один вопрос. Чем больше читаешь Библию, тем больше приходит в голову мысль об ограниченности этой свободы. «Благословляющий тебя благословен, проклинаящий проклят». Наверное, нет на земле такого человека, который бы ни разу не проклял и не благословил. Это первое, а во-вторых, в самой последней книге Нового Завета и речи нет о выборе, а только об однозначной предопределенности. «И сказал было ей, чтобы она не делала вреда траве земной и никакой зелени, а только людям, которые не имеют печали божией на челах своих».

С.С.: И все же вы, Татьяна Борисовна, все время ссылаетесь не на Библию в целом, *в разном*, а *только* на Апокалипсис, Откровение, т.е. мгновенное видение мира... В том-то и вопрос: человек – раб, он низок и греховен и – образ Божий. У Августина в «Исповеди» эти полюса обозначены недвусмысленно: «Славословить Тебя хочет человек, который... носит с собой свидетельство греха своего... И все-таки (я подчеркиваю. – *С.Н.*) славословить Тебя хочет человек», *частица созданий* Божеских, но такая, которая вмещает Его целиком.

Петя: Но у меня еще вопрос: если для франков, как сказала Оля, писанные законы мало что значили, то зачем их писать? Может быть, мера скоро исполнилась и наступал конец?

Оля: Конечно, скорее обычаи утрачивали в новой ситуации смысл и забывались, слипались ритуал и обряд, и их нужно было спасать от забвения, записать и строго соблюдать в определенных случаях, чтобы освежить стариной происходящее. И когда я говорила о стихийности обычаев и об обычае как правиле, я хотела

отметить двойственность их существования в данный момент времени.

С.С.: Вот-вот. Сугубо «конкретная – как писал Арон Яковлевич, – предметно-наглядная форма с изображением деталей, выражений, жестов, которые должны были сопровождать судебную процедуру», добавим – ритуалов («Об отказе от родства», «О горсти земли»), свидетельствует о том, что *новое содержание* облекалось в старые формы, гораздо более живучие.

Кстати, запрет называть человека волком или зайцем свидетельствует о тесной связи с анималистскими верованиями. По такого рода запретам и сохранившимся ритуалам можно судить о прошлом франков. Но сам их закон (Салический записанный закон) перспективен и отражает не традиционализм, а текучесть и изменчивость нового уклада. Старые ритуальные формы – это возможность сохранения племени как единства при глобальной уступке, я хочу это подчеркнуть, индивидуальному и субъектному моменту. Сама запись «Правд» свидетельствовала не только о традиционности, сколько о конце традиции, в этом и Оля, и Петя, на мой взгляд, правы, ибо *конкретность и казус в памяти не удержатъ – удержатъ можно только повторяющееся*. Эта-то фиксация и придала судебнику внешне завершенный вид, а не удерживание традиции. Повторю: внешне завершенный, особенно если учесть, что «Правда» была оформлена двумя прологами (VIII в.) и двумя эпилогами (начало VII в.). Внутренне, по сути (прецедентности), она завершена быть не могла и действительно дополнялась различными капитуляриями и эдиктами. Когда в 727, по-видимому, году «Салическая правда» была снабжена вторым прологом, это был конец эпохи индивидуального права и начало феодального, включающего его в себя.

День тринадцатый: числа и их значения в «Салической правде» и в Библии

Экспозитор Татьяна Борисовна Михайлова

Т.Б.: Когда я готовила свой доклад, то разделила *См.: Салическая правда, с. 86.* его для себя на несколько частей. Первая: экскурс в тему числовых символов с попыткой понять, что значат числа и какова их история. Затем, собственно значение чисел в Библии и в «Салической правде» и, третье, – отражение (использование) этих числовых значений в некоторых литературных произведениях, способ использования тем или иным автором магических чисел в своих текстах.

Прежде всего я хочу напомнить, что само понятие числа со всеми его, в том числе сакральными, значениями уходит в глубокую древность. У пифагорейцев (VI в. до н.э.) число являлось центральным понятием в их космологических построениях, понималось как божественное начало в мире, принцип всех вещей: природы, музыки, философии, власти, даже самой души. Отсюда и вера в особый смысл числа и числовых отношений. Была выработана особая символика чисел. Пифагорейцы наиболее почитали число 10 как символ совершенства; число 5 – как обозначение брачного союза и 7 – об этом числе я буду говорить сегодня очень много – как знак универсального мироправящего начала. В связи с этим у меня возник вопрос: как же было в самом начале? – как возник тот или иной смысл числа? Само ли число подсказало «чтойность» вещи или вещь нашла свое число? Это для меня остается загадкой. Я бы отметила, что число как понятие имеет несколько смыслов: символический, мистический, магический,

См.: Фрагменты ранних греческих философов. М., 1988, с.495.

математический, геометрический, генетический, сущностный и др. (Кстати, особое значение пифагорейцы уделяли идее начала. Они считали — это можно

прочитать у Ямвлиха, — что надо обладать незаурядным умом, чтобы, рассмотрев части дисциплины, понять и верно определить, какая из них — начало. Если начало определено неверно, то все здание науки рискует оказаться неверным, ибо если не понять истинное начало, не будет верным ни одно из выводимых из него следствий.)

Надо сразу заметить, что смысл каждого конкретного числа не сводится к одному-единственному значению. Можно провести аналогию с буквами. Скажем, буква «О» — обозначает разные звуки. В слове «молоко» она читается как «а», и как «о», и как неопределенное «Ѧ». То же самое с числом. Оно представляет сложную многоплановую, многогранную структуру, и содержание каждого числа в каждом отдельном случае может быть выражено в различных значениях.

Итак, повторяю: число обожествляли, наделяли его магическими свойствами, и число играло исключительно важную роль в ритуальных и культовых отправлениях, в фольклоре, в древних и современных литературных текстах. Системы священных чисел, которые сложились в древнегреческих, древнееврейских и других культурах, были частью усвоены, частью переосмыслены в учении христиан. Вера в таинственный, символический смысл числа была присуща одинаково как католическому Западу, так и православному Востоку, играя фундаментальную и прикладную роль. Особенную роль в Средневековье играли представления о числе у Августина.

Августин в ряде трактатов (о музыке, о порядке и др.) рассматривает число в качестве общего закона, который лежит в основе бытия.

Число 3, по Августину, — это полное, совершенное

число, это число Божественной Троицы. По образу Троицы устроено и число души. Каждый человек сотворен по образу и подобию Божьему, одновременно и Отца, и Сына, и Духа Святого, то есть троичность в нем заложена. Тройка есть символ всего духовного: в Библии 3 годовых праздника, завещанных Моисеем; Христос говорил о трехдневном воздвижении нерукотворного Храма; Воскресение Христа на третий день; троекратное отречение апостола Петра и т.д.

Число 7 — это число человеческое, означающее гармоническое отношение человека к миру. Отсюда 7 отверстий в человеческой голове, 7 возрастов, 7 добродетелей, 7 смертных грехов. Также число 7 обозначает «чувственное выражение всеобщего порядка». Отсюда 7 цветов радуги и 7 нот в гамме, 7 небесных сфер и 7 дней недели, 7 светил. Это знак всеобщего восхождения к познанию божественной тайны. 7 таинств, 7 ступеней премудрости, наконец, 7 чудес света и дней творения. Я, кстати, заметила, что число 7 в Библии особенно часто употребляется вместе с понятием света (семисвечники, светильники, лампы) и с понятием предела (в сказках с этим понятием связано число 3).

Число 5 несколько не уступает по значимости семерке. В Средневековье оно воспроизводится как знак мистического единения земной церкви со Спасителем. В Библии это евангелическая легенда о 5 хлебах, насытивших 5 тысяч человек, притчи о 5 премудростях и о рабе, умножившем 5 данных ему таланов на 5 других, ритуал о благословении 5 хлебов; существует храм о 5 главах и иконостас в 5 рядов. Не исключено, что значение числа 5 возникло от соединения значений четного числа 2 и нечетного 3, хотя проследить все контексты и изменения чисел от Пифагора вплоть до наших дней трудно, и может быть, нужно вести исследование в обратном порядке (от наших дней до пифагорейцев).

Здесь мне хотелось бы сделать маленькое отступление. Я сейчас держу в руках эссе Бориса

Гаспарова «Из наблюдений над мотивной структурой романа Булгакова «Мастер и Маргарита», там есть место, где говорится об использовании числа 5: «Вернемся еще раз, — пишет Б.М.Гаспаров, — к дому 302 бис. Обнаруженная здесь анаграмма делает в свою очередь неслучайным тот факт, что сумма цифр в числе 302 образует пятерку и такой же итог дает номер 50: если помните, она представлена как «нехорошая квартира», где разворачиваются основные события. Пять — магическое число, и в этом качестве оно используется в структуре романа.

В первой сцене упоминаются доказательства бытия Божьего, которых, как известно, существует ровно пять. Действие в Москве разворачивается в мае — пятый месяц — в канун еврейской пасхи. Ровно 14 числа, снова в сумме цифр получается число 5,

*Борис М.Гаспаров.
Из наблюдений над
мотивной структу-
рой романа М.А.Бул-
гакова «Мастер и
Маргарита» —
Даугава, 1988, №10,
11, 12; 1989, №1.*

происходит действие в романе. В первый вечер пасхи над храмом Ершалоимским горят два гигантских пятисвечия, и в ту же ночь, в субботу, в ночь бала у Воланда горят лампы в 10 кабинетах в одном из московских учреждений. Кстати, номер комнаты

Мастера в клинике — 118, что в сумме дает 10. Наконец, Пилат, пятый прокуратор Иудеи, не случайно также представлен в романе в качестве сына короля звездочета. Таким образом, в номере 302 бис обе части криптограммированы, взаимоподдерживая друг друга, в этом качестве утверждая общемагический тонус, который хорошо согласуется с идеей Фауста, черной магии и так далее...» Кстати, кодированные числовые отношения также есть в «Фаусте» или в «Пиковой даме» — мы довольно много говорили на уроках литературы о том, что в ее сюжете ключевую функцию выполняет мотив трех карт: тройки, семерки, туза, — в сумме они составляют двадцать одно, — то есть очко. А надо помнить, что сакральными свойствами обладали не

только эти числа, но и кратные им или сумме их составляющих. Число 302, к примеру, при сложении цифр дает пятерку, значит, оно имеет некое магическое свойство 5. Двадцать один (очко) символизировало фатальную удачу! В тексте много и других «числовых напоминаний»: Германн хочет «утроить – усемерить» свой капитал; в гостиную входят три девушки и камердинер; три встречи Германна с графиней и т.д.

Но вернемся к нашему сюжету. Я хочу напомнить, что существовала еще и сакральная математика, где числа и геометрические фигуры были взаимосвязаны. Но сфера, круг, квадрат – это не достоинства одной только математики, ибо в них выражалась вся мировая гармония. От Августина шло понимание числа как мысли Бога, и потому значение чисел вело к познанию Вселенной. В славянской азбуке каждая буква имела свое число, и каждое слово состояло из суммы этих чисел, причем в строго определенных сочетаниях. Сумма значений согласных, следовательно, определенным образом должна была соотноситься с суммой значений гласных.

Я понятно сказала? Это удивительная вещь. Как это понять? Как это осмыслить? Что первичнее: смысл, или значение, или число само по себе? А с другой стороны: разве закономерность не может быть гармоничной? То есть: значение ли породило закономерность, или закономерность породила значение? (Я хочу сказать, что, пытаясь разгадать священные числа, я только больше запутываюсь в них, ибо многое действительно стало понятнее, но – и еще загадочнее.) Наиболее известный пример средневекового понимания числа – это «Божественная комедия» Данте, которая построена на числах 3, 9 и 33. В них выявляется некий божественный ритм, которому повинуются Вселенная.

Вернемся, однако, к толкованию чисел, основанному главным образом на книге А.Я.Гуревича «Категории средневековой культуры».

Число 4. Это число – символ четырех пророков и четырех евангелистов (ср. с пифагорейским: душа состоит из четверки); вместе с тем 4 было и числом мировых элементов (земля, вода, огонь, воздух), то есть символом материального мира. Если 3 и 4 сложить, т.е. сложить божественное число 3 и материальное число 4, то в сумме это даст число человека – 7. С этим можно

См.: Д.С.Лихачев. Великий путь.

соотнести библейское: «Бог создал человека из праха земного (число 4. – Т.М.), но по образу и подобию своему (число 3. – Т.М.). Три,

умноженное на четыре, означало в мистическом смысле проникновение духа в материю, т.е. возведение миру истин веры, установление всеобщей Церкви. Потому это число не случайно символизировало 12 апостолов. 3 плюс 4 – это человеческое число двух природ, духовной и телесной, вместе с тем семерка – напомним: семь таинств, семь смертных грехов – выражает гармонию человеческого существа и гармонию Вселенной. Совершенным числом считается также число 28, ибо оно есть результат умножения двух совершенных чисел – 4 и 7, тем самым выражая соединение жизни земной с жизнью вечной. Многие сочинения средневековых авторов делились на 7 глав, что можно соотнести с 7 днями творения. (Я могу снова сослаться на «Пиковую даму» и «Преступление и наказание». Эти два произведения, я считаю, тесно связаны друг с другом.)

Теперь я перейду к нашим основным источникам: к Библии и «Салической правде». Начну с «Салической правды». Семерка (число, означающее гармоническое отношение человека к миру) в «Салической правде» встречается, как мне кажется, только в контексте, неявно. Что это значит? Чаще всего употребляемые там числа – это 35 и 15. Конечно же, 35, 21, 15, кратные тройке, или пятерке, или (первые два) семерке, должны иметь какие-то сакральные свойства.

В самом чередовании штрафов в «Салической правде» есть какая-то закономерность. Вот, например, вергельд за убийство: 600, 1800, 300, 900 солидов.

Почти все они кратны тройке, 200 – пятерке, и так далее. Число же 12 оговаривается только в ситуациях, т.е. когда нужно, например, «выставить 12 соприсяжников» в суде или когда речь идет о приселенцах: «если кто поселится, и в течение 12 месяцев никто не возражает, – пусть себе поживает, как и остальные соседи». Ни разу в определении размера штрафов число 12 не употреблялось. Но оно всегда употребляется при определении *условий* осуществления какого-либо дела. Практически, нет ни одной главы, где не было бы чисел 35, 15, 63. А число 3 повторяется при определении и размере штрафа, и условий. Например, «если бык общий на три поселка, то тот, кто украдет, платит втрое». Или: «если кто ударит кого по голове так, что выпадут три кости...»

Мы на одном из занятий задались вопросом: что будет, если выпадут не 3, а 4 кости? И решили, что здесь дело в прецеденте. А сейчас я думаю, что дело не только в прецеденте, а именно в священном числе 3. «Если свободный ударит свободного палкой, а кровь не пойдет, то до трех ударов за каждый по три солида». «Кто кулаком другого ударит трижды – 9 солидов». Кстати, тут же всегда уточняется, что за каждый удар – по 3 солида.

Тройка упоминается в очень многих статьях: «Тот, кто перерубит 3 прута, тех, которыми изгородь связана наверху и которыми она поддерживается, или кто унесет или вырвет 3 кола», «кто украдет курицу или петуха – 3 солида, ястреба с места – 15 солидов, а ястреба из-под запора – 45 солидов». Сумма возрастает в зависимости от сложности преступления. «Если кто сломает или оберет недикую яблоню во дворе или на крае двора – 3 солида, а если она в саду – 15 солидов». «Кто тронет чужую лодку, не спрося хозяина, и на ней переправится – 3 солида, кто украдет и саму лодку – 15 солидов, а кто украдет лодку из-под запора – 35 солидов».

Когда употреблялось число 7? Вот пример: «Если на пиру было пятеро и кто-то из них убит, то

оставшиеся должны или выдать виновника или все ответить за смерть убитого. Этот закон соблюдается и в том случае, когда в собрании будет 7 человек» (т. XIX §3). А что же в том случае, если их было не 7, а 8 или кто-то из них убит, этот закон уже не действует? Скорее всего, 7 устанавливает некий предел.

Что касается чисел 15 и 35, то я уже говорила, что в системах священных чисел сакральными свойствами обладали не только те или иные исходные числа, обычно однозначные, но и те, которые от них производны или находятся с ними в каких-то отношениях, скажем, кратности... Особенно пристального внимания в данном случае заслуживает число 15. Во-первых, оно имело отношение к хронологии. В Библии, кстати, постоянно встречается: «И в пятнадцатый день сего месяца праздник... Семь дней должно есть опресноки». Из 15 лет состоял так называемый индикт – период исчисления времени, который был введен в 312 г. римским императором Константином Великим вместо счета по языческим олимпиадам. Счет по индикту использовали и византийские историки. Во-вторых, число 15 стоит в непосредственной связи с культом Богородицы, потому что Дева Мария родила Иисуса Христа в 15 лет. В-третьих, оно регулярно возникает в «Салической правде». Несколько слов о жанре «Правды». Я заметила в некоторых местах Библии и «Салической правды» общую интонацию. Для сравнения я могу прочитать отрывок, а вы скажете, из Библии он или же из «Салической правды»? «Если кто ударит кого из руки камнем, от которого можно умереть, так что тот умрет, то он убийца, убийцу же должно предать смерти».

Петя: Из Библии.

Сергей: Из Библии.

Т.Б.: Да, но по своеобразному новеллистичному построению и интонации они очень похожи.

Петя: К тому же оба – законы. Только один – закон Божий, а другой – закон человеческий.

Т.Б.: Да. Может быть... Теперь перейдем к числам

в Библии. Я буду говорить не о магических их свойствах, а... я даже не знаю, как их правильно назвать, но... о других. В конце, может быть, сформулирую. На что я обратила внимание? Во-первых, все числа имеют определенную связь с родом. Одна из фраз в Библии такова: «Господь долготерпелив и многомилостив, прощающий беззаконие и преступление и не оставляющий без наказания, но наказывающий беззаконие отцов в детях до трех и более родов». Осмыслить все это было очень сложно, потому эта часть будет у меня, наверное, особенно сумбурной, но все-таки попробую.

Итак, «...до трех и более родов». Если провести параллель с Апокалипсисом, то можно вспомнить, что существует некая Божья печать. Господь как бы выделяет некоторое число людей, которые, с одной стороны, спасутся, а с другой стороны, они же записаны в Книге Жизни еще до того, как появились на свет. Что я имею в виду? Если взять, к примеру, род Гада, который состоял из множества людей, то только двенадцать тысяч из них носят на себе печать Божью, о чем, кстати, мы узнаем в конце Библии — Апокалипсисе. Но они эту печать получили еще до рождения! Но... Как же так? Вроде бы человек сам выбирает между светом и тьмой, наделен свободой воли, а получается, что он уже и определен!?

Второе. Вот отрывок из Книги Чисел: «И было сынов Рувима, первенца Израилева, по родам их, по племенам их, по семействам их, по числу имен, поголовно, всех мужеского пола (мужеского пола! Значит, род ведется по мужскому полу. — *Т.Л.*) от двадцати лет и выше, всех годных для войны, исчислено в колене Рувимове сорок шесть тысяч пятьсот». Короче, здесь имеется, включая Рувима, всего двенадцать родов. И дается точное количество людей. Удивительно! Род велся от Адама — и это все записывалось, — а мы и своих прабабушек не знаем! Здесь же в этих перечнях заложен определенный смысл. Отсюда такое впечатление, что *это все правда*. Ну, как можно

придумать такие числа?

Третье. После количественного перечня этих родов в Книге Чисел, т.е. в начале Библии, все эти роды упоминаются и в самом ее конце, Апокалипсисе, где сказано, что от них останется: «запечатленных было ровно 144000 из всех колен (это двенадцать родов, умноженных на двенадцать тысяч спасенных. — Т.М.). Из колен Иудиных — двенадцать тысяч, из колен Гадовых — двенадцать тысяч» и так далее. Т.е. от каждого рода осталось по двенадцать тысяч. Двенадцать родов по двенадцать тысяч. Почему? Вот вопрос. С этим, правда, у меня связано одно наблюдение. Есть и еще, касающееся момента, когда Бог обращает внимание на первородное. Поскольку Аарон обязан был наблюдать за возношениями Богу, то ему прямо было дано наизидание, что только «первенец из людей должен быть выкуплен и первородного чистого должна быть выкуплена. А выкуп за них, начиная от одного месяца по оценке твоей бери выкуп пять сиклей серебра... Но за первородного из волов, за первородного из овец и за первородный скот не бери выкупа — они святы». Я, правда, не знаю, как здесь правильно поставить ударение: «первородная из овец» или «первородная из овец»? Что он тут имеет в виду?

С.С.: Не исключено — «первородную из овец».

Т.Б.: Да?

С.С.: И идет перечисление каждого первородного.

Т.Б.: Но тогда можно бы их перечислить и не связывать с выкупом. Именно за первородное не берут выкупа. Вот, мне кажется, что тут подчеркивается другое слово... А сейчас я хочу обратиться к «Откровению Иоанна Богослова», то есть к Апокалипсису. Здесь постоянно упоминается число семь: 7 печатей, 7 ангелов, 7 труб, 7 персонажей, 7 чаш, 7 приговоров, 7 новых явлений... и т.д. «Семь печатей», например. «И видел я, что агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем

всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный и чтобы победить. И когда он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. И когда он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай. И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли». (Кстати, эта фраза: «четвертая часть земли» здесь часть упоминается, — интересно...)

Петя: «Четвертая часть земли» — это суша, земля, — один из четырех элементов.

Т.Б.: Смерти дана власть над четвертой частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и зверями земными. Если речь шла о суше, то никого б не осталось... Ну, дальше: и дана ему власть «умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными. И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» А сейчас будет очень важное: «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число», т.е. мера для конца мира. Число, которое должно быть соблюдено! Как только оно исполнится, все роды погибнут и останется только по двенадцать тысяч из каждого. Я прочитаю дальше: «И после сего

видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево. И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого». Тут Иоанн услышал то самое «число запечатленных»... Но что это такое? Это те из родов, которые вошли в Книгу Жизни, то есть по двенадцать тысяч от каждого рода, всего сто сорок четыре тысячи. «Из колена Иудея запечатлено двенадцать тысяч, из колена Рувимова запечатлено двенадцать тысяч» и так далее.

Итак, в конце Библии – в Новом завете говорится о том, что предвещалось в начале – в Ветхом завете. Причем здесь есть очень интересный момент, – и я хочу, чтобы вы это хорошо поняли. Это очень странный момент. Семерка употребляется здесь так: «семь печатей» или «семь чаш с гневом Божиим». Одна печать сорвана – война. Вторая – голод. Следующая – смерть. А вот когда срывалась седьмая печать или когда расплескивалась седьмая чаша наступал некий предел. Когда расплескивалась первая чаша – жестокие раны, расплескивалась вторая – умерло все одушевленное в море, третья – все источники превратились в кровь, и только после седьмой чаши произошла катастрофа. Это пророчество Иоанна Богослова – о преобразении земного царства в Царство Божие. Кстати, в Апокалипсисе написано, что тысячу лет после рождения Христова будет мир, а в двухтысячном году придет Антихрист – Зверь, Сатана, у которого было четыре имени.

Петя: А какие четыре имени Сатаны?

С.С.: Борис Николаевич, Николай Иванович...

Все: Ха-ха-ха.

С.С.: Это шутка. Но речь – об апокалиптическом настроении, обычном, в конце тысячелетия. Думаю, Татьяна Борисовна назовет эти имена: доклад еще не окончен.

Т.Б.: Но главное, что я хотела сказать, что 7 – это некий итог, завершение, чреватое новым началом.

Снимается седьмая печать – и – завершается цикл. Начинается следующий: «видел я семь ангелов». Как только седьмой ангел вострубил, случается нечто, после которого следует: свершилось.

В самой последней главе Апокалипсиса все числа как бы сводятся воедино. Иоанн Богослов говорит именно о преображении мира: «Увидел я новое небо и новую землю». И имеет этот город – имеется в виду Иерусалим – большую высокую стену, имеет двенадцать ворот, на них двенадцать ангелов, на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израиля, с Востока было трое ворот, трое ворот с севера, трое ворот с юга, трое ворот с запада, и стена города имеет двенадцать оснований. Все, наверное...

С.С.: Пожалуйста, какие будут вопросы?

Сергей: Татьяна Борисовна, вот вы говорили, что эти слова: число и цифра – понятия совершенно разные, почему?

Т.Б.: Цифра – знак.

Сергей: Да, понятно.

Т.Б.: Цифра – знак, а число – понятие. Но я об этом, собственно, все время и говорила.

Петя: Можно – мой вопрос?

Т.Б.: Да, конечно.

Петя: Какие четыре имени Сатаны? Я ведь не отвяжусь, пока не скажете.

Т.Б.: Запиши, пожалуйста. «Откровение...», гл. 12: дракон, древний змий, дьявол и сатана.

Сергей: У меня такой вопрос. Когда появились эти разделения на главы и стихи в Библии?

Т.Б.: Не знаю, вероятно, это сделано для удобства.

Сергей: Это, может быть, даже и не столь важно, но все же, когда? Ведь сделали же так, значит, с какой-то целью?

Т.Б.: По-моему, это сделано позднее, в Новое время. Цели были дидактические (назидательные), способствующие лучшему усвоению, пониманию. Главы в разное время назывались по-разному: посмотрите

Коместора и сравните его названия с теперешними. Последние отмечены цифрами, его – титулованы: «О смещении мира», «О труде первого дня». Цифр к стихам не было – каждый писался с красной строки.

М.С.: Можно мне высказать одно соображение по поводу чисел? Суть числа – это отношение. Любое число – это есть отношение, скажем, отрезка, состоящего из семи частей, кратных одному. Т.е. любое число – это отношение чего-то к чему-то. Понимаете? И вот если считать, что мир – это творение Божие – творение! – то ведь любое творение имеет определенную конструкцию, а любая конструкция имеет определенные отношения, которые заложены в эту конструкцию. Это некие фундаментальные отношения, которые эту конструкцию определяют. И вот эти «магические» (или священные) числа суть определенные отношения, которые определяют структуры мироздания. В этом смысле можно провести такую аналогию: известна такая вещь, как «золотое сечение». Что это такое? Грубо говоря, это следующее. Некий отрезок делится на части, при этом меньшая часть относится к большей так, как большая относится ко всему отрезку. На основе «золотого сечения» построены, скажем, пирамиды... Храмы тоже строятся, как правило, на основе «золотого сечения». И если в поле зрения человека оказываются здания, построенные по принципу «золотого сечения», то он себя хорошо чувствует, а если он находится среди зданий, в которых не используется «золотое сечение», ощущает дискомфорт. А суть здесь, вероятно, в том, что в конструкцию человеческого мозга, «золотое сечение» тоже входит. И вот, если вокруг тебя находятся здания только такие, в которых не используется «золотое сечение», то...

С.С.: ...то ищи всевозможных срывов. Я в этом, к несчастью, имела возможность убедиться лично. Сын моего друга, художник, чуть не сошел с ума после того, как однажды утром проснулся и, увидев из окна серые «коробки», сказал: «Боже мой, как можно жить в таком

цвете?!» И математиками, филологами, и психологами это давно замечено. Вячеслав Всеволодович Иванов в «Очерках по истории семиотики в СССР» писал, что анализ золотого сечения и логарифмической спирали (линии типа латинского S) как принципа построения произведения интерпретировался учеными (Л.Ф.Жегиным, Ш.Вейлем) как отображение законов развития живого.

Пожалуйста, еще какие вопросы к Татьяне Борисовне? Тогда вопрос у меня: скажите, пожалуйста, а вы видите разницу между «магией» и «мистикой»? «Магическое число» и «мистическое», одно ли это и то же?

Т.Б.: Да, между ними есть разница. Дело в том, что «магия» непосредственно связана с земным миром, а «мистическое» – это то, что непосредственно связано со сферой духа. Потому их, конечно, не стоило бы путать.

С.С.: Я хочу сказать несколько слов вот о чем. Татьяна Борисовна обратила внимание на важнейшее отличие христианства от всех прежних представлений – и иудейских, и эллинских: был *поставлен вопрос о конце мира*. Потому, кстати, понятие истории приобрело огромное значение: она конечна. Это первое и главное. Вторая, тоже весьма существенная идея именно христианства (это не по теме, но о ней надо сказать, коль скоро речь зашла об Апокалипсисе): был осуществлен перенос внимания с непосредственного созерцания космоса на текст, на книгу, о чем прямо сказано в «Откровении»: «И я пошел к ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед. И взял я книжку из руки Ангела и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем. И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих» (Откровение, X, 9-11). Потому-то столь необходимо замечание Татьяны Борисовны о *связи числа с буквами*. Сколько букв,

столько слов, вещаемых и воспринимающих весть (слово однокоренное со словом «вещь» — вещью вещали о Божьем замысле).

Число — действительно отношение, связанное не только с организацией мира, но и с организацией речи, по которой образуется этот мир. Третье: мне показались существенными числовые соотношения, приведенные в «Салической правде», Библии, даже в современной литературе, показавшие взаимопроникновение самых разных идей в разные культурные регионы и свидетельствующие об открытости культур. Я, правда, считаю слишком односторонним заявление, что смысловые значения чисел (таких, как 3, 7, 11) коренятся только в средневековой культуре и связаны — по вертикали — с Богом, Троицей. Да нет же, и вы сами об этом сказали вначале, что традиция их осмысления идет со времен Пифагора, со времен Вавилона... Средневековье подчеркнуло христианскую символику этих чисел, но сама символика складывалась — вы-то как раз это и показали — в разных культурных средах: иудаизме, в античности, среди варварского мира. Вот эту горизонталь надо иметь в виду. Хотелось бы подчеркнуть, что смысл числовых соотношений и в иудаизме, и в христианстве основан на законе. Но что такое этот закон? Вы сказали, что это вам непонятно. Закон — это ведь не только то, что надлежит исполнять равно всем, как в буржуазном праве. Уже ситуация прецедента не предполагает такого равенства во всеобщности. Понятие закона исторично. В начале первого тысячелетия «наш закон», как рассказывал Иосиф Флавий, — это прежде всего *документ*, который чем старше, тем лучше, оттого еврейский народ доподлинно знает (хранит) все свои родословия почти от истоков мира. Мы, писал он, не можем уловить только за давностью времен того момента, когда произошло, собственно, творение прачеловека. Спустя 12 веков Абельяр в «Диалоге между Философом, Иудеем и Христианином» рассказывает такую притчу об

иудейском законе. Один персонаж, Философ, упрекает Иудея в том, что тот никогда не сможет доказать (логически доказать) истинность и богоданность иудейских законов. Христианин помалкивает, а Иудей говорит, что не все доказывается логикой, есть доказательства вещественные, как и доказательства, основанные на обычае, т.е. на вере в разумное установление. На чем же основана вера в такое установление? Иудей рассказывает притчу: предположим, я слуга в доме своего господина и точно знаю, что приказания его разумны; потому и я им повинуюсь на основании разума, и мое повиновение, основанное вначале на разуме, в конце оборачивается верой, поскольку я многократно убедился, что приказания моего господина разумны. Однажды я ушел из дома, а когда вернулся, то остальные слуги, жившие в доме, сказали мне, что господин приказал мне сделать то-то и то-то. Я лично не слышал приказания, но поскольку мой прежний опыт свидетельствовал о том, что эти приказания разумны и достоверны, — то у меня нет оснований им не доверять. Казалась бы, эта притча закрепляет представление об определенности, претворяющей в жизнь предопределенность бытия — то, на что обратила внимание Татьяна Борисовна и что действительно противоречит свободе воли. Но... Любой закон предполагает поправку, к « n » добавляется единичка, « $n+1$ » — это наша поправка на все возможные изменения, искажения, и так далее, и так далее. « $N+1$ » и есть наше творчество, наша индивидуальность, зафиксированные в «Салической правде» и не единожды в Библии: иначе зачем напускать мор и саранчу? В Книге Жизни и записаны такие индивидуалисты, осуществляющие прорывы из вечной повторяемости — на то она и Книга Жизни. Предопределенность как тенденция, набросок, подлежащий уточнению. Числовые соотношения, их многообразие показывают вместе неуклонность и необходимость следования закону и возможности его творческого преобразования: ведь 7 — это не только 7, но

и $1 + 6$, $2 + 5$, $3 + 4$ в их разных символических значениях. Но все они были бы не столь существенны, если бы не были оплотнены реальной историей: чистого геометризма Средневековье не терпело, и Татьяна Борисовна совершенно верно отметила связь числа с родом, с генеалогией, то, без чего не мыслимо Средневековье, — с исторической памятью. Наша память определяет нашу историю. Наша история определяется нашей генеалогией. Наша генеалогия определяется нашей записью, словом и так далее. Поэтому на ваш вопрос о том, что же было вначале — смысл или значение числа, — можно ответить, что одно подпирается другим, взаимно обуславливается другим. Совершенно верно было подмечено Татьяной Борисовной, что законодательные книги Библии и «Салической правды» как бы объединяются одной общей интонацией, структурно-грамматическим построением фраз, что свидетельствует о гораздо большей их сближенности, нежели с римской правовой стилистикой. В данном случае дело не только в том, что в обоих произведениях, как верно заметил Петя, речь идет о законе. Речь идет о *каноне* — каноне написания подобных текстов.

Но есть у меня и одно чрезвычайное существенное замечание. Конечно, все, что касается символики чисел, разницы между числом и цифрой, заслуживает пристального внимания, а изучения их роли в «Салической правде» и вовсе не было. Однако у меня сложилось вот какое впечатление. Все здесь сказанное (но и не только здесь, здесь — особенно ярко) имеет своим основанием увлеченность — неожиданно текст раскрывает возможности для сравнений, сопоставлений. И вот уже в этой увлеченности мы отождествляем пифагорейское число с пушкинским, радуясь — и эта радость вполне понятна — единству мира. И — забываем, что вместо диалога культур открыли одну моно- или метакультуру, где одно объясняет другое. Диалог между тем (а семинар наш все-таки стремится оправдать название «Диалог культур», хотя мы на

первой ступени, и это понятно: мы только начинаем – дай Бог, чтоб начали – постигать смысл одной культуры, Средневековья, в ее невозможности для нашей и необходимости для нашей) – так вот: диалог меж тем предлагает, чтобы мы первоначальную радость претворили в удивление: да столь ли похожи понятия числа там и здесь, да не может быть, чтоб они были тождественны – ведь мы, как всегда замечает Сергей или Наташа, – *другие*. И оказывается, что

См.: Ж.-П.Вернан.

Происхождение древнегреческой мысли.

М., 1988. С.114-115.

пифагорейское число – мироустроющее, основанное на гармонии, пропорции. Французский историк Жан-Поль Вернан считает, что по такому принципу был устроен

античный полис. Солон, давший полису первые писанные законы, устанавливая социальную иерархию, полагал, что она должна выражать согласие, которое понималось как гармония, установленная посредством столь точных пропорций, что Солон придает им почти числовой характер. Граждане разделены на 4 разряда по степеням достоинства, основанным на сельскохозяйственных мирах.

Средневековое число – миропричащающее.

А Германн хотел использовать магию чисел в целях личного обогащения.

Каждый раз мы имеем дело с *другим* понятием числа, и необходимо найти момент его насущности для современности.

Почему я сочла нужным подчеркнуть необходимость диалогического понимания культуры, предельного доведения какого-либо понятия до выхода его в иную – логическую или бытийственную реальность?

Мы не раз ссылаемся на работы социально-психологической школы (А.Я.Гуревич); это естественно: наш лицей культурологический, и мы должны знать это направление. Но не менее важно научиться различать методы анализа. Диалог – не метод сопоставлений, этот

метод – приготовительная стадия диалога. Не ментальность («среднее состояние») – его предмет, а высшие поэтические (от «поэтика») состояния духа, требующие сосредоточения всех способностей человека. Принципы культур, выраженные в произведениях, не тождественны друг другу, иначе у нас не разные, а одно лицо.

День четырнадцатый: деньги, по «Салической правде»

Экспозитор Александр Каневский

Саша: Я разделил свою тему на две подтемы. Первая – что есть деньги для салического франка, вторая – какова цена солида.

Как мы уже выяснили на прошлых занятиях, деньги – это не только цена, но и эквивалент человеческой доблести, мужества и умения. Теперь о цене солидов. Чтобы это понять, используем такой пример. Раб, укравший 40 динариев, должен заплатить 6 солидов, или же он кастрируется. Это значит, что у раба могли быть такие деньги, сумма штрафа перекрывает сумму украденного в 6 раз. И вроде бы это не такая уж большая сумма в сравнении с верой свободного (см. ниже), но в то же время за кражу трех коз надо заплатить три солида, то есть в половину меньшую сумму. При этом надо учесть, что стада салических франков были немногочисленны. Свободный же за кражу 2 динариев (т. XI) должен был заплатить штраф в 15 солидов, т.е. в 300 раз превышающий сумму украденного. Я не думаю, что человек пойдет на кражу ради мелочи, это значит, что на 2 динария можно было купить (приобрести) что-нибудь приличное. Получается, что три козы стоят меньше двух динариев, ибо штраф за них – 3 солида, а за кражу 2 динариев – 15 солидов. Возникает мысль, что главной ходовой денежной единицей был динарий, однако платеж штрафов

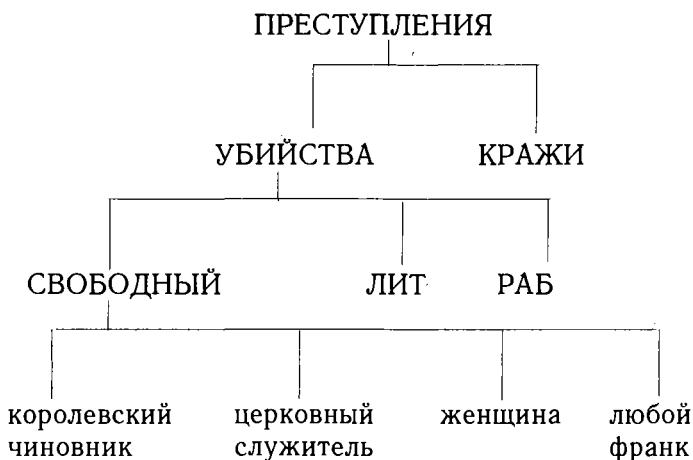
производился в основном солидами.

Помнится, у Пети была мысль, что мельчайшая монета — это 3 солида, так как суммы всех упоминаемых в «Салической правде» штрафов делятся на три (это, кстати, следует и из доклада Татьяны Борисовны о символике чисел), и нет штрафа меньше 3 солидов. Но есть такие статьи, где сумма не делится на три, то есть Петино предположение не верно.

(Далее Саша привел ряд статей, доказывающих его правоту, в частности, те статьи, где штраф составляет $17 \frac{1}{2}$ или $62 \frac{1}{2}$ солидов, например, т. II §3, прибавление; т. XIX §2, прибавление 1, 2.)

С.С.: Как вы выстроили всю эту уголовную систему?

Саша: (рисует).

Олег Б.: Я хотел бы согласиться с Сашиним предположением, что раб по «Салической правде» мог обладать значительным имуществом: в век социальной перетряски это естественно. В «Истории франков» Григория Турского тому много примеров: есть случаи, когда раб становился графом.

(Стенограмма не полна, поскольку обсуждение сбилось на подсчеты солидов, но в конце работы Петр

Суворов предложил сделать собственный доклад. Сам Петр сказал, что доклад имеет прямое отношение именно к диалогу культур, как он его понял из предыдущего семинара).

Вечер четырнадцатого дня. Петр Суворов. Жизнь и смерть в Библии и книге Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать»

Петя: Книга Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать» — моя любимая, поэтому мне будет очень приятно о ней говорить. Я начну с нее, поскольку нужно сделать небольшое отступление от проблемы жизни и смерти.

В книге существует несколько определенных философий, которые герой вырабатывает на протяжении всего произведения. Одна философия — в самом начале, он ее уже приобрел, с ней идет. Потом она превращается в другую. Конец, я считаю, крушением обеих философий. Но обе философии — действительно необходимы и, как мы говорили в прошлый раз, взаимодополнительны.

Первую философию можно назвать твердокаменным идеализмом, это что-то вроде такого восприятия мира, когда все, чего я не вижу или не хочу видеть, не реально. В книге есть такой эпизод, где главный герой, Джек, стоит, прислонившись к забору, и, когда кто-то сзади подходит, он думает так: «Так как я не обернулся, то там ничего нет». И пока этот человек не проявит себя, его не существует. Т.е. представлен такой вид эмпириокритицизма, когда человек считает, что все вокруг него нереально, что реален он один.

Второй вид философии (к сожалению, я очень

плохо в ней разобрался) — это философия «великого тигра», как он сам ее называет. Мне непонятны какие-то детали, потому что главный герой говорит про существование сокровенного сознания, оберегаемого от людей, с высоты этого знания, которое он называет «великим тигром». Теперь о самой проблеме жизни и смерти.

Но поскольку роман читали не все, надо его представить (Петя кратко излагает сюжет романа).

Джек говорит сам себе так: «Человек имеет два греха: подарить кому-то жизнь и отнять у кого-то жизнь». И настает момент, когда человек должен отвечать за эти два греха, он получает то, что он и должен получить, т.е. смерть. Он говорит: «Родив меня как собирателя компромата и погубив человека, на которого собирали компрометирующие документы, он, губернатор, сам подписал себе приговор».

У Джека интересное суждение о Боге. Его законный отец отошел от мира и занимается богословием, и Джек постоянно с ним спорит. В лице старика представляется богослов, в лице Джека — новый, современный философ, который более приспособлен к жизни, т.е. философ действительности, или жизни. В процессе спора старик говорит, что Бог — это абсолютное знание, на что Джек ему отвечает, что Бог не может быть абсолютным знанием, потому что вся жизнь — это движение к знанию. Если я буду рисовать картинку, то она будет выглядеть так: абсолютное знание — это бочка с порохом; к ней тянется фитиль, и когда пламя бежит по фитилю, происходит то, что мы называем жизнью; хвостик пепла, который остается в результате движения жизни, — это история. Когда же пламя достигает бочонка, движение к знанию обретет, наконец, цель, т.е. достигнет абсолютного знания, произойдет взрыв: жизнь перестанет существовать. Джек говорит, что абсолютное знание невозможно, абсолютное знание — это смерть. Он говорит, что мы поклоняемся смерти, а не Богу. Позже Джек взглянул на свои суждения со

стороны и пришел к выводу, что он за все должен отвечать, что он — такой же участник событий, как и все остальные, что все реально, действительность есть.

Вот пожалуй, все. Вопрос жизни и смерти в книге прорабатывается в виде философии Джека относительно того, как человек грешит, кого-то порождая и кого-то убивая.

Ну, а в Библии этот вопрос поставлен очень интересно, но по-другому: жизнь — это медленный переход к смерти, поскольку за смертью идет более возвышенное существование, на ступеньку выше. Жизнь дана человеку для того, чтобы он мог направить себя на путь истинный и возвыситься душой и после смерти подняться, приблизиться к Богу.

С.С.: А из чего вы это вывели?

Петя: Во-первых, из того, что человек — родоначальник грехов, вернее он сделан изначально греховным, чтобы он мог искупить свои грехи, и хотя грехи за него испили (Иисус Христос искупил грехи за все человечество), он сам должен идти по пути к Богу. Здесь антропология смыкается с теологией.

В Библии есть много противоречий. Первое противоречие — это то, что Бог предугадал греховность человека, так как Он всеведущ; но зачем Он тогда вообще создавал человека? В книге Уоррена старик пишет об этом трактат. «Сотворение человека, которого Бог в своем провидении обрек на греховность, будет грозным знаком всемогущества Божия. И для совершенного создать простое совершенство было бы делом пустячным и смехотворно легким. По правде говоря, это было бы не сотворением, а самораспространением. Обособленность есть индивидуальность и единственный способ сотворить, действительно сотворить человека — это сделать его обособленным от Бога. А быть обособленным от Бога — значит быть греховным, так как Бог — и добро и зло одновременно».

С.С.: А как же быть с вашим же утверждением — помните? — что Бог — абсолютное благо?

Петя: Быть обособленным от Бога – значит быть греховным, следовательно, сотворение зла находится под Божьей силой и славой. Так должно быть, дабы сотворение добра могло стать знаком силы и славы человека, но с Божьей помощью, Бог дал человеку возможность творить добро, Он дал человеку возможность подняться на Его уровень после смерти. Смерть – это переход. Можно сказать, что мы рождаемся, чтобы умереть, можно сказать наоборот, мы рождаемся, чтобы жить. И то, и другое будет верно, потому что, по Библии, жизнь должна подвести человека к вопросу смерти, чтобы он нашел в себе силы творить добро. Жизнь дана человеку для того, чтобы он творил добро. Эта идея проходит по всей книге Пенна Уоррена – идея о творении добра человеком. Библия же, скорее, – книга наставлений, как это добро делать.

Олег Б.: Мне пришла в голову такая мысль. Ты, конечно, прав, и можно сказать, что мы рождаемся, чтобы умереть, а можно, что мы рождаемся, чтобы жить. Помните, как-то мы говорили, что в календарях-святцах, в которых отмечены праздники в честь святых, эти дни обозначены как дни рождения святых, подразумевая под этим дни их смерти: смерть человека воспринималась как рождение святого. У меня такой вопрос. Что значит: Бог знал о греховности, что значит эта предсказанность, предвиденность греховности?

Петя: Мы как-то раз обсуждали проблему, зачем всемогущему Богу понадобился ничтожный, всегда готовый предать человек. И я думаю, может, и Бог для человека греховен.

Наташа: Но ведь Он же – всеблагодой!

Петя: Да это решено человеком же, искавшим наивысшее, наичистое. Но мы и то говорили, что это наивысшее явлено через отдельного человека, который, по определению, греховен.

Олег Б.: Может быть, здесь надо плясать от свободы?...Одна свобода предполагает другую...

Наташа: И одна свобода предполагает рабство – иначе не было бы понятия свободы.

Олег Б.: Ну, а как это соотносится с вечностью?

Наташа: Мы же говорили, что в одном миге – все.

Т.Б.: А как с предопределенностью?

Олег Б.: И со спасением? Неужели, раз согрешив, человек обречен? И как сопоставляется это, человеческое, иудино предательство с тем представлением, что, по евангельской идее, первым предателем является не Иуда, что Бог предал своего сына на смерть? Слово-то – предать – одно? Предать, то есть не просто «изменить», не просто «отойти в сторону», а пре(пере)дать.

Наташа: Но ведь цели у них были разные. Точнее, намерения.

С.С.: Intentio, по-латыни. У Бога и Иуды – разные умыслы. Мы снова – Петиним сообщением – подошли к центральной средневековой идее: греха, понятого не только как внешний акт, но как осознанный умысел совершить зло, и нравственности, личного ответственного поступка. И здесь различают заповеди, данные Богом (сверху, сфера морали, общих норм), и моя собственная совесть, отвечающая на Божественную весть, рождающая личностную драму при совершении поступка. Испытание – преодоление испытания. Исповедь как грань между жизнью и смертью и искупление – душевными ли муками или телесным наказанием. В крестных страданиях («страстях») Христа эти коллизии совпадают, но, как правило, раздирают на части душу простого смертного, даже решившегося пройти путь Страстотерпца.

Наташа: Все же человек искуплен. Значит, не обязательно, как сказал Петя, ему творить добро.

С.С.: Петя, кстати, почти повторил слова Коместора: человек сотворен как для жизни, так и для смерти. Но искуплен-то человек! Не животное, не отвечающее за поступки, а образ и подобие Божие! Искуплен вновь обретший Его... Есть ли вопросы к Пете?.. Можно на две вещи обратить внимание. Я думаю, идея спасения охватывает всю жизнь человека,

с серией поступков, позволяющих перерешать эту жизнь, о которой можно сказать, что она не столько предрешена, сколько предрешаема. Ибо наряду с возмездием, данным, уже существующим в вечности, человек той же вечностью обречен на свободу воли. Дурной поступок определяется в той вечности, то есть мгновенном «схватывании» прошлого—настоящего—будущего, что и благой. Ведь и всемогущество — не простое понятие. Чтобы быть истинно всемогущим, нужно увидеть это «все», и как немощь, неведение, которые столь же «свободны» быть, как мощь и знание. А противоположность благу — это греховность. Только при этой ситуации всемогущество и будет всемогуществом, иначе — действительно — Бог не сотворил бы ничего, а только распространил бы самого себя. Может быть, в самоопределение всемогущества входит это созидание свободного, и потому сама греховность есть условие совершенства, иначе — без такого условия — понятие совершенства лишено смысла. Греховность — это необходимое испытание всемогущества, ибо любая свобода подразумевает свободу другого. «Я свободен от чего-то», «я свободен по отношению к чему-то», то есть иной по отношению ко мне греховен, поскольку *он иной*, но эта греховность подразумевается свободой, иначе о ней нет смысла говорить.

Домашнее задание:

1. Что входит в понятие «идеализм»? Соответствует ли ему понятие «твердокаменный идеализм» Джека?

2. Что такое «сокровенное знание»? У каких народов оно было?

3. Что такое «философия жизни», «экзистенциальная философия»?

**День пятнадцатый: о роде и виде по
книге Боэция «Комментарии к
Порфирию», «Салической правде»,
Библии**

Экспозитор Наталья Гайдай

«Комментарии» к
Порфирию опубл.:
Боэций. «Утешение
философией» и
другие трактаты.
М., 1990.

Род, вид, отличительный,
собственный и привходящий
признаки — понятия сложные и
неоднозначные и могут иметь
огромное количество
определений (описаний).

Итак, род. Боэций дает ему
несколько определений:

1. Род, ведущийся от одного человека —
родоначальника, т.е. человека, который стоит как бы во
главе всего рода. Например, римляне — это род Ромула.

2. Род — это то, что является единственным общим
для многих, или, как сказал Порфирий, — это
«множество, стоящее в известных отношениях к кому-
либо и противопоставленное другим родам, благодаря
чему эти общества отделены друг от друга и носят
разные имена». Т.е. род — это целое общество, которое
имеет какие-то свои обычаи, законы и т.п.

Как видно, эти два определения не взаимоисключают, а наоборот —
взаимодополняющие, но все же
это два определения. И это не
случайно. Сначала (у
Порфирия) это было одним
определением, но Боэций счел
нужным их разделить, так как
одно не обязательно
предполагает или ведет к
другому.

Порфирий (ок. 233-
ок. 304), греческий
философ-неоплат-
оник. Написал
«Введение к «Кате-
гориям» Аристоте-
ля». См. Приложение
к: Аристотель.
Категории. М., 1939.
С. 54.

3. Род — это кем-то

рожден.

4. Где родился (место рождения человека).

Как ни странно, у Порфирия и эти последние два определения были одним, и между ними стоял союз «или», но опять-таки Боэций решил, что это два различных определения, которые, в отличие от двух первых, существуют совершенно самостоятельно. Есть еще несколько значений, но они не очень разъяснены Боэцием, и мне ими невозможно воспользоваться.

5. Род — это начало рождения для каждого.

6. Род — это то, что охватывает подчиненное ему множество видов. В этих определениях, мне кажется, есть белые пятна. Например, *вид*. Мы еще не определили, что это такое, и поэтому не можем пользоваться этим понятием, а Боэций вводит его без обиняков.

7. Род — это то, что сказывается о многих различных по виду вещах при ответе на вопрос «что это?»

И тут Боэций конкретизирует и объясняет свое определение, разделив его на 3 пункта, т.е. род — это то, что удовлетворяет трем условиям:

1. Род должен сказываться о многих вещах.

2. Эти вещи должны быть различны по виду.

3. Отвечать на вопрос «что это?» И я хочу добавить, что обязательно сказываться субстанционально, по сущности, по существу. Во второй книге (эта книга целиком посвящена роду) Боэций говорит об этом мельком, не заостряет своего внимания, видимо, потому, что слишком много говорит об этом дальше.

Но затем он утверждает, что род, как таковой, сам по себе существовать не может. Все, что является одновременно общим для многих, не может быть едино в себе: *каждый вид* имеет в себе в одно и то же время целый род, каждый род распространяется на множество видов и существует в них не по частям, а в каждом виде целиком. Значит, он не един в себе, и, следовательно, существовать не может.

Здесь происходит спор Боэция с самим собой, так как он должен убедить своих читателей в том, что род существует и существует именно так, как он определил. Если мы можем предположить, что данный предмет или данное понятие существует, значит оно существует — основная мысль Боэция по этому поводу. То, что не противоречит нашему разуму, — вполне возможно.

Но тут существует один вопрос: что значит «различные по виду»?

Вообще, надо сказать, что все вещи отличаются друг от друга по трем признакам: по роду, по виду и по числу (вполне современно).

Различие по роду — это когда две вещи ничего общего в своей субстанции не имеют, т.е. они имеют различные роды. Они, конечно, могут иметь одинаковый цвет или еще что-либо общее, но тем не менее они будут различны по роду, так как их сущность различна в корне.

Различие по виду — это когда вещи, которые объединены чем-то общим, наиболее субстанциональным, но имеют разные виды.

Различие по числу — это различие при перечислении, как говорит Боэций, например, две тетради, обе зеленого цвета, по 3 коп., в клеточку, т.е. совершенно одинаковые — различны по числу, потому что одна из них — 1-ая, а другая 2-ая. Это различные единичности. Т.е. различные по виду и роду, конечно, в первую очередь, различны по числу.

Я думаю, что теперь мы можем перейти к тому, что есть вид. У Боэция сразу дается самое главное его определение: вид — это то, что сказывается о многих вещах, но различных не по виду, а по числу. Что такое различие по числу, я уже сказала.

Но, конечно, это не единственное определение: вид — это то, что подчинено роду. Мы можем дать такое определение, потому что знаем, что такое род. Но мы знаем, что род — это высшая ступень, и все, что ниже, не только вид, подчинено ему. Значит, это только часть какого-то определения, но не целое определение.

И еще одно определение: вид — это то, о чем род сказывается в ответе на вопрос «что это?» Т.е., если мы спросим о виде: «Что это?», то в ответе мы услышим род. Например: человек (вид) — это общественное животное (род).

Существуют виды, которые могут быть в некоторых случаях родами, и существуют роды, которые могут быть видами. Т.е. все зависит от нас — от того, что мы обозначаем родом.

Но все же существуют роды, которые никогда не смогут стать видами, — они называются высшими родами. А вид, который не может быть ничем, кроме вида, — в высшей степени вид.

В различных последовательностях разные предметы могут стать на разные места. Если мы захотим (или нам будет нужно) рассмотреть последовательность, в которой родом будет человек, то он все же не будет в высшей степени род, потому что, если мы спросим, что такое человек вообще, нашим ответом станет: человек — это животное. Т.е. в конечном счете это все довольно *условные* понятия. Они «мыслятся человеком одним способом, а существуют другим». Для чего же тогда они нужны? Ответу словами Аристотеля: «Для того, чтобы то, что было непостижимо для науки из-за нехватного своего множества, с помощью немногочисленных родов подчинилось духу и стало бы предметом знания».

И существует еще одно определение: «Вид — это то, что, будучи видом, никогда на виды не делится».

Очень неоднозначное определение. Ведь если взять в высшей степени вид, о котором я говорила, то он как раз может иметь у себя в подчинении виды более низкие, или, как можно сказать, подвиды.

Наибольшую трудность у меня вызвала третья книга «Комментариев к Порфирию» — это книга об отличительном признаке.

Боэций отмечает, что прежде чем перейти к признакам, нужно разобраться, что есть признак. Признак есть отличие. Поэтому он в 3-ей книге

классифицирует отличия. Но сначала: что такое отличие?

1. Отличие – это то, что проявляется тогда, когда один предмет отличен от другого.

2. Отличие – это то, в чем состоит одинаковость двух предметов или почему один предмет – это не то же, что и второй.

3. Отличие – это то, благодаря чему вид богаче, чем род.

Действительно, вид богаче, чем род. Отличие, отличительный признак – то, благодаря чему существуют виды, т.е. именно отличительные признаки делят род на виды. Например, род – животное, вид – человек. Когда мы говорим: «животное», – у нас возникают определенные ассоциации, но мы не можем представить себе ясно очертания именно этого, одного, предмета, не можем описать его. Когда же мы говорим: «человек», то уже представляем себе, что у него есть определенное лицо, 2 руки, 2 ноги и т.п. Таким образом, вид богаче рода. Существуют какие-то признаки, благодаря которым это животное является человеком. Если бы он не имел отличительных признаков, то тогда бы и не был видом.

Отличия бывают: общие, собственные и наиболее собственные. Чем они отличаются друг от друга? Общие: человек сидит и человек гуляет. Собственные: голубые и зеленые глаза. Наиболее собственные: разумность и смертность у человека.

1. Общие и собственные отличия – это акцидентальные признаки.

2. *Наиболее собственные* – это субстанциальные или отличительные признаки.

Дальше у Боэция идет не деление, а как бы разъяснение отличий этих двух групп признаков.

Общие и собственные отличия изменяют вещь, т.е. делают ее иной, а наиболее собственные – делают вещь другой. Чем отличаются слова «иной» и «другой»? Разве это не одно и то же? Оказывается, нет.

Иная вещь – та, у которой не изменены ее

субстанциальные свойства, т.е. сущность ее осталась прежней, а изменена акциденция. Другая вещь — наоборот. Субстанция изменена. Действительно, сидит человек или гуляет, голубые у него глаза или зеленые — это никак не влияет на сущность этого человека. А если мы лишим человека разумности и взамен дадим ему способность ржать, то это уже будет не человек, а другое животное...

1-ая группа отличий (общие и собственные) — это просто отличия, вторая группа — видообразующие отличия.

То, о чем я сейчас говорю, — это вещи, которые существуют сами по себе (я имею в виду: иная вещь, просто отличия и акцидентальная — другая вещь, видообразующие отличия и субстанциальные), одно ни в коем случае не следует из другого. Просто их много, и мне нужно называть их по очереди, так как все сразу я назвать не могу. Поэтому лишь *кажется*, что одни следуют за другими.

Вернемся к нашим баранам. *Просто отличия* — это те, которые не могут создать вид, *видообразующие отличия* — отличия, образующие вид. 1-ая группа — отличия по числу; 2-ая группа — отличия по роду и по виду (о них я уже говорила). 1-ая группа — отделимые, 2-ая группа — неотделимые отличия, т.е. те, которые мы не можем мысленно сбрить, а предмет останется самим собой и, соответственно, не можем отбросить, не изменив предмет. Отделимые отличия, естественно, существуют акцидентально, а неотделимые и акцидентально, и субстанциально. Акцидентальные делятся на собственные — те, которые приходят извне, и наиболее собственные, так сказать врожденные. Наиболее собственные служат двум целям: 1) разделению рода, 2) установлению вида, что оказалось не одно и то же. Разделить род — это еще не значит, что ты образовал вид. То, что получилось при разделении, нужно объединить каким-то признаком. Наиболее собственные отличия и есть отличительные признаки, которые описал Боэций в 4-ой книге.

Но он дает им еще и определения:

1. Отличительный признак — это то, что сказывается о различных по виду вещах и отвечает на вопрос, «каково это?» Т.е., по сути дела, сначала у нас должен стоять отличительный признак, а уж потом вид, потому что отличительный признак, так же, как и род, сказывается о вещах, различных по виду, а вид — о различных по числу.

Отличительный признак ни в коем случае не следует за видом, а существует вместе с ним, определяет существование вида.

2. Отличительный признак — это то, что определяет субстанцию и сказывается только об одном виде.

3. Отличительный признак — это то, что сказывается о качестве вида. В результате, вид образуется по следующей формуле:

род + отличительный признак = вид.

4. Отличительный признак — это то, чему от природы свойственно разделять вещи, находящиеся под одним родом.

Дальше Боэций говорит о собственном признаке (*proprium*):

1. Это то, что присуще акцидентальным образом только одному виду и не обязательно всему. Боэций приводит такой пример: человеку присуще быть врачом или, например, геометром. Т.е. человек как таковой имеет такую способность. Она заложена в нем от рождения. Но, конечно, не каждый человек будет врачом или геометром. Но он может им быть (если, конечно, захочет).

2. Собственный признак — это то, что присуще виду в целом, и не только одному виду (т.е. это же самое может быть присуще и другим видам). Например, человеку присуще быть двуногим.

3. То, что свойственно одному виду, в определенное время, как, например, человеку свойственно сесть.

4. То, что свойственно всему виду и всегда. Например, как человеку свойственно смеяться.

Самое существенное определение (даже скорее самый основной собственный признак) – четвертое, потому что оно – обратимое. Т.е. мы можем сказать, тот, кому свойственно смеяться, есть человек, и человек – это животное, которому свойственно смеяться. Первые три определения необратимые, так как мы не можем сказать: всякое двуногое есть человек; всякий человек есть врач; всякий человек – седой.

И, наконец, последний признак – это признак, который присутствует и отсутствует без подлежащего.

Если мы вспомним деление отличий, то общие и собственные отличия и будут привходящими признаками.

Привходящие признаки могут быть отделимыми и неотделимыми (так же, как и отличия).

Отделимые – это общие отличия, неотделимые – собственные. Еще два определения, которые созвучны первому:

1. Привходящий признак – это то, чему случается находиться в одном и том же подлежащем.

2. И последнее, суть которого состоит в методе исключения: привходящий признак – это то, что не является ни родом, ни видом, ни отличительным, ни собственным признаком, но всегда существует в подлежащем. Ну, а единичность – это то, что вбирает в себя одновременно один род, вид, отличительный, собственный и привходящий признаки.

Это все, что я хотела сказать о Бозэции.

Теперь я хочу перейти ко второй части доклада: род, вид... и т.д. в «Салической правде».

Хочу сказать сразу, что «Салическая правда» не говорит об общем роде (если мы за род принимаем правоспособность человека), а говорит о видах этого рода: о свободном, рабе, лите и римлянине. Разные виды одного рода имеют разные права. Правда, эти виды всегда конкретизируются местоимениями «тот, кто», становясь не столько видами, сколько, как мы говорили, индивидами.

Итак, перехожу непосредственно к «Салической правде». Как ни странно, но преступление (и наказание) очень интересно можно разделить на роды и виды.

1. Род. Обстоятельства преступления по отношению к хозяину являются привходящими признаками, а по отношению к преступнику — отличительными. Поясню на примерах: «если кто украдет поросенка — 2 сол.»; «кто украдет поросенка из третьего хлева — 15 сол.»; «ястреб на дереве — 3 сол.»; «ястреб с места — 15 сол.»; «ястреб из-под замка — 45 сол.» Хозяину все равно, откуда украден поросенок или ястреб, главное — факт кражи. Для преступника же эти обстоятельства — отличительный признак, свидетельствующий о степени серьезности его поступка.

Действительно, одно дело: он просто увидел ястреба, сидящего на дереве, соблазнился, мелькнула мысль, что он, должно быть, ничей, и он его взял (факт кражи устанавливается впоследствии). И совсем другое: он крадет ястреба во время охоты или когда тот сидит на шесте, отчего ясно, что это домашний ястреб. Но вот он прознал, что в этом помещении, под замком, также сидит ястреб. Он изощряется, ждет ночи, ломает замок... Это же совершенно различные преступления! Потому-то и штрафы разные.

Что касается денег, магических чисел, то я склонна думать, что ничего магического здесь нет, хотя штрафы по одному и тому же предмету, по различным обстоятельствам преступления имеют общий делитель. В основном, это — 3 солида. Если говорить о данных случаях, то мне кажется, это случается потому, что не могло так быть, чтобы хозяину выплачивали разные компенсации в зависимости от обстоятельств. В то же время преступника надо наказать по заслугам. Поэтому хозяину выплачивается 3 солида за моральный ущерб, а остальные идут, к примеру, в казну (это мое мнение по поводу кратности и делимости).

И еще один пример: ограбление трупа. В одном

случае за это преступление штраф 63 сол., а в другом — 100 сол. Почему, на мой взгляд, такая разница? В первом случае 63 солида установлено в титуле «Об ограблении трупов», а во-втором, штраф установлен в прибавлении к титулу «О нападениях и грабежах» в параграфе «Если кто нападет на чужую виллу...»

Т.е. если человек ограбил неприютный неопознанный труп, который просто, к примеру, лежит где-нибудь в лесу; и, если человек ограбил известный труп, когда ясно, кто это был, напавши на чужую виллу, — он платит разные суммы. Кроме того, во втором случае он должен еще уплатить штраф за нападение (тоже не малый).

2. Род. Вина преступника различна, а штрафы одинаковые. «Если кто оторвет три прута у изгороди... присуждается к уплате 15 сол.» «Если кто сожжет изгородь, присуждается к уплате 15 сол.» (т. XXXIV). Различие преступления очевидно. Почему же, однако, цена штрафа одинаковая?

Я думаю, в обоих случаях в результате преступления изгородь утратила свои функции, т.е. в обоих случаях она уже не служит защитой сада, дома, хлева и т.п. Здесь опять же обстоятельства для хозяина — привходящий признак, для преступника — отличительный, но тем не менее цены одинаковые. Мне кажется, здесь существует противоречие, потому что денег, которые платит преступник, в одном случае достаточно, чтобы вставить 3 недостающих прута, а в другом случае — недостаточно, чтобы построить заново изгородь. Но возможен и такой вариант: моральный ущерб в первом случае больше, чем во втором. Если сожгут всю изгородь, то хозяин сразу это увидит и примет какие-либо меры; если же будут вырваны 3 прута, то он может не сразу это заметить и его сад могут подчищать проходящие мимо дороги лица. За счет этого цены штрафа могут быть одинаковыми. Т.е. отличительные признаки не всегда работают против преступника, хотя за три вырванных прута 15 солидов — слишком строгое наказание, на мой взгляд.

Еще один пример. У нас много эмоций вызвали статьи об убийстве мальчика до 10 лет и убийство длинноволосого мальчика. Это 2 привходящих признака, но, тем не менее, они оговорены. И цена за убийство одинаковая – 600 солидов. Суть преступления одна: убийство ребенка, поэтому и цена одна.

Мне думается, что у салических франков мальчики до 10 лет носили короткие волосы, а после 10-ти – длинные. Поэтому, чтобы не говорить: мальчики до 10 лет и мальчики после 10 лет, из чисто речевых соображений написали именно так. Тогда в этом случае возраст будет собственным признаком.

И не зря говорят, что в «Салической правде» хранятся сведения о жизни, о понятиях и мировоззрении франков. Сразу бросается в глаза, что убийство мальчика ценится во много раз больше, чем убийство взрослого человека, чем даже такое кощунство, как ограбление трупа и т.д. (наравне с убийством духовного лица).

3. Потери короля от данного преступления:

«Если кто лишит жизни священника – 600 сол.»; «если диакона – 300 сол.»; «...епископа – 900 сол.» Если принять свободного человека за род, то перечисленное будет видами свободных людей (или если принять духовное лицо как род). Суммы, конечно, уплачиваются большие, и они идут, несомненно, в казну короля, ибо король потерял свою надежную опору, народ потерял наместника Бога на земле... (это самые большие штрафы).

«Если кто украдет общественного быка... – 35 сол.»; «...королевского быка – 90 сол.» «Королевский» и «общественный» в данном случае – привходящие признаки, они не имеют никакого отношения к субстанции. Интересно то, что здесь уже не наблюдается кратности. Вся сумма за королевского быка идет в казну.

«...убьет в походе свободного человека – 600 сол.»; «если состоит на королевской службе – 1800 сол.» Это даже больше, чем убийство епископа. Король своих

защитников (своего непосредственного слугу) ценит больше, чем епископа в 2 раза! Выходит, что это самое страшное преступление (судя по количеству штрафа). Если убьют просто свободного человека (200 сол.) или сожгут человека в его доме – 3 сол. (!), то король от этого непосредственно не страдает. Оттого его вира гораздо ниже. Но если ты убьешь человека, находящегося на службе короля, да еще во время похода, то тебе придется разорить себя и своих родственников (кстати, штраф за увечья намного выше, чем за убийство).

4. Преступник использует разные средства, но цель одна (в данном случае привходящий признак не имеет никакого значения). Например: «Если кто промахнется ударом – 63 сол.»; «...отравленной стрелой – 63 сол.» Эти преступления тождественны как субстанциально, так и акцидентально. «За похищение петуха», «курицы», «журавля»..., «...гуся...», «...голубя... штраф – 2 сол.»

Субстанция этих птиц в данном случае одинакова, потому что они объединены общим родом – птицы. Следовательно, и штраф – 2 сол. Привходящие признаки здесь никакой роли не играют.

Я думаю, здесь стоит сказать об одном несоответствии: «если кто украдет раба, коня или другое упряжное животное присуждается к уплате 30 сол.» Здесь раб уподоблен упряжному животному. Т.е. род (упряжное животное) равен виду (раб – вид человека).

(Род здесь все-таки «животное», а «упряжное» – вид, имеет место уравнение видов).

5. Оскорбление словами: «если один обзовет другого уродом», «...волком...», «...зайцем...» – 3 сол.» «Если... доносчиком или лжецом... – 15 сол.» (статья «Об оскорблении словами»); «если ты назвал женщину блудницей – 45 сол.»; «если один назовет другого прислужкой колдуньи – 63 сол.»; «колдуном или колдуньей – 89 сол.» По сути дела, эти оскорбления – индивидны, они объединены общим родом, видом и отличительным признаком, но они имеют различные

привходящие признаки. Колдун — это высшее оскорбление после оскорбления доносчиком (а нам говорили в школе, что доносы в средние века были в большой чести, за них даже открыто поощряли). Здесь, конечно, речи нет о том, что оскорбления беспричинны. Все сказанное свидетельствует, что понятие привходящего признака имело огромное значение в средние века в силу того, что оно способствовало конкретизации и индивидуализации вещи.

6. Родственные отношения. Салические варвары довольно далеко отошли от первобытнообщинного строя. (С.С.: Почему вдруг зашла речь о первобытности?) Об этом красноречиво говорят некоторые титулы «Правды». Теперь уже не франки отвечают за своих родственников. Но родственные отношения довольно сильны, о чем свидетельствует знаменитый титул «О горсти земли».

Однако же твое имущество и имущество твоего сородича совсем не одно и то же. Он обязан заплатить за тебя штраф только в случае, когда ты уже продал свое имущество, тебе же ему нечем платить, и 12 соприсяжников могут подтвердить перед судом этот акт (хотя закон законом, но главное, чтобы он выполнялся. Ведь закон может существовать, а делать будут люди по-другому). Т.е. суд не посылает преступника на новое преступление: «Мол, доставай деньги, где хочешь», а обращает его к своим в некотором роде спасителям (ведь если человек не может заплатить, его лишают жизни) — людям, которые питают к нему некоторые чувства, имеют нечто общее с обвиняемым.

Библию я не смогу так прокомментировать, потому что она слишком большая, и поэтому я остановлюсь на тех вопросах, которые мы не решили на наших прошлых занятиях.

Из первой главы Бытия: «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так». Что значит «по роду их»? Я думаю так: создать род — значит создать живую душу. Создать род, значит

создать «скот», «гада», «зверя». Здесь слово «всякая» указывает на то, что род надобно разделить на виды и индивиды. Сначала образуется то, что первичнее, т.е. род, общее имя.

И еще один вопрос у нас был по Библии: 4-ая книга Моисеева – «Числа», первые главы. «Исчислите все общество сынов Израилевых по родам их, по семействам их, по числу имен их, всех мужеского пола поголовно». Сыны Израилевы – это высший род, т.е. некое общество, членов которого объединяет единый родоначальник – Израиль. Род этого рода – предки сынов Израиля, семейства сынов Израиля, и потом уже идут непосредственно индивиды. Доказательства мы можем найти в 30-й главе «Чисел»: «Исчисли сынов Левиных по семействам их, по родам их... И вот сыны Левины по именам: Гирсон... (и т.д.). И вот имена сынов Гирсоновых по родам их: Ливни и Шимей. От Гирсона род Ливни и род Шимея: это роды Гирсоновы, семейства Левины...»

Вопросы и уточнения:

1. Как влияла судебная процедура на выработку формально-логических норм? Может быть, стоило бы переконструировать доклад: от «Салической правды» к «Комментариям Боэциевым»?

2. Чем отличается описание от определения?

3. Хотелось бы, чтобы определения собственных, привходящих и отличительных признаков сопровождалась демонстрацией конкретных примеров.

4. Можно ли утверждать, что «Салическая правда» в общем не говорит о роде? Как в таком случае интерпретировать статью «Об отказе от родства»? Или: что такое вилла – дом, хозяйство одного или общинное? Что означают упоминания о животных «на 3виллы» (общественный бык)?

5. Возможно ли говорить о степенях свободы как о видах человеческого рода? Вообще: человек – это вид или род?

6. Подчеркнуть правоту докладчика, оспаривающего магию чисел на том только основании, что штрафы кратны тройке или пятерке, имеющим и сакральные значения. Только на основании текста Правды этого утверждать нельзя (о том же было в предыдущем докладе у А.Каневского).

7. Отметить внимательную работу именно с текстом – то, чему нам, собственно, и надо учиться.

8. Относительно статей об убийстве мальчиков до 10 лет и длинноволосого: длинные волосы – признак знатности, более того, признак королевского рода. См. об этом: Григорий Турский. История франков, с. 363 (прим. 37).

9. Проанализировать неясные места у Боэция, на которые обратила внимание Наташа (см. с. 63, 64).

10. К с. 64: прояснить понятие «человек»: можно ли представить себе такую вещь, как человек вообще?

11. Одно из определений логики – искусство различения. Деление на виды – одно, деление на части или страты – другое. Стена дома – не вид дома, также как раб – не вид человека. Социальные отношения между людьми – не логические родо-видовые отношения. Это отметить обязательно! Ибо «Салическая правда» – не философский трактат, прямое наложение боэциевых понятий на нее *невозможно*.

12. Главное: как Боэций определяет случай (случай – не лишение смысла, не эфемерность, а «событие, непредвиденное для человека, совершающее действие, но происшедшее в результате стечения причин. Совпадать же и соединяться причины заставляет порядок, порождающий связи, которых невозможно избежать; он, *проистекая из источника провидения*, все располагает во времени и пространстве». – Утешение философией, с. 275) и как это понятие случая сопрягается с исторической «случайностью» в Библии и прецедентностью «Салического закона»?

К сожалению, время истекло, и обсуждения не получилось. Но...

Вместо эпилога

Но получилось следующее: обнаружилось возможности текста раскрывать себя и раскрывать наши возможности. Небольшой документ «Салической правды» и три главы Библии явились всего лишь введением в средневековую культуру, но таким, где, как в почке, свернута она вся. Мир представлен как Божье творение в напряжении двух идей: *причастия* (как основы средневековой рациональности) и *искупления*.

Комментарий оказывается средством причащения человеческого разума Божественному, но в своем особом качестве. Если сама Библия есть священный, неприкосновенный, эзотерический текст, основа для исполнения *религиозных* таинств, то комментарий к Библии – дело ума человеческого, он напрягает *культурную* мысль. Такого рода бесконечный комментарий к строго определенному тексту создает *особое культурное произведение*, смысл которого объединить в себе все возможные точки зрения из самых разных областей знаний и дать им соответствующее теологическое объяснение. Нынешние попытки все различия мира свести к потребностям современной идеологии, получившие имя модернизаторских тенденций в истории, – родом из Средневековья. Когда Абельяр в «Теологии высшего блага» попытался обнаружить древнюю естественную веру людей в Троицу и представить божественное триединство как *опыт* всех народов мира, он обнаружил раннесредневековую христианскую тенденцию суммировать в своем учении все «мировые души», чем, кстати, и вызвал резкое сопротивление себе (*scandalum* – одно из основных слов его трактатов) со стороны других философов и теологов, ощутивших в XII в. потребность выразить свою «инаковость». Эта «инаковость» выразила себя прежде всего в особом отношении к слову. Полагалось, что мир сотворен по Слову, которое есть Бог, потому человек изначально, при рождении оказывался им окутанным,

оказывался в мире, уже открывшем себя для познания. Более того, в таком мире не человек пытается понять нечто неведомое, а вполне ведомое, открытое, данное толкает человека к познанию себя, а через себя — Творца. Рождалось, таким образом, особое познание: если мир уже открыт («откровенен»), то единственным средством причастить себя ему оказываюсь я сам. Мир заставляет познать самого себя, и такое самопознание является богопознанием!

Иногда мне казалось, что в семинаре открывалась эта идея — когда, например, Петр Суворов сам предложил к обсуждению тему жизни и смерти, по Библии и по роману Р.П.Уоррена «Вся королевская рать», где он резко противопоставил две философии, точнее развел самопознание как богопознание и самопознание как познание себя, помещенного в *мир культуры*, где действуют и воздействуют разные разумы. Этот доклад, неожиданно возникший в конце работы семинара, показал вместе с тем необходимость детальной проработки контекстов одной культуры, внутри которых происходит не умножение тем, объяснений, совпадающих значений, сведения их друг к другу (это также было обнаружено в ходе занятий), а формирование этого и только этого — субъектного — смысла, возникающего под давлением вопросов и — после ответа — новых вопросов читателя к автору. Без такого вопрос-ответ-вопросного поля любой текст остается книгой за семью печатями, то есть он не производится и тем более не воспроизводится. Таким образом, понятие произведения предполагает не только толкование, но активное творческое содружество в тексте, его соумышление (что предполагается словом «комментарий», где корнем является «mens» — ум), предположенность его инобытия.

Человек свободен в силу сотворенности его свободным Творцом, — это прекрасно понимал средневековый комментатор — основная фигура в Средневековье. Комментатором был и высоколобый интеллектуал, и любой, самый худородный виллан

(крестьянин, житель деревни), ибо любым действием своим он обнажал один из уже заложенных в мире смыслов. Потому любое действие облакалось словом: ритуала, молитвы, исповеди, трактата (что значит «обсуждение»), — которое вследствие этого подвергалось всестороннему анализу: фонетическому, морфологическому, логическому и др., — но приведенному с точки зрения его *смысла*.

Именно слово стягивало такие средневековые полюса, как личность, индивидуальность и традиционность, соборность; казус и норму. Поскольку человек непременно несет в себе частицу Творца, он столь же непременно личностен и субъектен, соответственно личностной и субъектной была его речь. В Средние века не было оппозиции язык/речь, но была — речь/речь: речь Верховного Творца и речь человеческая, что предполагало не субъект=объектные отношения, но субъект=субъективные. Но потому же речь всегда двусмысленна (ибо понималась вместе в мирском и духовном смысле) и тропологична (ибо любые точные понятия становились лишь иносказаниями «в глазах» Творца и свидетельствовали о несовпадении вещи самой с собой).

В работе мы пытались обнаружить именно средневекового субъекта, хотя эта задача не была вполне осуществлена. Тому множество причин. Прежде всего — я сама, ибо впервые имела дело со школьниками. Во-вторых, семинар велся с ребятами, умевшими и не стеснявшимися ставить вопросы *учителю*, но далеко не всегда — *тексту*; это умение лишь наращивалось со временем. Потому первые темы задавала я сама, ибо в ответ на предложение проявить инициативу, откликнулся — дважды — только Петр Суворов. В-третьих, семинар касался Средневековой культуры, о которой десятиклассники, «прошедшие» курс истории средних веков, *не знали ничего* — это читатель заметил при анализе некоторых стенограмм. Здесь мало сказать о кризисе современной школы, здесь речь идет *об отсутствии школы* и о наработке лишь

запоминать нужные (скажем, для экзаменов) «тексты». Даже лучшие из участников все-таки старались пересказать (иногда с грубыми ошибками — большинство зафиксировано в стенограммах) прочитанную книгу без учета замысла семинара. Замысел вновь возникал при новом обсуждении, иногда вновь «проваливался»: тексты казались сложными — внимание иссякало. Тексты казались сложными в силу их действительной сложности, но и неприученности всерьез их анализировать — это обнаружили даже школьники, прошедшие в этом лицее искус внимания к тексту на уроках литературы, хотя интерес по ходу работы неизменно нарастал. Оттого, вероятно, чтобы диалог стал диалогом, то есть предельным напряжением собственной мысли, неизбежно в себе обнаруживающей необходимость не просто *выслушать* и понять другого (иногда это происходит при пересечении собственной мысли), но обратиться к началам собственного же нового размышления, надо:

1) «омолодить» школу диалога, то есть вести его с первых классов школы;

2) вести столь же напряженно и серьезно семинары по *разным* культурам.

В связи с этим возникала еще одна трудность. Нужно было совместить диалогический метод с закреплением знания. Этим отчасти объясняется мое «солирование», реферирование наиболее существенной литературы по Средневековью, неизбежные повторы материалов из предыдущих семинаров и стимулирование воображения и представления, без которых, на мой взгляд, невозможна ни история, ни тем более — философия. Правда, «солирование» я не считаю в данном случае великим грехом, мой голос необходим так же, как голос учеников, к тому же я *работала*, как и они, а это гораздо важнее вопроса, кто именно начинает диалог и как развязать языки школяров, чтобы не погубить их инициативу; мы говорили и начинали обсуждение, *работая*. Участвовал в такой работе, как это обнаружилось на других предметах, даже тот, кто у нас *молчал*. А кто больше, кто меньше

— суть не в том. Работая именно в семинаре, я, например, поняла, что в Средневековье право существовало отдельно от религии не в силу государственных установлений, не в силу того, что христианская религия пришла к франкам, когда их право уже функционировало, а в силу того, что христианство, заявив о свободной воле человека, *предполагало* независимость частных сфер их жизни. Потому и диалог, если когда он и возникал, появлялся независимо от того, «кто первый», а зависимо от выявления смыслов, открываемых в тот или иной момент времени, заодно открывающих «форточку» и в собственном мышлении. Реферирование же, помимо решения чисто познавательных задач, обнаруживало отличие в способах познания (например, сравнительно-исторического подхода от диалогического, оттого очевидно различие в анализе текстов, судя по докладам: одни развивали мысль ассоциативно, другие аналитически, третьи — наращиванием фактов). В процессе работы выявились и вопросы, которые более всего затрагивали *определенного* участника семинара. Так, было ясно, что Т.Б.Михайлову чрезвычайно заботит проблема свободы воли и предопределения, а Олега Батлука — спасения. И это — серьезные основания для дальнейшей работы. Но вот в последнем докладе Наталья Гайдай показала *разные возможности* и текста и собственной логики, то есть применила собственно диалогический метод. А одно это дорогого стоит!

Рассказывая о весьма несовершенном опыте собственной работы, я вовсе не призываю читателя быть последователем школы «диалога культур» хотя бы потому, что опыт в полной мере у меня не получился и потому, что опыт все-таки говорит сам за себя, и я думаю, что эта трудная, труднейшая форма *взаимообщения* помещает мысль и жизнь человека внутрь (в нутро) культуры, в бытие-в-культуре; рождая умение внимательного, сосредоточенного вслушивания в себя, слушания друг друга, что не менее важно при определении себя человеком культуры.

Приложение I

С.С.Неретина

Прецедент «Салического закона»

В одной из своих лучших книг А.Я.Гуревич показал невозможность изобразить Средневековье в целом как некую однородную социально-экономическую формацию, определяемую через противоречие между крупной собственностью на землю и мелкокрестьянским производством, а также внеэкономическим принуждением, необходимость которого проистекала из этого основного противоречия.

См.
Гуревич А.Я.
Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 7-30.

Понятие феодализма лишь условно может быть приложено ко всему тысячелетию Средневековья, ибо характер землевладения, совокупность традиций и ритуалов показывают разрыв внутри этого периода,

ранняя стадия которого (без феодалов) в корне отлична от зрелого, вассально-сеньориального, коммунально-бюргерского и рецептурно-цехового Средневековья, христианского по сути, а не по внешним признакам.

Одним из источников, позволивших провести такое размежевание, были варварские «правды», в частности — «Салическая», точнее — «Салический закон» («Lex Salica»).

Записанный на латыни на изломе V — VI вв. во время правления Хлодвига (ок. 455—511), короля салических франков Меровингской династии, «Закон» определял социально-правовую жизнь народа, обосновавшегося на территории Римской Галлии, вплоть до Столетней войны. Изученный внимательно и тщательно историками германо-американской и французской школ (особое внимание для меня представляет труд Фюстель де Куланжа), а в России Н.П.Грацианским, А.Н.Неусыхиним, А.Р.Корсунским,

А.Я.Гуревичем и др., этот памятник, пожалуй, только последним из упомянутых историков исследовался с точки зрения культуры, понимаемой как система мировосприятий, обусловленная традицией, обычаем.

Между тем роль правовых документов при анализе культуры трудно переоценить, особенно если понимать ее в том — диалогическом — смысле, как представлял М.М.Бахтин, — как произведение чужого сознания, которое обретает голос для вопрошающего его, раскрывает свои смыслы только при условии такого вопрошания, как своего рода обращения автора произведения к желающим выслушать его в любое время. Такой автор одновременен с теми, кому отвечает и кого озадачивает, обогащая собственные смыслы, открывая иной исторический контекст в зависимости от того, с кем общается и в какие ситуации попадает, но вместе с тем меняя мышление вопрошающего, способствуя предельному доведению его логики относительно открывшихся ему смыслов и рождению нового субъекта новой логики (философской, правовой и т.д.).

Его описание см.:

Семенов В.Ф. Введение. — Салическая правда. Пер. Н.П.Грацианского. М., 1950, а также: Неусыхин А.И. Новые данные по источниковедению «Салической правды». — Средние века. Вып. XVII. М., 1960; вып. XXI. М., 1962; вып. 25. М., 1964.

Правовой документ, по замыслу своему образующийся там, где стыкуются два сознания, где свое-чужое находятся в непосредственном противобор-ствующем контакте, фиксируя вместе и норму и ее нарушение, обнаруживает двух субъектов в момент их напряженнейшего соперничества и третьего — вненаходимого автора юридического произведения, отсчитывающего и осмысливающего время во плоти. Сама эта

напряженность не обыденна и свидетельствует о высшем духовно-правовом сознании эпохи, что и позволяет считать «Салический закон» культурным произведением.

«Lex Salica» в этом смысле – ценнейший памятник раннесредневековой культуры, которую, казалось, легко склонить то в сторону уходящей Античности, то в сторону замаячившего на горизонте феодализма. Между тем она упорно отстаивает независимость и от той, и от другого. Эта раннесредневековая культура мешала плавному течению исторических концепций.

Достаточно вспомнить яростную полемику германистов (Вайтц, Маурер, Лампрехт) и романистов (Фюстель де Куланж), чтобы осознать непростоту ситуации исследователя V – VI вв. Но и в таком состоянии и при остуде горячих голов анализ памятника показывает особую твердость фундаментальных структур правового сознания и разума, которые властно и мощно проложили путь во времени в современность: *право индивида, право прецедента*, открытость настоящему, особые установки, при которых в расчет бралось *не простое большинство, а мнение каждого отдельного человека*. Автор «Закона», Правовед Меровингской эпохи, запечатлевший в нем интонации, жесты, правописание, стиль своего времени, является активным субъектом именно этой культуры. Этот автор (фиксирующий правовые ритмы истца-ответчика, варвара-римлянина) является таковым субъектом и по той причине, что, свидетельствуя о рождении новой – неримской и неварварской цивилизации, как нельзя лучше отражает *переходное* сознание. Можно сказать, что *переходность* – основное качество новой культуры, и отражает оно не *межеумочность*, не *плавное вращение одного в другое*, а *узел всех возможных проблем и запросов, то есть именно в собственном смысле культуру*. Осуществление – в будущем – одной из таких возможностей вовсе не означает при этом, что к ней сводилась вся ситуация в целом. Однако при этом же укоренялись многие культурные понятия, никогда не вытеснявшиеся последующим развитием. Какие? Но о том и будет речь.

Я, в некотором смысле, являюсь тем самым «легкомысленным» сторонником теории, будто

франкская общность создана «одним франкским королем», от которой упреждал великий историк

Фюстель де Куланж.

История общественного строя древней

Франции. Т.3.

Франкская

монархия. СПб.,

1907. С. XV-XVI.

Фюстель де Куланж, страстно отстаивавший идею заимствования франкских институтов от Римской империи, отрицавший их германское происхождение, а заодно и собственно франкское.

Фюстель де Куланж посвятил истории формирования франкской монархии огромный шеститомный труд, к которому, очевидно, не раз будут обращаться историки и культурологи. Считая историю наукой, он полагал под наукой собственно достоверность и тщательный анализ текстов в их мельчайших подробностях (отчего обрел репутацию

Там же. С. XVI. | позитивиста),

исключающих возможность ложных измышлений, привкуса модернизации и дурного

субъективизма — свидетельства «традиционной полуэрудиции». Но кто из историков не подписался бы под этими словами? Более того, я полагаю, что он является предтечей исторической школы, исследующей социальную психологию и ментальность, но в противовес многим ее представителям, отстаивающим релятивизм факта, открыл его особую объектность, незыблемость, стремился увидеть «за» фактом культурные смыслы, показал самостоятельное величие документа, неисправимого по сути, обладающего своей особой поэтикой.

Именно в силу этого Фюстель де Куланж — и опора, и оппонент в размышлениях нынешней работы, посвященной специально и только «Салическому закону», или — в русском переводе — «Салической правде».

Речь в «Салическом законе» идет о правовых способах регуляции жизни давно оседлого, хотя и воинственного народа, о чем свидетельствует само состояние его хозяйства: франки занимались

скотоводством, рыболовством, охотой, бортничеством, полеводством, виноградарством, животноводством, садоводством.

Если первыми четырьмя видами хозяйствования могли заниматься и кочевые племена, то вторыми четырьмя – давно и совершенно оседлые люди, ибо обработка виноградников и полей требует длительного времени и развитой агрикультуры.

Оседлость сочеталась с братоубийственными и межплеменными распрями и войнами, о чем недвусмысленно свидетельствует не только «История франков» Григория Турского, но и статьи «Салического закона», сообщающие о бесконечных и искусных грабежах и убийствах как в мирное время, так и «во время похода».

Убийства и грабежи совершались «скопом» и в одиночку, нападения производились не только на королевских дружинников и рабов, но и на должностных лиц и служителей церкви, свободных франков, римлян, тяглых, детей, женщин, девушек. Для «Закона» весьма характерны титулы с наименованиями «О поджогах», «О ранах», «О подстрекательстве», «О нанесении увечий», «О связывании свободных», «О преследовании по следам», «Об убийстве свободного человека в походе»; три статьи называются «О человекоубийстве скопищем». 10 статей такого рода составляют весьма солидный процент от их общего числа (65).

Какова же структура «Салического закона» и можно ли говорить о его структуре?

По той тщательности, с какой записаны его первые 13 титулов, посвященных исключительно кражам и причинению вреда огороженным местам, можно предположить, что они – древнейшие, к которым прочие титулы присоединялись по мере их обработки.

Именно первые 13 аккуратно и дотошно фиксируют и предметы, и субъекты преступления, и процедуру вызова на суд: «О вызове на суд», «О краже свиней», «О краже рогатых животных», «О краже овец», «О краже коз», «О краже собак», «О краже птиц», «О

краже пчел», «О вреде, причиненном ниве или какому-либо огороженному месту», «О краже рабов», «О кражах или взломах, произведенных рабами», «О похищении свободных».

Последующие статьи носят характер дополнений, и, хотя часто их параграфы объединены общим титулом, эти титулы либо повторяют первые 13, либо не всегда соответствуют содержанию, заложенному в параграфах. В т. 14 «О нападениях и грабежах» наряду с параграфами об ограблениях включены параграфы об оскорблении мертвых. Т. 15 объединил убийство свободного мужа и кражу чужой жены. Титулы «О краже лодок» и «О кражах на мельнице», которым, казалось бы, прямой резон стоять после первых 8-ми, помещены между титулами «О порче», «О том, кто обвинит перед королем безвинного человека» и «О самовольном пользовании чужим конем», «Об убийстве мальчиков», «О прелюбодеянии рабынь».

Вряд ли, кстати, к гсударству салических франков применим термин «монархия», как у Фюстеля де Куланжа: не говоря уже о том, что король вряд ли властвовал единолично (ниже мы коснемся немного этого сюжета), самим именем «король» в то время называли не кого-либо одного, но множество его сыновей и высших должностных лиц. См.: Григорий Турский. История франков, М., 1989, с. 47, См. также прим. 154 к кн. II и прим. 34 к кн. V.

в центре «Закона» помещена сводная (27-ая) глава «О различных кражах», предваряющая серию новых о кражах, грабежах, убийствах, процедурных вопросах без всякой последовательности.

Казалось бы, при такой ситуации о структуре памятника и говорить не стоит, если бы не упорство правоведов в сохранении именно такого последовательного присоединения. Формальные признаки деления «Салического закона» надвое (1-13 титулы и 14-65-ый), то есть наличие последовательности в первой части и отсутствие всякой последовательности во

второй, подчеркнутое приложением разновременных капитуляриев и эдиктов, свидетельствуют, что перед нами какое-то особое *право, открытое изменению, добавлениям и поправкам*. Если учесть 'этническую пестроту всех подчиненных «Lex salica» (салические франки, галло-римляне, «варвары, живущие по «Салическому закону»)), то такой его характер свидетельствует о всеохватности, стремлении выразить интересы или закрепить положение всех слоев населения и о том, что в литературе называется «персональным принципом», согласно которому человек и за пределами родины («за морем») жил по тому праву, которое получил при рождении и которое гарантировало ему на чужбине правовую защиту.

В чем же особенность этого права?

Для этого попытаемся выяснить, какой именно народ защищался «Салическим законом»: собственно франки (в отличие от галло-римлян и прочих варваров) или возникшая по образованию королевства новая общность вместе с галло-римлянами и варварами, живущими по Салическому закону?

Фиксирование прав всех жителей королевства, включая галло-римлян, «салических» варваров, рабов, литов, вольноотпущенников (кто скажет, какого они роду-племени?), свидетельствует о том, что прежние этнические связи готовы к распаду, и подтверждает это:

1) титулами «О желающем отказаться от родства» (т. 60) и «О переселенцах» (т. 14, 45);

2) уравнием в правах франка и «салического» варвара (параграф 1 т. 4);

3) появлением должностного лица, графа, в качестве судьи при решении вопросов между этнически разнородным населением (т. 50, 51, 54 и др.);

4) общей системой штрафов (вир) для всего населения, выраженной в динариях и солидах, то есть в единой денежной системе, обеспечивающей возможность купли-продажи (т. 37) и являющейся всеобщим эквивалентом.

Даже то, что римляне имели более низкий, чем

франки, вергельд (виру за убийство), свидетельствует в пользу такого распада, ибо фиксируется возможность «Нет ни одной строки, которая упоминала бы об общинном пользовании землей или сельской общине», — писал он (см.: *Фюстель де Куланж. Ук. соч. Т. 4. Аллод и сельское поместье в Меровингскую эпоху. СПб., 1907. С. 209*).

его уравнивать (жизнь римлянина-сотрапезника короля ценится в 300 солидов, что в полтора раза выше штрафа за жизнь свободного франка — 200 солидов). Да и, казалось бы, строгое деление населения на свободных (франков и «салических» варваров) и «римлян» (галло-римлян) размывается упоминанием о несвободном населении — рабах, вольноотпущенниках, литах, податных римлянах — как с той, так и с другой стороны.

Однако по способу жизни салических франков трудно отличить от «римлян» на основании одного этого источника. Многие ученые — и зарубежные (Маурер, Лампрехт), и отечественные (С.Д.Сказкин, А.И.Неусыхин, С.Ф.Семенов) — полагали, что франки жили соседской общиной-маркой, натуральным хозяйством, предполагающим самообеспечение производителя и его воспроизводство как члена общины. Такое хозяйство и такое социальное устройство было соблазнительно назвать ведущим на протяжении всего Средневековья, но «Салический закон» таковыми их не называет. Самообеспечение, по-видимому, есть свойство любого сельского хозяйства там, где оно не разрушено, вопрос — в степени такого обеспечения. Об общине же «Салический закон» не упоминает, на что в свое время обратил внимание Фюстель де Куланж, если не считать не единожды встречающегося и смущающего исследователей слова «соседи», хотя слово это в том же значении бытует по сей день. К тому же франки, как уже было сказано, ориентировались на денежный эквивалент, то есть были включены в систему более широкую, чем общинная. Происходил зарегистрированный «Салическим законом»

двойной процесс становления нового государственного сообщества: *на развалинах Римской империи одновременно разваливался и бывший варварский мир, а то, что рождалось, рождалось как нечто небывалое.* В Каролингскую эпоху (VIII – IX вв.) сформировалось новое хозяйствование, правое закрепившее самый способ его ведения, сомкнувшее право и экономику (что отсутствует в «Салическом законе») и укрепившее родственно-соседскую общность, которая зафиксирована в «Салическом законе» как продукт распада связей, а не как объединяющий принцип.

Конечно, вряд ли стоит преуменьшать значение этой общности, цепко держащей своих членов (вопрос, например, об общине для меня открыт). Я вовсе не утверждаю, что общины не было, я лишь говорю о *правовой тенденции*, которая может отличаться от социальной. Был общий на три виллы бык, за кражу которого платили почти четверть виры за убийство (45 солидов), были, следовательно, и общие выпасы (см. соответственно т. 3, 30), был сход-суд (*mallus, mallobergus*) во главе с графом, рахинбургамизаседателями и помощниками-тунгинами, или центенариями (т. 1, 46, 50, 57 и др). Местность, населенная франками, была лесистой. Люди там селились не массами, а кровнородственными группами. Большая семья, по «Салическому закону», включала три поколения родственников, ведущих происхождение по мужской линии от общего предка. Но были и родственники по матери, то есть с каждым новым браком родство размывалось, становилось отдаленней, а семья обособленней.

Эта *обособленность*, пожалуй, главное, что бросается в глаза при чтении «Салического закона». Я бы выделила в нем два основополагающих понятия: *свободного человека и дом-виллу*. Не свободный франк, а именно *свободный человек*, homo ingenuus, – субъект «Закона». Все многочисленные статьи о рабах (с тщательным перечнем их профессий – виноградарь, кузнец, конюх, плотник, золотых дел мастер, свинопас),

зависимых или независимых сачебаронах короля, податных или владельцев вилл ориентированы именно относительно свободного человека, сравнимы только со свободными. Тому свидетельства и *возможность зависимого занимать важные государственные должности* (вице-графа, графа), и *формулировки* соответственных титулов, как, например:

«Т. 35. Об убийствах или об ограблениях рабов.

§ 1. Если какой-нибудь раб лишит жизни раба, господина пусть разделят между собой убийцу. § 2. Если *какой-нибудь свободный ограбит чужого раба...* присуждается к уплате... 30 солидов».

Или ст. 40 «Если раб будет обвинен в воровстве»:

«§ 9. Если же и по истечении 14 суток господин не пожелает отдать своего раба на пытку, он принимает на себя всю вину и весь штраф; *и не как раб, а как свободный*, совершивший этот проступок, принимает на себя весь платеж по закону» (курсив мой. — С.Н.).

Что касается другого понятия, дома-виллы как объекта права, то об этом свидетельствуют все статьи, посвященные кражам, поджогам и конфискациям, явкам или неявкам в суд. «Чужое поле», «чужая изгородь», «межа», «рубеж», «наследство» (которое, конечно же, оспаривалось, если появились соответствующие статьи), «запоры», «чужой сад», «чужой виноградник», «чужая нива», «чужой лес», «чужая лодка», «чужой посев» — статьи, защищавшие все чужое, обеспечивали права домохозяйства в целом, ради чего и понадобился Правоведу подробный перечень возможного имущества: ястреб, петух, гусь, голубь, яблони дикая и культивированная, крупный и мелкий скот, лошадь, охотничья собака, свинья-вожак, годовалый поросенок, двухгодовалая свинья, поросенок-сосунок, пчелы, дом, клеть, амбар, гумно, стойло. Это имущество, или имение, владение, подлежало защите закона. Скот, где бы его ни нашли, на своей или на чужой ниве, нельзя было бить «до изувечения». «Если какая-нибудь скотина издохнет» или «если кто, по своей небрежности, причинит вред животному или какой-либо скотине и сознается в этом», должен возместить ущерб от 15 до

25 солидов (т. 9). Глава, называемая «О вреде, причиненном ниве или какому-либо огороженному месту», на деле посвящена именно защите — любых — животных.

В «Законе» нет ни одной статьи, обеспечивающей защиту природы или естественного права в целом, но лишь одомашненного, окультуренного *имущества*, ибо природа в защите не нуждалась. Нуждалась в защите *индивидуальная жизнь и индивидуальное хозяйство*. Между тем, если следовать Фюстель де Куланжу, считавшему, что Меровинги во всем следовали римскому праву, проблематика естественного права как нравственного закона вполне могла быть поднята франкскими правоведом. Однако здесь если и могла идти речь о таком праве, то лишь в соотношении с природой владения, ибо даже понятия природы или окружающего мира нет в «Салическом законе». Есть наименования земли, воды, воздуха, огня, но не как оформленных определенных элементов мира-бытия, а как соучастников жизни или даже самой жизни.

Бердяев Н.А.
Смысл истории.
Париж, 1969,
с. 135, 136.

Поэтому они выступают в виде конкретных жизнеобеспечивающих (жизнеуничтожающих) систем: почвы для урожая, выпасов, лугов; лесов для охоты или леса для

строительства; рек для ловли рыбы, плавания на лодках; небесного пространства для полета птиц; пожаров или огня для очага. Самое имя рода присутствует не в качестве общего понятия, а как знак единства жизненных связей, родни, *parentilla* (не *genus*). Эта животрепещущая общность — свидетельство того, что франки были либо полностью погружены в «недра стихийной природы», вовлечены в мир демонов, ощущали природу как «жизнь живого организма, одухотворенного, населенного демонами», с которыми люди находились в постоянном общении (см. статьи о колдунах, привораживании, порче), либо оттого, что природа была сконцентрирована в понятии конкретного, индивидуального, неделимого дома-мира. Можно, конечно, добавить сюда и другой аргумент

Н.А.Бердяева о том, что христианство (Хлодвиг принял его накануне записи «Салического закона», в 496 или 497 г.) «закрывает наглухо внутреннюю жизнь природы и не допускает человека к этой жизни. Оно как бы умерщвляет природу. Это — обратная сторона совершенного христианством великого дела освобождения духа. Для того, чтобы дух перестал рабствовать у природы, для него должен был закрыться доступ к этой внутренней жизни духов природы». Этот аргумент можно соотнести и с высшими, в данном случае — правовыми, кругами меровингской знати, и даже с массой франков, которых трудно представить просто язычниками: известно, что к этому времени многие германские племена были арианами. К тому же о христианском влиянии свидетельствуют и 5 прибавлений к т. 55 «Об ограблении трупов», где определяются кары, ждущие преступников в случае сожжения часовни и убийства священников (вира от 300 до 900 солидов). И все же масса населения жила древними языческими верованиями и обычаями, что подтверждается титулами 19 «О порче», 64 «О прислужнике при колдовстве» и др.

Подробное описание правовых процедур, Там же. С. 138. | зафиксированных в титулах 44 «О реипусе» (выкупе вдовы, желающей вторично выйти замуж, родственниками), 46 «О передаче имущества», 50 «Об обязательстве», 52 «О займе», 53 «О выкупе руки от котелка» (древний обычай испытания кипящей водой), 58 «О горсти земли», свидетельствует и о бытовании этих обычаев в неграмотной профанической среде, и о возможности забвения этих обычаев: в противном случае не возникло бы надобности в подробной записи процедуры наследования, займа, выкупа руки или перекладывания виры за убийство на родичей.

«Если кто лишит жизни человека и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следующее по закону, он должен представить 12 соприсяжников, которые поклянутся в том, что *ни на земле, ни под землю* он не имеет имущества более того, что уже

отдал».

Это, казалось бы, обычная процедура признания себя неимущим. Но вот продолжение ее: «И потом он должен войти в свой дом, собрать в горсть из четырех углов *земли*, стать на пороге, обратившись лицом *внутрь дома*, и эту *землю* левой рукой бросать чрез свои плечи на того, кого он считает своим ближайшим родственником. Если отец или братья уже платили, тогда он должен *той же землей бросать* на своих, т.е. на троих ближайших родственников по матери и по отцу. Потом в (одной) рубашке, без пояса, без обуви, с колом в руке, он должен прыгнуть через плетень, и эти три (родственника по матери) должны уплатить половину того, сколько не хватает для уплаты следуемой по закону виры. То же должны проделать и три остальные, которые приходится родственниками по отцу...» (т. 58 «О горсти земли». Курсив мой. — С.Н.).

Этот длинный отрывок из «Закона» подтверждает, что дом — это мир для живого человека, выход за его пределы означает передачу вовне прав на само существование человека (венец — смерть). Земля — один из мировых элементов, как бы символизирует состав мира, присутствие в нем; выброс земли, сбрасывание одежд, перепрыгивание через плетень — ограду мира — является его разрушением. Можно представить этот обряд как некую игру, где ритуал — порядок действий, а обычай — ее правила. Обряд, зафиксированный в писаном законе, превращался в чистый ритуал, ибо возникала угроза забвения происходящего. *Ретроспективно* это предполагает слияние с природой, перспективно — удаление от нее (оба описанные Н.А.Бердяевым варианта сосуществуют), а *насуцно* — упор мира в индивида, где индивид есть средоточие мира. Три времени сосредоточились в одном моменте — моменте закона, непреложного для исполнения и соответственно отчуждения от обычаев. О последнем свидетельствуют статьи (например, «О рахинбургах»), где судебные заседатели «не желают сказать закон».

Дом — тоπος, относительно которого разрешаются

практически все конфликты, уловленные «Салическим законом». Желаящий вернуть долг должен прийти «к дому того, кому дал займы» (т. 52); наследник, в чью полу бросили стебель, то есть росток, взращенный в земле-доме-мире, символ единства с этой землей, наследие земли, должен остаться в *доме* завещателя (т. 46 «О передаче имущества»); за свободного человека, убитого в походе, то есть *вне дома*, должны уплатить тройную виру, 600 солидов (т. 63 «Об убийстве свободного человека в походе»), за убийство свободного человека скопищем в *его* доме вергельд составляет уже девятикратную сумму, 1800 солидов (т. 42 «О человекоубийстве скопищем»); нападение на чужую виллу карается уплатой 63 солидов (т. 14, 42); фиксируются кражи в доме или вне дома (т. 11 «О кражах или взломах, произведенных свободными» и т. 12 «О кражах или взломах, произведенных рабами»). Сумма виры за кражу «из-под замка» иной раз втрое превышает сумму виры за такую же кражу, но вне дома. § 1. Если кто украдет *ястреба, сидящего на дереве* (то есть, возможно, чужого. — *С.Н.*), и будет уличен, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков. § 2. Если кто украдет *ястреба с шеста*, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов (ястреб, возможно, домашний. — *С.Н.*). § 3. Если кто украдет *ястреба из-под замка* (ясно, что хозяйский. — *С.Н.*) и будет уличен, присуждается к уплате 1800 денариев, что составляет 45 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков» (т. 7 «О краже птиц». Курсив мой. — *С.Н.*).

Осуществляя правовую защиту дома, «Закон» в некотором смысле осуществляет и некоторые дидактические функции (роднящие его, кстати, с законами Ветхого Завета), материально наказывая нерадивых хозяев. Вира за ограбление незапертой горницы (15 солидов) в три раза ниже виры за ограбление запертой горницы, не соблазнявшей вора (т. 27 «О различных кражах»), а кража ястреба из-под

замка, как мы видели, окупается штрафом, в 15 раз превышающим виру за кражу любого ястреба на дереве.

Имущество и проступки, связанные с домом, подробно описанные и обсчитанные, — факт обособленности жизни человека и его семьи, рассмотренной как единица, жизни соседской по преимуществу, даже если (или — несмотря на то, что) соседи-родственники. Однако родственность, и по сей день сохраняющаяся в деревнях, не критерий для опознания сути дела. *Критерий — именно эта обособленность или возможность обособленности* (как процесс выхода из родства) *и индивидуализированность*. Само появление писаного закона, регулирующего отношения между людьми (даже если он и учитывает степени родства) — свидетельство новых, индивидуальных отношений. Я под этим подразумеваю особый тип связей, возникающих при пороговых ситуациях общества, что в литературе

Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 168-169.

иногда называется лиминальностью (от *limen* — порог). По В.Тэрнеру, такое переходное состояние имеет

три фазы: разделение, грань, соединение. Разделение — символическое поведение, при котором индивид открепляется от прежде занимаемого места в обществе; соединение — приобретение индивидом нового стабильного состояния, где он приобретает особенные, определенные права; грань — это собственно область культуры. В.Тэрнер полагает, что здесь (на грани) нет ни свойств прошлого, ни свойств будущего. На мой взгляд, напротив: именно на границе все три времени сомкнуты вместе, через настоящее, процедившее новый смысл бытия «перешагнувшего» порог индивида.

Прочитаем отрывок из «Закона», прежде цитированный, но в ином контексте. «Он должен войти в дом, собрать в горсть из четырех углов земли, стать на пороге, обратившись лицом внутрь дома, и эту землю через свои плечи бросать на того, кого он считает своим ближайшим родственником... Потом... он

должен прыгнуть через *плетень*, и эти трое должны уплатить половину того, сколько не хватает для уплаты следуемой по закону виры... Если же никто не поручится в уплате виры, то есть в возмещении того, что он не заплатил, тогда он должен уплатить виру своей жизнью» (ст. 58).

Культурно-пороговая ситуация здесь очевидна. До порога-плетня и после него перед нами два разных субъекта: свободный, жизнь которого обращена в будущее, и обреченный на смерть, жизнь которого обращена в прошлое; срединная ситуация – надежда, позволяющая прыгать дважды, шанс – на выигрыш, возможность переиграть, перерешить собственную жизнь. Культурная ситуация именно здесь, в этой возможности перерешения, где, в отличие от предположения В.Тэрнера, *прошлое еще царит в расчете на будущее*. Вчитаемся: (после первого стояния на пороге) «если отец и братья уже платили, тогда он (снова. – С.Н.) должен той же землей бросать на (других. – С.Н.) своих ближайших родственников». Только после этого следует прыжок через последнюю границу – плетень.

Во всех ритуалах границей служит либо порог-плетень, либо ветка, стебель, срок. Желаящий отказаться от родства ломает три ветки размером в локоть, разбросав их в 4 стороны, а переселенец (его состояние само по себе означает пограничную ситуацию открепления, поскольку он – мигрант) должен прожить в селении 12 месяцев, после чего он становится «неприкосновенным, как и другие соседи», то есть обретает новый статус, либо же через трижды по 10 суток (отсрочка, создающая ситуацию надежды) уйти из виллы, вернуться в прежнее состояние (т. 45 «О переселенцах»). Но во всех случаях на границах человек преобразуется в нового, прежде всего – правового, субъекта.

Однако здесь-то и возникает проблема: не оказывается ли подобный индивидуальный случай (казус) родственным идее заклатья, ритуала? Ведь в т. 58 «О горсти земли» описывается именно ритуал. Да,

оказывается, но с одной весьма существенной поправкой: каждый такой случай становится

ритуальным, но само ритуальное понимается не как обобщение, то есть не как «коллективный опыт племени», а как опыт

Гуревич А.Я.
Проблемы генезиса
феодализма, с. 87.
(Курсив мой).

всеобщего, универсального в субъекте. Здесь налицо иное понимание общего. Индивид при таком его понимании никоим образом не сращивается с обществом, оставаясь собой и только собой, живущим

См.: Салическая
правда. С. 23
(примечание).

своим особым хозяйством, своим домом-виллой.

Как замечают исследователи, термин «вилла» в «Салическом законе» употребляется в разных местах в неодинаковых смыслах. Чаще всего речь идет о вилле-доме, дворе, хозяйстве. Это значение весьма существенно, ибо весь «Салический закон» подчинен принципу охраны именно двора, одного хозяйства (независимо от иных возможных толкований слова «вилла»). Основываясь на уже упомянутом титуле «О переселенцах», некоторые исследователи полагают, что виллой могла называться и деревня, ибо в этой статье сказано, что на переселение

Фюстель де Куланж.
Ук. соч., т. 4, с. 228.

требуется согласие одного или нескольких жителей виллы — соседей (vicini). Фюстель де

Куланж отрицает возможность такого истолкования термина «villa», утверждая, что в V—VI вв. «деревня»

Фюстель де Куланж.
Ук. соч., т. 4, с. 531.

устойчиво передавалась термином «vicus». Против такого перевода, считает

Фюстель де Куланж, свидетельствуют слова «пришелец, который хочет поселиться на непринадлежащей ему земле» (aliena villa). К тому же упоминание о соседях Фюстель де Куланж считает маловажным фактором: вилла, на его — весьма справедливый — взгляд, есть совокупность земель (пахотных, лугов, виноградников, леса, пастбища) и людей (свободных, литов, рабов) в одном землевладении, где соседями могут быть именно

эти люди. Кажется, однако, что слово «соседи» означает их равноправие. *Vicinus* к тому же производно от *vicus*, что может быть понято как «деревенский сосед», и исследователи, полагающие в данном случае виллу деревней, не так уж неправы. Однако суть, кажется, в ином: как ни перевести этот термин, в любом случае *вилла выступает как единый (один) правовой субъект* («Салический закон» все же судебник!), где одного голоса достаточно, чтобы то или иное решение не состоялось.

Потому для общества того времени весьма правомерно понятие «индивид», ибо в «Салическом законе» фиксируется не просто распад кровнородственных связей и превращение родственников — юридически — в соседей, но и появление чужаков (тех же переселенцев-мигрантов — титул называется «*De migrantibus*»), утверждавшихся на новом месте не только мирно, но и насильственно. §4 т. 14 в полном противоречии с т. 45 гласит: «Если кто-либо захочет поселиться, имея грамоту от короля, и если он развернет ее на народном собрании и кто-нибудь посмеет противиться приказанию короля, повинен уплатить... 200 солидов» — виру, равную вире за убийство свободного франка!

Многочисленные упоминания «римлян», варваров-нефранков, само наличие законов о зависимом населении с установлением градаций свободы среди франков свидетельствуют, что перед нами не «обычное

Семенов В.Ф.
Введение. —
Салическая правда.
С. 3.

почти совершенно

Салическая правда.
С. 13 (§ 1 ст. 1 в
пер.

Н.П.Грацианского).

«властвующее» (*lex*

право» одного народа, а *право народов* — и завоевателей, и завоеванных, так что мнение В.Ф.Семенова, что «по существу римское влияние не чувствуется», вряд ли правомерно, как неправомерно и мнение Фюстель де Куланжа, что это *только* римское право. Оно и не просто «королевское право», но «господствующее», «властвующее» (*lex dominica*) с весьма мощными

старыми, рассчитанными на равноправие членов виллы, установками, учитывающими не волю большинства, но приятие воли каждого человека, стремящегося не «подверстаться» к большинству, но отстаивать и представлять собственные интересы. «Если кто захочет переселиться в виллу к другому и если один или несколько (жителей виллы) захотят принять его, но *найдется хоть один, который воспротивится* Фюстель де Куланж. | переселению, он не будет
Ук. соч., т. 3, с. 43- | иметь права там
92, особ. С. 79-81. | поселиться» (§ 1 одной из
важнейших – 45-ой – глав «О
переселенцах», курсив мой. – С.Н.).

Фюстель де Куланж полагает, что это своего рода атавизм, ибо у франков, по его мнению, народ был пассивным исполнителем воли короля. Он считает, что в VI в. народных собраний не было, король же имел наследственную, практически самодержавную власть: не случайно и называет франкское королевство монархией. Примерами ему служат те статьи «Салического закона», где сказано, что человек может не явиться на суд, если находится на королевской службе (т. 1), статья о переселенце по королевской грамоте (§ 4 т. 14), по его мнению, игнорирующая т. 45 «О переселенцах», а также знаменитый случай с суассонской чашей, известный по «Истории франков» Григория Турского. Что это за случай?

Однажды франки унесли из какой-то церкви большую чашу удивительной красоты. Епископ той церкви попросил короля Хлодвига ее вернуть. В Суассоне, куда король прибыл для дележа военной добычи, он пожелал, чтобы эту чашу отдали ему сверх его доли. Далее Григорий пишет слова, которые и побудили Фюстель де Куланжа считать власть короля почти неограниченной. «Те, кто был поразумнее, сказали: «Славный король! Все, что мы здесь видим, – твое. Делай теперь все, что тебе угодно. Ведь никто не смеет противиться тебе!» Как только они произнесли эти слова, один вспыльчивый воин, завистливый неумный, поднял секиру и с громким возгласом: «Гь

получишь отсюда только то, что тебе полагается по жребью», — опустил ее на чашу... король перенес это оскорбление с терпением и кротостью. Он взял чашу и передал ее епископскому послу... А спустя год Хлодвиг приказал всем воинам явиться со всем военным снаряжением... И когда он обходил ряды воинов, он *Григорий Турский.* | подошел к тому, кто ударил
История франков, | (секирой) по чаше, и сказал:
с. 48. | «Никто не содержит оружие в

таком плохом состоянии, как ты...» И, вырвав у него секиру, он бросил ее на землю. Когда тот чуть-чуть нагнулся за секирой, Хлодвиг поднял свою секиру и разрубил ему голову... Когда тот умер, он приказал остальным разойтись, наведя на них своим поступком большой страх».

Однако вряд ли можно согласиться с Фюстель де Куланжем, что этот случай дает основание полагать, что народ и в других ситуациях лишь «присоединяется к воле короля, а не советует». Во-первых, у нас нет сведений («Салический закон» об этом молчит), какое право действовало у франков во время походов, к тому же не исключено, что воины должны были платить жизнью за неисправное содержание оружия, месть короля при этом создавала видимость законности. Во-вторых, тот же Григорий Турский несколько выше пишет прямо противоположное: «Когда Хильдерик (отец Хлодвига. — С.Н.) был королем над франками, он, отличаясь чрезмерной распушенностью, начал *Григорий Турский.* | развращать их дочерей. Это
Ук. соч., с. 41. | вызвало ярость франков, и они лишили его королевской власти» и даже хотели убить. В-третьих, у епископа Григория мог быть свой взгляд на отношение к церковной утвари и, конечно же, к первому франкскому королю-христианину, образ которого к моменту написания «Истории франков», к 70-м годам VI в., оброс устной, народнопесенной традицией. Соответственно претерпел эволюцию и образ вольнолюбивого воина. И, наконец, приведенный Григорием факт (даже с поправкой на образ Хлодвига) скорее подтверждает «Салический закон» («найдется

хоть один, кто воспротивится...»), нежели его отвергает: целый год Хлодвиг пестовал месть, ища для нее удобный предлог.

Савчукова В.Д.
Григорий Турский и
его сочинение. —
Григорий Турский.
Ук. соч., с. 339.

Такое право индивида, один голос которого приравнен к голосу всех — важнейшая

особенность переходного времени. Отсюда, по-видимому, проистекает и вышеупомянутый персональный принцип, согласно которому всяк живущий по «Салическому закону» подлежит его защите в любом месте, где бы он ни находился. Правда, такие установки вступали в противоречие с властным нравом короля — статьи «Салического закона» действительно свидетельствуют о приоритетности находящихся на его службе или имеющих на что-то королевскую грамоту. Но именно напряжение между двумя главными субъектами права: короля как главы народа и любого индивида как представителя этого народа — образовало центральный нерв «Салического закона», в основе которого — персонализм, или — лучше — индивидуация: *«каждый человек должен оплачиваться большею или меньшею вирую»* (§ 9, приб. 6 т. 41. Курсив мой. — С.Н.). Кстати, и те спорные статьи о переселенцах, если в них внимательно вчитываться, окажутся не такими уж спорными: в т. 45 речь идет о мигранте, желающем поселиться в вилле на *непринадлежащей ему земле* и принадлежащей другому, а в § 4 т. 14 — о человеке, желающем по королевской грамоте обосноваться *на земле, неизвестно кому принадлежащей*, во всяком случае в статье нет речи о вилле, то есть *об уже обустроенном месте*. К тому же эта статья предшествует титулу «О переселенцах» вообще, следовательно, есть основания полагать, что закон дорабатывался, если не был принят внове, в дальнейшем ходе событий. •

Таким образом, индивид, которого, следовательно, можно обнаружить при анализе варварских законов, и принцип индивидуации составляют основу домовладения. Как справедливо отметил А.Я.Гуревич,

А.Я.Гуревич дает отрицательный ответ на этот вопрос (можно ли обнаружить индивида при анализе варварских правд). См.:

Гуревич А.Я.

Проблемы генезиса феодализма... С. 8.

произведенных вещей или животных, но не земли, главного достоинства дома. Независимо от того, чем именно выражено такого рода владение в «Салическом законе», оно, естественно, основано на обычае пользования домом, в том числе земель, передаваемым по традиции наследникам (о том, что такой обычай был, свидетельствует длительная агрикультура).

Фюстель де Куланж, настойчиво проводя линию

Фюстель де Куланж.

Ук. соч., т. 4, с. 531;

почти также:

Гуревич А.Я.

Проблемы генезиса феодализма..., с. 21.

О термине «*domus*»

см.: Фюстель де

Куланж. Там же,

с. 533-534; см. также

Смирин В.М.

Патриархальные представления в

сознании римлян. —

Культура древнего

Рима. М., 1985. Т. 2.

С. 6-7.

это именно владение, а не частная собственность. Понятие *proprietas* отсутствует в вокабулярии «Салического закона», ибо предполагает возможность полного отчуждения, несовместимого с представлением о доме-мире. Одно свидетельство о купле-продаже и обмене (т. 37 «О преследовании по следам») касается к тому же

преемственности франками римского права, считает несомненным наличие у них частной земельной собственности. Однако, по-видимому, для него понятие частной собственности и владения суть синонимы, ибо ученый равно им пользуется. Более того, ссылаясь на многочисленные документы, он подчеркивает, что «земля и люди были соединены неразрывными узами: ни земля не могла быть отнята у людей, ни люди отделиться от земли». Между тем понятие частной собственности как раз и

предполагает отъятие, так что А.Я.Гуревич, жестко различая эти понятия, гораздо более точен.

Главными терминами, которыми обозначается в «Законе» владение, являются *hereditas* (т. 59), *ascatmir* (т. 46), *fortuna* (§ 3 т. 50), *domus* (т. 9, 27, 52), *villa*. Есть и термин *mancipium*. Первые пять терминов, переводимые соответственно как наследство; имущество; добро, счастье; владение (в отличие от *casa*, означающего дом, или – в переводе Н.П.Грацианского – «хижину», как строение, см. т. 27), сомнения не вызывают: они употребляются во всех статьях, связанных с наследованием (т. 16 «О поджогах», 46 «О передаче имущества», 59 «Об аллодах» и др.). Последний же – *mancipium* – упоминается единожды в т. 39 «О похитителях» (*De plagiatoribus*), нуждающемся, на мой взгляд, в анализе.

Вот перевод, сделанный Н.П.Грацианским:

«XXXIX. О похитителях рабов.

§ 1. Если кто вздумает сманить (*sollicitare*) чужих рабов (*mancipia aliena*) и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден., что составляет 15 сол.

Приб. 1-е. Если чужой раб (*servus*) будет похищен и увезен *за море* (курсив мой. – С.Н.), и там будет найден своим господином, он должен назвать в публичном собрании (*in pallo publici*) того, кто его украл, и там должен собрать свидетелей...»

Переведя название статьи «*De plagiatoibus*» как «О похитителях рабов», то есть добавив отсутствующее в оригинале слово, Н.П.Грацианский именно на этом отсутствующем слове и сосредоточил внимание читателей – на предмете кражи, которым он считал рабов и только рабов. В заглавии же, как кажется, акцент ставится на самый факт похищения: плагиатор ведь – не только похититель людей, но тот, кто вообще что-либо заимствует, скажем, сочинение.

Кроме того, во всех статьях, где речь идет о рабах, законодатель употребляет термины «*servus*», «*ancilla*». Но Н.П.Грацианский перевел как «чужие рабы» слова «*mancipia aliena*». Действительно, *mancipium* может означать и раба, но следующие за § 1 прибавления обозначают раба термином «*servus*», как и во всем прочем тексте. Употребление разных вокабул

относительно одного и того же предмета в пределах одной и той же статьи представляется неоправданным, тем более если учесть, что одним из первых значений слова «*mancipium*» является «обладание», «владение». Слово это сразу отправляет нас к римскому *lex mancipi*, к юридически оформленному договору о купле-продаже, к праву владения, и к *res mancipi*, к манципированным вещам, которыми являются имущества, как сельские (земельный участок), так и городские (дом), а также сервитуты, рабы и четвероногие. Из этого определения манципированных вещей, данного римским юристом Ульпианом (ок. 170-228), видно, что рабы составляли их часть, притом почти последнюю. На первом же месте — владения землей и домом. Глагол *sollicitare* (потрясать, соблазнять) произведен от *sollus* и *ciere*. *Sollus* (целый) родственен к тому же с *solidus*, в котором исчисляется размер виры, а *ciere* (потрясать, колебать) в юридической практике был связан с приведением наследства в ликвидное состояние, приводящее его к разделению. Что касается *mallus publicus*, то мне

Фюстель де Куланж.
Ук. соч., т.3, с. 389-
392.

представляется справедливым обратиться к трактовке этого понятия Фюстель де Куланжем, проанализировавшим для

уяснения сути дела хроники, истории, формулы юристов и различные судебники, помимо «Салического». В результате такого анализа ученый выяснил, что *mallus* — это открытое публичное судилище, название места, где несколько человек производят суд. Это слово ни разу не употребляется в именительном падеже, оно «не есть ни индивидуальное, ни коллективное существо, оно не имеет личности; оно не может действовать, желать или думать». Слово

Там же. С. 148.

publicus означало в то время не столько «народный», сколько

«королевский суд», проводимый открыто, что отражает, как пишет Фюстель де Куланж, особый «склад ума эпохи», когда понятие народа отделилось от слов, прежде его определявших. Таким образом, трижды упомянутый в «Салическом законе» *mallus publicus*

означает открытый суд, проводившийся назначенным королем должностным лицом, которым, как правило, является граф.

В таком случае перевод т. 39 может выглядеть так:
«XXXIX. О похитителях.

§ 1. Если кто вздумает расточать чужое имущество и будет уличен, присуждается к уплате 600 динариев, что составляет 15 солидов.

Приб. 1-е. Если чужой раб будет похищен и увезен за море и там будет найден своим господином, он должен назвать в открытом суде того, кто его украл, и там должен собрать свидетелей...»

То, что в прибавлении, появившемся в «Законе» позже основного текста, наличествует раб-*servus*, а не раб-*mancipium* заставляет предположить или ограничение в последующем манципия только рабами, или же необходимость добавления конкретного упоминания о рабах-сервах в статье о манципированных вещах, об имении, владении. Кстати, в дальнейшем, в феодальное время, именно «серваж» станет устойчивым термином, а не «манципий».

Н.П.Грацианский к тому же под «рабом» понимает и термин «*ruer*» (§ 5 т. 10), главным образом — «*ruer regis*». Но дают ли тексты основания для такой его интерпретации. Конечно, *ruer* стоит иногда рядом с *gotanus* и *litus* (§ 4 т. 42), а в т. 54 *ruer regis* означает вице-графа или сацебарона — должности немаловажные. Их вергельд составляет 300 солидов — меньше, чем у королевского воина, но больше, чем у свободного (200 солидов). Очевидно, что *ruer regis* — не римлянин, не

Кстати, именно так переводит слово «ruer» Д.Н.Егоров, полагая, что «отрок короля» — это министерал.

См.: Средневековье в его памятниках. М., 1913. С. 10.

лит, но и не раб. Скорее всего, как это следует и из «Истории франков» Григория Турского, этим именем назывались посланные отцами ко двору короля и находящиеся там в услужении молодые люди («отроки»), ибо дворец считался для них своеобразной школой, готовившей юношей на

военные или административные должности. Так что вряд ли возможно переводить одним словом «раб» три разных термина (*servus, mancipium, puer*), так как ясно, что ими обозначались разные состояния, свидетельствующие о брожении в обществе, о смене социальных слоев, устоев, привычек. Единственное, что оказывается устойчивым во времени перемен, это — индивид (о чем, кстати, свидетельствует и множественность терминов), индивидуальное хозяйство, индивидуальное сознание, мышление, мое. Потому не случайно, наверное, во все переломные эпохи именно индивид оказывается в центре внимания права, философии, истории. «История» здесь появилась не случайно, *ибо ни о каком генезисе феодализма нет речи в «Салическом законе»*, даже если принять этот термин в качестве условного. Речь идет о *новом начале истории*.

Термин же *mancipium* учитывать надо в любом случае в его, как мне кажется, первоначальном значении имени, ибо он, как и *hereditas, fortuna, domus, villa*, свидетельствовал, что все связанное с наследованием — не частного, а универсального свойства, это — «сращенное бытие», неделимый мир, конкретная полнота.

Дотошное перечисление имущества — свойство такой полноты. Имущество в основном «отдается» (*dare*), по отношению к нему не употребляется глагол «продавать» (как мы заметили, только в одной статье говорится о купле-продаже и обмене животных), оно тесно связано с этическими понятиями добра и счастья (*fortuna*), уже тем самым передавая тесную связь с владельцем, о чем говорили Фюстель де Куланж и А.Я.Гуревич. Это имущество можно завещать родственнику и по мужской, и по женской линии (однако первым отдавая предпочтение). Правда, т. 59 «Об аллодах» запрещает передавать землю по женской линии. Поскольку этот титул — один из существенных, приведем его почти полностью.

§ 1. Если кто умрет и не оставит сыновей, а мать останется, пусть она вступит в наследство. § 2. Если не

окажется матери и если он оставит брата или сестру, пусть вступят в наследство... § 5. Земельное же *Салическая правда*, с. 56. | наследство ни в каком случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужескому полу, т.е. братьям...» Таково положение дел в начале VI в.

Салическая правда, с. 72. | Несколько ближе к концу VI в. эту статью поправит Эдикт короля Хильперика (561 – 584), по которому земля могла быть унаследована женщиной. Потому возникает вопрос: зачем понадобилось «поправлять» Хлодвига? Очевидно, потому, что было немало прецедентов передачи земли по женской линии и даже не прецеденты, а длительная традиция, если судить по общему характеру т. 59. Так что же считать нововведением: позднейший Эдикт, столь сообразующийся с первыми четырьмя параграфами т. 59 «Салического закона», позволявшими в целом наследование по женской линии, или диссонирующий с ними, но более ранний закон Хлодвига о наследовании земли по линии мужской?

Я предполагаю, что *нововведением*, отразившим переход к индивидуальному владению, неотторжимому, защищающему *дом-мир* был именно ранний закон Хлодвига, возможно, не сразу прижившийся, если уже его внук возвращал все на круги своя. Полагают, однако, что в эдикте речь шла не об исконных «салических землях», а о новых, которые франки получили в результате дальнейшего расселения после многочисленных войн. Это, однако, не отменяет предположения о восстановлении прежней традиции: на новом месте, не получившем еще правового обеспечения, возвращение к традиции естественно. Да и через 8 веков на него, Эдикт, ссылался английский король Эдуард III, претендовавший на французскую корону как наследник по женской линии. Но сама *тенденция* к полной индивидуации очень знаменательна.

А.Я.Гуревич, кажется, солидарен с мнением, что

А.Я.Гуревич.
*Проблемы генезиса
феодализма...*, с. 36-
38.

запрет передавать землю по
наследству женщинам есть
свидетельство неполноты
превращения ее в
собственность малой семьи,

тогда как Эдикт Хильперика завершал подобное превращение. Я же думаю: наоборот. *Хронологический парадокс* состоит в следующем: *не поздний, а ранний закон был новаторским*. Эдикт Хильперика в конце века возвращал обычай передачи наследства в большой семье, даже внутри рода, ибо женщина вследствие повторных браков могла менять семью, в то время как реформатор Хлодвиг в начале века вводил новую для франков систему наследования, учитывая практику римского права, прорывая тем самым старый обычай. Именно закон Хлодвига был законом, отразившим переходность общества, связанным с прежде не

*Потому мне
кажется
неправомерным
переводить
«Салический закон»
«Правдой», что есть
прямое указание на
ее варварское
происхождение, на
мой взгляд, неверное.*

существовавшей тенденцией
землевладения.

(если наше предположение верно) практики манципации. К тому же на территории бывшей галло-римской провинции, где расселились салические франки, также не было понятия частной собственности: в практике было именно владение. Собственность существовала в римском праве только для римских граждан, правда, с той оговоркой, что и она была связана с неким «нерасчлененным единством лиц и вещей», где под вещами подразумевалось имущество. На покоренные же ими народы, потерявших в силу завоевания собственные права, это право не распространялось. В глазах римского правоведа человек

из провинции — не муж и не отец, а это значит, что закон не признавал за ним ни мужней, ни отцовской власти, а соответственно и собственности. Провинциал не мог быть собственником по двум причинам. Во-первых, потому что он — не гражданин, во-вторых, в силу того, что его земля — не римская, а закон признавал право полных собственников только в пределах римской или италийской земли. Потому правоведы, в частности — Гай (II в.), утверждали, что земля в провинции никогда не может быть собственностью, но только владением. Ее можно было возделывать, завещать, даже продавать, но тем не менее она была всего лишь *как бы* собственностью (*pro suo*). С падением империи погибла ее гражданская община: религия, управление, частное право. И «никакое правильное общество, никакая система управления» не могли заместить собою «немедленно... то, что исчезло».

Так получилось, что и в «Салическом законе», 4 века спустя после всех этих римских предписаний, о

Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община. М., 1985. С. 356-358.

земле нет ничего, кроме параграфа о наследовании: варварская традиция, полагающая дом миром, легко наложилась на постримское наследование землевладения,

аллод. А.Я.Гуревич обратил внимание на то, что некоторые ученые этимологически сближают норвежский одаль, значениями которого были

А.Я.Гуревич.

Проблемы генезиса феодализма..., с. 35.

«благородство», «старина», и франкский аллод, значениями которого были «наследство», «добро», «счастье» (*od-al — al-*

od), но отмечает, что такое их родство не доказано, хотя содержательно эти понятия близки друг другу, означая наследственное земельное владение семьи. С этим можно согласиться, но с одной поправкой: без слова «земельное». Из текста «Салического закона» не следует, что термин «аллод» относился только к земле. Скорее — ко всему имуществу, из которого земля

выделяется Правоведом как имеющая иной способ наследования. Потому так и важно было признание права индивида, не подведенного под общее право.

Отсюда — *прецедентность, казуальность «Салического закона».*

Что подразумевается под таким определением, с которым как будто согласны и В.Ф.Семенов, и А.Я.Гуревич, настаивающие, однако же, на том, что эти казусы бытуют внутри обычного права?

Салические франки узаконивают не общие структуры провинностей, но каждый отдельный случай. Важна не просто вещь, но качества вещи, ее возраст, местонахождение, приметы (ястреб на шесте, меченый, свинья двухгодовалая, поросенок молочный, коровы с колокольцами и без, кража внутри и вне дома), — все это становилось объектом права. Индивидуальность не подводится под общее (будучи сама общим, выше мы об этом писали), потому количество *особых* провинностей нарастает, включается в закон. При этом множественность казусов не успевает ритуализоваться, хотя оставляет за собой такую возможность, фиксированную «Законом». Становится важным *этот* и только этот случай, *а не норма*. Перед нами, таким образом, оказываются две *культурные ситуации*: одна как *возможность ритуала*, другая как *справедливость каждого конкретного случая*, — два разных понятия общего. Это, повторим, и есть свойство *переходности*: *напряжение* разных возможностей и вместе *укоренение* разных культурных понятий в праве. Отныне понятие *свободного* никогда не вытеснится в сознании понятием *несвободного*, даже если впоследствии эта несвобода осуществится. Ситуация переходности не сводима и не ответственна за любую осуществленность. Такое право открыто для новых объектов права. Это по сути иное право: не обычное, не нормативное, не частное, не феодальное. Это *прецедентное право индивида, особое раннесредневековое право*, полностью независимое от государственно-религиозных структур, наличествовавших в праве Римском.

В свое время на ту же особенность обратил
Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община. С. 373. | внимание Фюстель де Куланж, распространив ее на все время христианства. В книге «Древняя гражданская община» он писал: «Христианство установило

различие между добродетелями частными и общественными. Уменьшив влияние последних, оно возвысило значение первых». Я полагаю, однако, что в переходный период эти добродетели именно индивидуальны, то есть едины и неделимы. Христианство, продолжает Фюстель де Куланж, поставило Бога, семью, человеческую личность выше отечества, а ближнего выше согражданина». Субъектами «Салического закона», кстати, и являются люди, а не граждане. «Право также изменилось в своей сущности. У всех древних народов право было подвластно религии и получало от нее все свои правила. У персов и индусов, у евреев и греков, у италийцев и галлов закон всегда сохранялся в священных книгах или в религиозном предании. Оттого у всякой религии право было создано по ее образу. Христианство – первая религия, предоставившая праву полную независимость. Оно ведало обязанности людей, но не их отношения выгоды. Оно не вступалось в установление ни права собственности, ни порядка наследования, ни взаимных обязательств, ни судопроизводства. Оно поместилось вне права».

Говоря об индивидуности, прецедентности как специфике переходного периода нельзя – хотя бы вкратце – не коснуться того, чего не могло быть в «Салическом законе», но что весьма характерно для того времени, – развития монашества, даже отшельничества, что зафиксировано не только в специальной религиозной литературе, но и в таком историческом памятнике, повествующем о быте народа, как «История франков» Григория Турского. *В институте монашества доведенная до предела индивидуность мгновенно эту индивидуность теряет, превращаясь в экземплярность, обретая форму*

ритуализованной примерности. Индивидуальное желание уйти от мира обращается введением себя в мир в качестве повтора. Право в казусности жития приобретает иной культурный характер. Однако и в этом случае полюсы «индивидуальность – экземплярность» оказываются свойствами переходности.

Действительно, священники в «Lex Salica» выступают как высокие, но приватные лица: вергельд епископа – 900 солидов, но именно и только вергельд.

Рассматривая вопрос, что есть обычай и ритуал в

*Подмеченное
Т.Б.Михайловой (см.
выше ее доклад)
стилистическое едино-
образие «Закона» с
Писанием – («Если
кто ударит кого из
руки камнем, от
которого можно
умереть, так что тот
умрет, то он убийца,
убийцу же должно
предать смерти»)
оказывается и
содержательным
единообразием, но
лишь в юридической
квалификации
преступления – не в
религиозной:
последняя в «Зако-
не» отсутствует.*

варварских судебныхниках, А.Я.Гуревич писал, что в них «в целом фиксируется... прежде всего и по преимуществу народный обычай. Его особенностью была чрезвычайная традиционность, неизменность; к нормам обычая относились как к нерушимым, подчас сакральным установлениям, которые пользовались тем большим авторитетом, чем древнее они казались...» Социальный опыт варваров – коллективный опыт племени. «Народное, племенное право устанавливало формы поведения, обязательные для всех соплеменников и воспринимаемые ими как саморазумеющиеся

стандарты, уклонение от которых исключалось». Но, на мой взгляд, весь салический судебник есть такого рода уклонение, перерастающее нормы и прорастающее ими – вследствие спора двух представлений о всеобщем. Сам жанр судебного трансформирует все исходные понятия обычного права. Здесь казус – вовсе не кажущиеся наивными «казуистика и формализм»,

отмеченные А.Я.Гуревичем, сама этимология этих слов
А.Я.Гуревич. | ставится под вопрос, ибо казус
Проблемы генезиса | в «Законе» не формален и тем
феодализма... С. 86- | более не казуистичен: он —
87. | один, он предполагает
возможность его учета при

похожем (но не тождественном) преступлении. Это отражение нового общественного уклада с его уважением не столько к роду, как в обычном праве, сколько именно к человеческой уникальности, о чем, кстати, свидетельствуют специально посвященные ограждению чести личности т. 30 «Об оскорблении» и т. 31 «О заграждении пути»: *нельзя безнаказанно назвать человека уродом, грязным, блудницей, волком, зайцем, трусом, доносчиком или лжецом.*

Судебник регулировал не только правообязанности индивида относительно уголовных и гражданских тяжб, но и процедуры судопроизводства и следствия.

«Салический закон» открывается титулом «О вызове на суд», где устанавливаются виры за неявку истца и ответчика и оправдательные мотивы неявки (королевская служба). Вопрос же о производстве следствия, систем доказательства, защиты и пр. раскрывается в т. 37 «О преследовании по следам», § 1 которой гласит: «Если кто (*quis*, то есть *истец*. — *С.Н.*) потеряет вследствие кражи (то есть суд *принимает презумпцию истца*. — *С.Н.*) быка, или коня, или какое-либо животное и, идя по следам (то есть исполняя функции *следователя*. — *С.Н.*), найдет его в течение трех суток (*noctes*), а *тот кто* (*ille*) ведет животное, заявит, что он купил его или получил в обмен, то идущий по следам должен через третьих лиц доказывать, что [это] имущество — его собственность (то есть устанавливается *срок*, в течение которого *истец есть следователь, и метод следствия — свидетели*. — *С.Н.*). Если же разыскивающий свои вещи (*qui res suas requiret*) найдет их уже по прошествии трех суток, а *тот, у кого* (*ille apud quem*) он их найдет, заявит, что купил или получил их в обмен, *сам* (*ipse*) пусть доказывает на них свое право

(то есть следователем *становится ответчик, лишенный презумпции невиновности.* — С.Н.). Если же *тот* (ille), кто шел по следу, заявит, что признал [имущество] своим, но, несмотря на протест того *другого* (illi alii), не захочет ни представить доказательства через третьих лиц, ни назначить, согласно закону, дня для судебного разбирательства, и будет изобличен в насильственном отобрании [имущества], присуждается к уплате... 30 солидов».

Очевидно отсутствие в суде таких фигур, как адвокат и обвинитель: их функции попеременно выполняли истец и ответчик, равно как и функции следователя. «Тот, кто» был един в трех лицах, и думается, не случайно не нашлось терминов для распределения разного рода исполнителей судопроизводства: «*тот, кто*» — *это и есть определение индивида.* Именно он, индивид, «этот», который отличается от «того, другого» (истец или обвиняемый, следователь или защитник), есть главная фигура судопроизводства. Указательное местоимение здесь правомерный и единственно верный заместитель имени, ибо любое имя было бы частичным, не отражающим этой совместности, в которой — суть дела. Потому трудно предположить, что меровингский Правовед, прекрасно, как мы все больше убеждаемся, знакомый с Римским правом и имеющий задание составить свод *наподобие* римского, не знал, казалось бы, элементарных фигур юриспруденции. Наверняка знал, но имел другую цель: показать и зафиксировать *свое* право.

Судя по «Салическому закону», суд действовал в каждом паге, или волости, во главе которого стоял королевский чиновник — граф со своими помощниками: вице-графом, сацебаронами, а также стоявшими во главе сотни людей тунгинами (центенариями) и рахинбургами, возможно, заседателями или заместителями графа во время его отлучек. Тунгины вели в основном малые дела, то есть не связанные с кражами, убийствами и вопросами, требующими назначения вир. К ним обращались за помощью в

разрешении на брак вдовы (т. 45), в усыновлении и назначении наследников (т. 46), при взыскании долга (т. 50); они обязаны были присутствовать при процедуре отказа от родства (т. 60). Уголовными и гражданскими тяжбами, судебными конфискациями, Божьим судом, поисками убийц, взиманием фреда (налога в пользу казны) занимались граф, вице-граф, не более трех сацебаронов, а возможно, и рахинбурги, которых могло быть более 7 человек (т. 57 «О рахинбургах»). При суде был палач, растягивавший рабов для получения доказательств и приводивший в исполнение приговоры. Верховной же судебной инстанцией был король.

Доказательства были своеобразны, но нас они интересуют постольку, поскольку дают представление о способе *рациональности* в раннее Средневековье. Уже обращалось внимание на то, что обвиняемый был лишен того права, которое впоследствии будет названо «презумпцией невиновности», если пропавшую вещь обнаружили у него по истечении трехдневного срока, что могло приводить к злоупотреблениям (т. 41).

О статусах судопроизводителей см.: Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. Т. 3. С. 238-599. К сожалению, протоколы графских судов не сохранились.

Можно сказать, что в «Салическом законе» уместились два взаимоисключающих принципа: право каждого индивида со своими особыми целями и лишение такого права каждого же индивида, если он находится в подозрении.

Для доказательства правоты истца или обвиняемого необходимы были только свидетели и

соприсяжники. Способы доказательства были следующие:

1) *сроки* (3, 7, 10, 12, 30, 42 дня, 1 год), в течение которых тот, кому предъявлен иск, должен был на него отреагировать (уйти из виллы, заплатить виру);

2) испытание пыткой (в отношении рабов) и Божий

суд (для свободных), то есть *меры психо-физического* воздействия;

3) *клятвы*, сопровождающиеся, как правило, подробным описанием происходящего при сделке или событии. При возникновении имущественных споров свидетели, например, должны были «под клятвую показать, что тот, в чью полу был брошен стебель, *был в доме* того, кто передал свое имущество, что *он пригласил трех или более гостей*, которые *за столом ели овсянку* в присутствии свидетелей, и что эти *гости благодарили* его за прием» (т.46 «О передаче имущества»). Клятва, таким образом, передавала образ события, который к тому же провоцировал;

4) *словесно-игровые ритуализованные действия* следующего типа. Заимодавец ходатайствует перед тунгингом о принуждении должника вернуть долг именно такими словами: «Прошу тебя, тунгин, объяви скорейшее принуждение по отношению к противнику моему, давшему мне обязательство и сделавшему у меня заем». Тунгин непременно должен ответить так: «Я объявляю по отношению к нему скорейшее принуждение, согласно «Салическому закону». В назначенные сроки повторяется та же процедура, но уже в более высокой – графской – инстанции (т. 50 «Об обязательстве»). Новая – в сравнении с римской – система правового разума очевидна: здесь и речи нет о документальности и ясной обоснованности, как и о письменных (когда слова не выкинешь) доказательствах. Последнее базируется на исполнении ритуальных жестов, крепости мистифицированного сознания и – вместе – уверенности в неповторимости, то есть историчности любого казуса. Есть, однако, нечто, объединяющее оба голоса сознания: *вера*. Потому можно сказать, что разум определяется как верующий не только в результате воздействия религии. Он был таковым на основании старых обычаев, возможно, и облегчавших тем самым принятие христианства.

Приложение II

Петр Коместор

Схоластическая история

[Первый пролог]

Петр, раб, пресвитер из Труа начинает эпистолярный пролог, [посвященный] Гильельму архиепископу Сансскому.

Достопочтенному отцу и владыке своему Гильельму, Божьей милостью архиепископу Сансскому, Петр, раб Христов, пресвитер из Труа, доброй жизни и блаженной кончины [желает].

Причиной предпринятого труда сего были неустанные просьбы собратьев [моих], которые, внимательно прочитав пространную историю Священного писания, представленную последовательно, с пояснениями, но слишком краткую и невнятную, понудили меня написать произведение, к коему они могли бы прибегнуть, чтобы следовать исторической правде. Так, в труде сем душа водила пером, чтобы я не уклонялся от слова отцов. Да будет любезна такая услаждающая слух новизна.

Далее, начав с космографии Моисеевой, я довел поток истории до Вознесения Спасителя, оставляя более опытным людям то море чудес, с помощью которых можно идти по стопам древнего и выковывать новое. Что же касается истории язычников, то я включил некоторые инциденты сообразно духу времени — это похоже на поток, что наполняет по пути побочные русла, не переставая течь. Так как, однако, труд [написан] грубым пером и нуждается в обработке, то за вами, славный отче, оставил я тщательную отделку его, чтобы и ваши поправки, и авторитет сообщили сей книге ясность и долговременность. Да

* В тексте сохранены орфография и пунктуация автора перевода.

благословен во всем Господь. Таково предисловие Петра Мандукатора¹ к истории Ветхого и Нового заветов.

Второй пролог.

Во дворце [его] Императорского величества надлежит иметь три палаты: аудиторию, или консисторию, в которой Он определяет права; трапезную, в которой распределяет Он пищу; спальню, где Он отдыхает. Таким образом Владыка наш, управляющий ветрами и морями, владеет миром через аудиторию, где все упорядочивается по воле Его. Отчего сказано у Исайи: *небо и землю я наполняю* (Иер., XXIII, 24)², — благодаря этому сказывается Господь. Отсюда: *Господни и земля и полнота ее* (Пс., XXIII, 1). Душу праведника он обымает в спальне, так как радость Ему пребывать там и отдыхать с сынами человеков. И потому называется Он женихом, душа же праведника — невестою; в трапезной, где Он напояет своих, оставляя их трезвыми, он хранит Священное писание.

Откуда: И ходили вместе в дом Божий (Пс., LIV, 15). Потому он называется *pater familias*. Три части в трапезной Его: фундамент, стены, крыша. История — это фундамент, коей три вида: анналы, календарная, эфемерная.

ГЛОССА (введенная в XIII в. Гийаром де Мулэном в основной текст. — С.Н.): *Годовая история — нечто происходящее за один год, календарная — то, что свершается за один месяц, эфемерная — что происходит внезапно, за сутки или часть месяца. Она называется эфемерной, так как напоминает морскую рыбку, умирающую в тот же день, в какой родилась, или чуть позже. Аллегория — стена, вздымающаяся ввысь, которая изображает одно деяние через другое³. Тропология — вознесение на крышу дома, когда, благодаря содеянному, нам сообщается то, что нужно делать. Первое [т.е. история] — более ясное, второе [аллегория] — возвышенное, третье [тропология] — прекрасное.*

МАРГИНАЛЬНАЯ ГЛОССА: Во главе [толкований] стоит анагогия, понимающая под

Священной историей Град Иерусалимский; воинствующая церковь при этом оказывается аллегорией, а тропология – душами верующих. Из фундамента мы извлекаем Слово, необходимое для украшения; у исходной черты фундамента находится Тот, Кто Творец всего как его начало.

О первоначальном творении мира и земли

В начале было Слово... (Иоанн, I, 1), и Слово было началом, с помощью которого и через которое Отец творил мир. Слово «мир» имеет четыре [значения]: небесная империя, или эмпирей, называется миром (mundus) по чистоте (munditia) своей; чувственный мир, который у греков называется «пан» (pan), а у латин – все (omne), так как философ не познал эмпирей; земля – подлунная область, в которой обретается все известное нам живое, откуда ...*князь мира сего изгнан будет вон...* (Иоанн, XII, 31); миром называется и человек, сам собою являющий образ целого мира, отчего и сказано, что человек есть творение Господне. И Грек называет человека микрокосмом, то есть малым миром. Эмпирей же, и чувственный, и подлунный мир сотворил Господь, то есть сделал из ничего. А человека сотворил, то есть изваял, как скульптор. О творении же прочих [миров] законодатель сказал: ...*в начале сотворил Бог небо и землю.* «Небо» – то есть сплошное и плотное (continent et contentum), то есть небесное царство, и ангельскую природу. «Землю» – материю всех тел, то есть четыре элемента, то есть состоящий из них чувственный мир. Некоторые полагают, что «небо» – это высшие части чувственного мира, а «земля» – низшие и осязаемые. Там, где у нас Бог, у еврея – Элоим, который столь же един, сколь и множествен, то есть Бог, или Боги, так как [у Него] три Лица, [но] Единый Бог – Творец.

Когда же, говорит Моисей, Он сотворил мир, то избавил [его] от ошибок трех мыслителей: Платона, Аристотеля и Эпикура. Платон утверждал, что извечно существует триада: Бог, идеи, материя, и в начале времен из материи был создан мир. Аристотель [говорил] о двоице: о мире и Творце, который

бесконечно и безначально трудился и трудится [над устройением мира] с помощью двух начал – материи и формы. Эпикур тоже предполагал двойственность: пустоту и атомы, и в начале природа, будто, соединила некоторые атомы в [стихию] земли, другие – в [стихию] воды, третьи – в [стихию] воздуха, четвертые – в [стихию] огня. Моисей же пророчествовал о Едином вечном Боге и о том, что мир был сотворен без [участия] первоматерии. Сотворил же Он мир вначале так: *в начале сотворил Бог небо и землю*. «В начале», то есть в Сыне, то есть в начале времени. Одного возраста ведь были мир и время. Так же, как Един вечный Бог, так же и мир вечен, что означает: вечен и временно вечен, как вечны ангелы. Либо же [под словами] «*в начале*» всех творений сотворил Бог небо и землю понимается [следующее]: он создал эти творения первоначально вместе, хотя то, что сделано вместе, или одновременно, не могло одинаково называться. Ведь прежде здесь называется небо, а не земля, однако и то записано: *...В начале ты основал землю, и небеса – дело Твоих рук...* (Пс. СІ, 26). Творение мира, сжато изложенное, Писание объясняет как шестидневный труд, вводя три [различия]: творение, расположение, украшение. В первый день – творение и некоторое расположение. Во второй и третий – расположение. В остальные три – украшение.

ГЛОССА: Так, например, когда я открываю глаза, мой взор тотчас устремляется на восток к солнцу; он перелетел через то, что составляло только огромное воздушное пространство; однако, если бы я захотел объяснить [последовательность] этого мгновенного перелета, то я должен был бы постоянно добавлять [слова] «прежде» и «затем». Так, прежде [всего] взгляд мой пронзал воздух, окружающий [меня], затем тот, что над Альпами, затем, что над другими землями, затем воздух, что над океаном, и лишь после того он касается солнца⁴.

О первой слиянности мира

...Земля была безвидна и пуста, то есть мировая махина была к тому времени еще бесполезна, бесплодна и неукрашена. ...И тьма над бездною... Ту махину,

которую Он назвал землей, вначале Он нарек бездной за ее беспорядок и темень. Оттого и Грек назвал ее хаосом. Так как сказано: «Была тьма», – то некоторые приняли за догму, будто мрак извечен, то есть он якобы был, когда созидался мир. Другие насмешники над Богом Ветхого Завета утверждают, что он сотворил тьму прежде света. Тьма однако, есть не что иное, как нехватка (*absentia*) света. Богом была сотворена некая непрозрачность воздуха, названная тьмою. Так сказано в перечне творений: *Благословенны во Господе свет и мрак* (Дан., III). ...*И дух Господа...*, то есть Святой Дух Господень, либо воля Господа, ...*носился над водою...*, как воля художника, пред очами которого вся материя для строительства дома. Над нею Он носится, пока располагает то, из чего будет сотворен [мир]. Упомянутую махину он назвал водой, как тягучую материю, предназначенную для творения. По причине тягучести меняются имена ее так, чтобы не думали, что ему удобнее всего, если она соединится с именем одного только элемента.

Считалось также, что Еврей⁵ получил [знание этого] от Всевышнего, *оберегал*, либо по-сирийски – согревал [его] как птица яйца, благодаря чему все начало рождающегося мира записывается под [Его] руководством. Это место Платон совсем не понимал, полагая, что речь идет о Мировой душе; но сказано это о творящем Святом духе, о чем можно прочитать: ...*Пошлешь дух Твой – созидаются...* (Пс., CIII, 30).

О труде первого дня

...*И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.* То есть Он родил Слово, в котором пребывал, чтобы стал свет, то есть [родил] так легко, как если бы кто-либо слово вымолвил. Свет же Он назвал неким сверкающим облаком, освещающим высочайшие части мира, светом чистым, каким он обычно бывает на рассвете, незадолго до восхода солнца. И движется за солнцем, освещая поочередно то верхнюю, то нижнюю полусферу. Он становится через присутствие Его слова. Слова «*через присутствие*» означают: предвидение света мыслится в

Боге прежде, нежели Он его создал. Сущность света совершенна в акте, то есть в действии, или же: когда она обнаруживает себя в явлении. ...*И видит Бог*, что свет *был хорош...*, то есть, что он понравился ему явленным. Либо же [это выражение] означает предвидение того, как он стал, и понравился [Ему] в сущности, к какой Он [его] предназначил. Либо же сказано с помощью тропа: увидел значит сделал явным.

И отделил Он свет от тьмы... Отсюда начинается расположение. Но что-то свидетельствует и о творении, как будто Он сотворил тьму вместе со светом, то есть тень, падающую от тел, лежащих против солнца. И сотворенное разделил по местоположению и качеству, чтобы разные полусферы присваивали себе [свет и тень] не вместе, но поочередно и противоположно друг другу. Под этим подразумевается момент, когда произошло различие ангелов: светом называются возвышенные, тьмою — отпавшие. *И назвал свет днем*, от греческого *dia*, что означает «ясность», то есть свет называется светом, так как он искупает, или — очищает тьму. Тьму же он назвал ночью от [слова] *posendo*, повреждение. Ведь замечено, что ночь глазам вредит и они не видят, то есть глаза во тьме не видят.

Как название дня произошло от греческого [слова], так и имя ночи от *nyctum*. *И был вечер и было утро*. И так полностью образовался один естественный день. В первый день вместе с небом и землей был сотворен свет: и понемногу, по мере того как свет клонился на запад, проходил вечер первого обычного дня. А когда свет прошел под землей к восходу, настало утро, то есть кончилась ночь. И начался второй день. Итак, водительствоваемый дневным светом и окончившийся воследовавшей ночью прошел один день.

Во второй день расположил Бог высшие части чувственного мира. Эмпиреи ведь — небо, как быстро оно было сотворено, так сразу же устроено и украшено, то есть наполнено святыми ангелами. И создал Бог в тот день твердь посреди воды, то есть поверхность мира из застывших вод и прозрачную, связавшую внутри

себя все сопредельное чувственному миру, наподобие кристалла или же яичной скорлупы. И на ней – незыблемые созвездия. И называется она твердью не только по своей крепости, но и потому, что она – твердая и нерушимая граница вод, которые над нею. И называется она небом, так как скрывает, то есть охраняет – все невидимое. А когда читают о тверди неба, то это гендиадис⁶, то есть «твердь, которая небо», – это игра ума. Потому греки называют его сводом, или же Ураном, или дворцом. Но говорят, что небом [называется] также и своего рода дом Гелиоса, так как солнце, расположенное под ним, освещает его. Этот вращающийся свод Философ⁷ понимает как высшую точку огня. В самом деле, поскольку огонь не имеет того, отчего он разгорается, он должен постоянно вращаться, подобно тому как он виден в печи.

Таким именно образом огонь вращается вокруг мира извне. И это звездное, или вечное небо. Есть и третье небо, внизу, которое называется воздушным, отчего сказано: птицы небесные питали его. Некоторые предполагают, что есть четвертое небо над эмпиреями, так как читали, что Люцифер, пребывая в эмпириях, говорил якобы: *...Взойду на небо...* (Исайя, XIV, 13). И в нем, утверждают, обитает Христос во человеце над ангелами, которые в эмпириях.

О тверди ясно: *...и отделил воду, которая под твердью, от вод, которые над твердью...*, о чем говорится: *...воды, которые превыше небес...* (Пс., CXLVIII, 4), и они, как твердь, застыли, как кристалл, чтобы не истаяли от огня либо не испарились в виде тумана. Почему они там находятся, о том Бог ведает, но может быть для того, как утверждают некоторые, чтобы летом оттуда влага стекала вниз. Ведь сказано: *да будет твердь*, – затем: *...создал Бог твердь...*, и лишь в третий раз: создана твердь⁸, и вода не проливается через [ее] край. [Все это] как в доме, который нужно построить: вначале дом ставится в мысли художника, затем материально, когда ровняются бревна и камни, затем сущностно, когда приготовленные дома обретут определенную структуру.

Когда говорится: ...«*Да будет сделан*» — это относится к силе духа или к предвидению Бога, [когда сказано] ...«сотворил»..., [это относится] к его работе с материалом, а «сотворено» — к его работе над сущностью.

То было в первый день, а это сотворено на второй; и труды этого дня завершились столь же «хорошо», как и прочие, хотя об этом и нельзя прочесть: *И увидел Бог, что это хорошо*. Но евреи передают, что, так как в этот день из ангелов произошел дьявол Сатанаель, то есть Люцифер, то некоторые из них, кажется, согласились петь второй час мессы об ангелах, как бы во славу возвысившихся ангелов. Но святые [отцы] переводят, что число «два» — знак опороченности, в теологии, например, «два» — число позорное, означающее, что дьявол первым отпал от единости. Бог же есть единость, и Он отвращается от раскола и раздора. Однако, мы можем сказать, что труды третьего дня, а до сих пор речь шла о втором, проявились спустя некоторое время. Потому что о них ничего, кроме того что они [свершились] на третий день, не записано, как бы [тем самым намекая, что они свершатся] после его окончания.

О разделении вод на третий день

Собрал Бог под твердь воды в одно место. Хотя они занимают большое пространство, но заключены в недра земли, собранные, как сказано, в одно место. Могло быть так, что воды, занимавшие все воздушное пространство, выпарились и, уплотнившись, заняли немного места, либо же земля несколько осела, приняв их в утробу. Так появилась суша, которая, скрытая под водой, называлась собственно глиной. Но после образования суши ее стали называть грунтом, поскольку она истаптывается ногами всего живого; а, окруженную тремя элементами, ее именуют землей, так как она — тверда; либо почвой, ибо терпит она труды людей. Собрание вод назвал Он морями — это идиома евреев, которые любое скопление вод называют морем. После завершения трудов над водами: *И видит Бог,*

что это хорошо. И добавил к этому новую работу, сказав: *да произрастит земля.* И это нужно понимать так: не только трудом произрастания, но и трудом потенции, как если бы она была способной прорасти. Произвел ведь Он из земли *...зелень, траву, семя сеющую, и дерево, приносящее плод по роду своему.* Ясно, что [тогда] земля произращивала растения свои не как сейчас, по обыкновению времен [года], а тотчас, в свежей спелости, травы преисполнились семенами, а деревья — плодами.

Вот что, как замечают, было сказано про [слово] «зелень»:

некоторые полагают, что мир был сотворен весной, так как зелень и плоды бывают именно в этот период. Другие же, халдеи, например, читая [фразу] «дерево, приносящее плод» и добавление «траву, сеющая семя», считают, что мир был сотворен в августе под созвездием Льва. Но церковь приняла в качестве догмата сотворенность мира в марте, ибо заметь, когда Он сказал «[траву], несущую семя», то сразу же добавил: «несущую всякое семя», так как посев называется посевом, когда семя сеется. Различают, однако, иной посев, [чем посев] плодов и деревьев, — семя живых существ. Семя такого рода есть начало сущего.

Он не объявляет нам, что при расположении элементов, кажется, остался неупорядоченным воздух, ибо о нем [ничего] не сказано, но все же он был расположен, так как высвобожденный из воды воздух принял известную нам форму. Вероятно, у Бога это не называется расположением, так что и ни в каком украшении он сам по себе не нуждается.

О труде четвертого дня

В четвертый день Бог начал украшать то, что расположил, вещами, которые согласованными действиями делались после [творения] мира. Растения, произрастающие из земли, по-видимому, имеют больше отношения к расположению земли, а как расположение, так и украшение Он начал с вещей более высоких.

Он сотворил в тот день светила: солнце, луну и звезды. И назвал солнце солнцем, потому что оно единственное светит, то есть [подобного] ему нет ничего; луну же — одним из светил, или же первым, как, например, бывает первый день [недели], понедельник, то есть день Луны, *dies Lunaе*, или же первая из суббот (Лука, VI и XXIII). Солнце и луна оба называются великими светилами, но [также называется] и каждое из двух, то есть [они велики] не только по количеству света, но и по количеству массы тела, и не только в сравнении со звездами, но и сами по себе, так как солнце, говорят, в восемь раз больше земли, да и луна больше земли. Он желал, чтобы луна и звезды светили ночью, дабы ночь не была без света слишком неприглядной и ночные труженики, моряки или путники, имели бы облегчение себе [в пути] от [их] света.

ГЛОССА (внутри текста): Ведь существуют некоторые птицы, которые не могут переносить солнечного света. И потому они в основном летают на вечерней заре, особенно в песках эфиопской пустыни, где [даже] умеренный порыв ветра сравнивает следы путников⁹.

Чтобы солнечный свет не лился через край, светлое облако [вокруг солнца] должно умерять силу его (Матф., XVII, 5), и свечение его было слабым, неярким и не сильным, кроме как в высших областях, подобно звездам. О вышеназванном облаке этом толкуют, что оно либо возвращается в материю, из которой было сотворено, либо оно — звезда, которая шла впереди¹⁰, или голубь, в котором усматривали Святой Дух¹¹, либо оно — постоянный спутник солнца, либо из него сотворено солнечное тело. И, как утверждают математики, Он желал, чтобы все это было не столько для украшения и использования света, сколько для того, чтобы служить знаками времен, и дней, и лет, например, [знаки времени] ясности или бури, либо, чтобы с их помощью определять двенадцать больших знаков и некоторые малые, более многочисленные, чем те, которые называются знаками [зодиака] или

звездами, так как от древности до наших дней люди по ним определяют и обдумывают все, касающееся времени, ибо замечена большая точность [такого определения]. И не нужно говорить, как составители гороскопов, что [состояния] звезд знаменуют судьбы и труды наши, или же что они определяют статус нашей жизни и управляют им, как тому учат в некоторых опытах, называемых *apotelesmata*¹². Не нужно верить тому, [что говорят] о небе, за исключением того, что является отражением [воли] Отца небесного. Что же до [появления] времени, то нельзя считать, что оно берет свое начало от [момента создания] планет, ибо время возникло одновременно с возникновением мира. Однако благодаря планетам различаются четыре времени [года]. В то время как солнце спускается к [созвездию] Козерога, начинается зимнее солнцестояние, когда же оно спускается к [созвездию] Рака, — летнее.

Между ними на обоюдоравном расстоянии Он создал равноденствие. Либо же здесь [использован] гендиадис, то есть [выражение] «знаки и времена» означает «знаки времени». Что касается «дней», то о них говорится во множественном числе, так как слово «день» употребляется в разнообразных [значениях]: под «естественным днем», например, подразумевается промежуток из двадцати четырех часов и обыкновенный [световой] день. Под «днем» полагают и день, временем не определенный и нам не известный, как, например, [сказано]: ...*В тот день горы источать будут мед...* (Амос, IX, 13). Что касается [слова] «год», то [это слово] также употребляется во множественном числе, так как [у слова] «год» — большое разнообразие значений. И я об этом не говорю, так как у разных народов непременно и разные обозначения больших и малых лет, и каждая планета исчисляет свои годы. Но мы употребляем это [слово] по церковному установлению. Есть лунный год, состоящий из 354 дней; есть солнечный из 365 дней и четверти [дня], то есть 6 часов; есть и високосный из 366 дней, «вставной» год из 380 дней и более, имея 13 лунных месяцев¹³.

Называется же год «годом» от «апа», что значит «вокруг», так как от себя к себе возвращается. Потому древние до использования письменности год изображали в виде змеи, хвост которой упирается ей в рот. Сотворенные светила разместил Бог на тверди небесной, хотя и не постоянно, чтобы отделяли они свет от мрака.

МАРГИНАЛЬНАЯ ГЛОССА: .../[Предложение, где говорится/ что луна могла быть сотворена в полнолуние, сравнивается с другим переводом, в котором написано: «И меньшее светило [было сотворено] в начале ночи. Но в начале ночи луна не восходит, если только она не полная, то есть круглая, и греки называют ее «рап», что по-латыни значит «полная», и «selenos», то есть «луна», или «mens», что тоже значит «луна», которую мы называем месяцем...

Потому предполагается, что солнце было сотворено утром на востоке, а при наступлении вечера, в начале ночи, также на востоке, подобно солнцу, была сотворена луна. Некоторые, однако, считают, что оба [светила] были созданы утром – солнце на востоке, а луна – на западе, и когда солнце клонится к закату, луна под землей проходит на восток в начале ночи.

О трудах пятого дня

На пятый день украсил Бог воздух и воду, даруя воздуху летающих, а воде плавающих. И та, и другая воды были украшены: ведь легок переход из воды в воздух, благодаря разжижению, и воздуха в воду, благодаря уплотнению.

Моисей назвал рыб рептилиями, так как они все захватывают себе толчком, подобно змеям, и не встают на ноги, подобно животным. Относительно сказанного: ...И сотворил Бог летающее над землею, по тверди небесной..., – заметь, что Платон ошибался. Путешествуя по Египту, он читал Моисеевы книги, и полагал, что Моисей считал птиц, [то есть летающих] близ земли, украшением воздуха, высшие же слои [полны] какодемонов и калодемонов¹⁴. Но это не так. Ибо сказано, в эмпиреях обитают добрые демоны, злые

же вытеснены в наказание в непроглядную темень вовсе не для украшения¹⁵.

И сотворил Бог, то есть вылепил, огромных морских животных. Слово «животное» среднего рода и несклоняемое, склоняется только cetus¹⁶.

И сотворил всякую душу живую и подвижную, которую произвела вода. Души рыб и птиц называются подвижными из уважения к душе человека. Те движутся от небытия к бытию, а человеческая душа нет, так как она вечна. Но, возможно, они вовсе не имеют души, а лишь растительную душу, ибо она прекращает [существование] вместе с животным. Само же животное он назвал одушевленным, то есть тем, что живет. Потому и греки подразделяют [живое] с помощью понятия zoa¹⁷ на живую душу (psycheia zoa), то есть на неразумных животных, но одушевленных, и на душу, которая есть душа разумная. Но именно о подвижной твари говорится, что она сотворена так, чтобы двигаться от жизни к смерти¹⁸, не о человеке, сотворенном не для такого движения, если только он [сам бы не] пожелал. Те же созданы либо в пищу другим, либо чтобы умереть от старости. *И благословил их Бог; говоря: плодитесь и размножайтесь.*

ГЛОССА: Августин же, кажется, полагал, что души рыб называются душами потому, что обладают памятью. В районе Буллиса (?) есть источник, полный рыбы, которая стайкой подплывала к человеку, шагающему вверх [к истоку], приходила и стояла в терпеливом ожидании, пока он ее не покормит, как она к тому привыкла¹⁹.

О трудах шестого дня

На шестой день украшал Бог землю. И произвела земля три рода животных; ...скотов и гадов, и зверей земных... Поскольку Бог знал, что человек через грехопадение получит в наказание труд, то скот он дал ему как помощь в трудах, ибо он пригоден ему и как пособление, и для еды. Гады же и звери даны ему для испытания. Гады, или пресмыкающиеся, трех видов:

волочащиеся наподобие червей, которые волокут себя головою; ползучие как змеи, волокущие себя силою боков; передвигающиеся с помощью ног типа ящериц или лягушек. Звери называются ненасытными из-за прожорливости, то есть вследствие их вредоносности и свирепости. Можно спросить про мелких тварей, рождающихся обычно от трупов и падали, были ли они тогда же произведены? Их шесть видов: одни должны происходить от испарения, как, например, москиты; [другие], такие, как черви, рождены до [совершения] кражи [плода от дерева познания]; [третьи], бабочки, из воды; некоторые, такие, как пчелы, из испорченной земли; скарабей и скарбоны, большие мухи, жужжащие в полете, — из лошадей; шестые, гусеницы, например, — из овощей или испорченных фруктов, подобно возникновению хлебных жучков из бобов; черви-древоточцы из гнилых деревьев, а кое-кто из прелой травы. От них, говорят, рождаются те, которые *уже без гнили*, те, например, кто произошел от зимородков. Таким образом, то, что было сотворено из гнили, было сотворено после грехопадения от гниющих вещей. Можно спросить, а не сотворены ли были вредоносные животные изначально кроткими, став вредными после грехопадения? Нужно ответить, что до грехопадения вредные звери кормились пшеном, а после него их добавили к числу трех испытаний, данных человеку, таких как наказание, исправление и наставление²⁰. Ведь человек наказывается, когда ему вредят или когда он боится повреждения, ибо страх — великое наказание. Он исправляется, поскольку знает, что случилось это с ним за его прегрешения; а наставляется он, восхищаясь деяниями божьими, удивляясь, к примеру, трудам муравьев более, нежели бремени верблюдов, или же: видя, что это малейшее [животное] и то может причинить ему вред, вспоминает брэнность свою и смиряется. Кто-то утверждал, что одни животные вредят другим, которые после того не наказываются, не исправляются, не наставляются. Но ими и благодаря им воспитывается лишь человек. Они сотворены, чтоб годиться в пищу другим.

Еще говорят, что они свирепствуют на теле усопших. Но и этим наставляется человек, дабы не убояться ни одного рода смерти, так как Он проведет сквозь любое волнение, чтоб не упал волос с головы человека (Лука, XXI, 18). Обычно спрашивают также о травах и бесплодных деревьях, действительно ли они появились в те же дни, тогда как Писание упоминает только о семенных травах и плодоносящих деревьях? Можно ли сказать, что неплодоносное до греха приносило плоды, а после него предназначалось скорее для трудов человека, нежели для употребления? Или же они произросли вследствие греха, после него, так как сказано было затем человеку: *...тернии и волчицы произрастят тебе земля...* Или же это нужно понимать так: все они во все время на земле несут плоды, то есть имеют явное или тайное применение. Но, подобно тому, как говорилось о рыбах и птицах, о них не сказано: *плодитесь и размножайтесь*. Из сего понять надо следующее: не обязательно постоянно это произносить: ведь это обычное дело творения.

О сотворении человека

О сотворении человека затем добавляется: *Сотворим человека* и т.д. И либо говорит это Отец Сыну и Духу Святому, либо же то был общий глас Троицы: «Сотворим по-нашему [образу и подобию]. Сотворен же был человек по образу Божию, то есть по Его духу (ведь образ Бога есть дух по сущности), и по разуму Его (так как дух сотворен разумно, как у Бога), и по подобию в добродетелях, то есть в добре, справедливости, мудрости: благодаря такому образу Бог спешит на помощь человеку (Псалмы, XXXIX, 18), так как человек не утрачивает его и в прегрешении. Что же до подобия, то его он часто лишается.

...Мужчину и женщину, сотворил их... Это касается тела. Однако утверждают, что тотчас же сотворил Он и душу. Слово «их» употребляется во множественном числе, чтобы мы не думали, что Он сотворил андрогинов, то есть гермафродитов. Однако телом человек в известной мере сотворен был по образу

Бога, так как ...дал человеку Он лик возвышенный... и т.д., как у Бога, ...чтоб небо ему лицезреть и подражать небожителям²¹. Поэтому, когда спрашивали философа, ради чего сотворен человек, он отвечал: чтобы созерцать небо и знамения небесные. И дал Бог человеку власть над другими животными. Достоинство же человека проявляется трояко: во-первых, он сотворен не только по роду своему, как упомянуто, но и по образу Божию; во-вторых, он сотворен по тщательном размышлении. Что касается прочих трудов, то Он сказал – и сделалось (Псалмы, XXXII, 9). Размышляя меж собой, Троица (personaе) говорила: *Сотворим*. В-третьих, человек считался господином над животными, ибо шли они ему в пищу, на одежду и помогали в работе, потому что знал Бог, что в будущем человек станет смертным, до прегрешения же Бог давал в пищу человеку и животным лишь травы и плоды от деревьев, которые они собирали, так как до грехопадения ничего вредного и бесплодного земля не производила. И заметь, что человек после грехопадения лишился господства над такими крупными животными, как, например, львы, и над такими малыми, как мухи, – так познал он ничтожность свою. Над средними же он господствует в утешение себе, ибо знал он, что был властен и над другими. И так благословил их Бог.

Об устройстве брака

...Плодитесь и размножайтесь... Говорят, что Бог не мог сотворить людей живущими вне брака и скрепил союз мужчины и женщины, чем опровергаются некоторые еретики, утверждающие, что не могло быть безгрешного соития.

Спрашивают иногда, зачем человеку [была нужна] пища до прегрешения: ведь он был бессмертен? Мы же отвечаем, что бессмертие, в котором человек был сотворен, нужно было поддерживать пищей, чтобы не стало оно таким, каким стало в будущем, то есть в пище не нуждающимся. Бессмертие человека было таким, что он мог и не умирать. Оно было таким, что

он не мог умереть... И *видит Бог полностью... все, что Он создал, и вот, хорошо весьма..*, но и порознь, каждое само по себе, было хорошо. А в совокупности все было *...весьма хорошо*, как глаз в [глазнице] животного лучше, чем [если бы он был] вне ее. Либо [выражение]: *...все было хорошо весьма..*, — означает: совокупность благ была наилучшей, хотя в ней и было нечто, само собой приходящее в небрежение, однако идущее на пользу другим, что уже есть величайшее благо. И о человеке Он не сказал, как говорил о других: *...И видит что все хорошо*, — ибо знал Он о близком заблуждении [его]. Потому ли, что в то время человек не был завершен, Он из мужа сделал жену. И тогда, и после того вычитывается, что не к добру человеку быть одному.

О субботнем отдыхе и освящении

Итак, завершено [творение] неба и земли. На этом закончены труды. Поскольку небо и земля сотворены, распределены и украшены, то, следовательно, они совершенны. И поскольку созданы они были в Шестоднев, который явился первым свершением из [всего, с тех пор] исчисленного, то в нем, в его совокупных частях, воспроизведено некое целое, коего ты не сможешь обнаружить ни в одном числе-монаде, кроме как в Шестодневе. Числами-монадами называются числа от 1 до 10.

ГЛОССА: *Исчисляя эти свои части, Бог обозначил, какая из них является какой. Но хотя Шестоднев состоит из 1 и 5 или 2 и 4, нельзя все же уверенно утверждать о том, которое из [чисел] присоединяет к себе другое: пятерка или четверка.*

...И совершил Бог к седьмому дню дела свои которые Он делал... По другому переводу: на шестой день. И никакого противоречия здесь нет, хотя по еврейскому закону принимается [версия] «к седьмому дню». И в таком случае спрашивают: нужно ли столь точно определять момент сотворения некоей части дела, тогда как истинно то, что впоследствии дальше: *...и почил Бог в день седьмой...* и т.д. Истинно то, что Он сотворил седьмой день, даже благословил его, а

после почил. Либо же [выражение] «завершил [труды на седьмой день]», означает, что Он его полностью провел, но так как ничего нового в тот день не сотворил, то и отдохнул от новых видов работ. Впоследствии не создал Он ничего такого, материи чего Он не сотворил бы прежде, например, материи плоти, либо подобия, например, подобия души. Не упоминается даже, что Он, возможно, устал отдыхать, и прекратил [это], ибо как сказано у Исайи (V, 3), у серафимов не было покоя и они говорили: *свят, свят, свят...*, то есть повторяли это непрерывно.

...Он почил от всех дел своих... благодаря делу же, то есть действовал по собственному почину. И сказано, как бы отрицая, что Он отдыхал от труда Сам по себе, то есть неизменность Его проявлялась в изменчивости Его дел. Сохраняя устойчивость, Он всему задает движение. Что же до [выражения] «...от всех дел Своих, которые Бог делал...», то им отмечается, что дело было трех родов: творение, расположение, украшение. Над четвертым же родом дел – распространением содеянного – Он не прекращал трудиться. Вероятно, Он совершил и пятый род дел: *...препоясался и подошел, стал служить...* (Лука, XII, 37) там, где в основном [царит] покой. *...И благословил Бог день седьмой...*, то есть освятил его, что значит: пожелал, чтобы был он днем святым и праздничным. Говорят ведь, что суббота всегда соблюдалась разными народами еще до [появления] Закона.

Он даже сказал в заповедях, что празднование ее есть священный обычай: *помни день субботний, чтобы святить его* (Исход, XX, 8).

Эпизод семидневного труда

...Вот происхождение неба и земли... Одни это происхождение определяют делами Его за шесть дней, другие – фразой: *...Адам познал жену свою...*, третьи – [выражением]: *...Вот родословие Адама...*

Я же опускаю сомнительное, потому что мы придерживаемся буквы [Писания].

Так, Он сказал о том, что муж и жена были

сотворены вместе, однако о жене, сотворенной вместе с мужем, не [сразу] повелась речь, потому что, как объясняется, Он, ввиду краткости, замыкал [все сказанное], устремясь [речью] к другому.

«Происхождение» можно понять либо как активное, то есть Божье творение, либо как пассивное, то есть произведенное. И не походя сказано: Он сотворил кустарник прежде, нежели он появился на земле, и траву прежде, нежели она произрастет. Выше Он сказал как о кустарнике, который создан был быстро и враз созревшим и плодоносным, так и о траве произросшей, семя сеющей. К этому, говорят, было приложено два способа Божьего тщания: материального и сущностного. Он сотворил их материально прежде, чем они появились и сущностно произросли. Или иначе, как на то намекает следующая буква: ибо не посылал Господь дождя на землю. Он сотворил их совершенными и сущностно прежде, чем они появились и произросли. Ныне это происходит благодаря тому, что они пропитываются влагой и благодаря приложенному ради этого труду людей. Тогда они постепенно произрастают и зреют. А в то время [лишь один] источник орошал землю, как Нил орошает Египет.

ГЛОССА: Поочередно, по отдельным частям, как говорят, и Иордан орошал весь Пентаполис²² до [его] разрушения; и Августин сообщает о некоторых источниках, орошающих одну какую-либо область с удивительной очередностью, дабы мы не могли подумать, что был бы потоп, если бы вся земля одновременно покрылась водой. Или же, как можно прочесть, там, где не один источник, там — множество, например: придет саранча²³.

О сотворении души первого человека

И создал Господь человека из праха земного. Тогда впервые человек называет Бога Господом, или же: тогда [Господь] впервые обрел раба, то есть труженика.

После сжатого повторения идет более пространная речь о сотворении человека, любого из двоих, хотя прежде всего речь идет о муже. Поскольку человек состоит из двух частей, речь [вначале] идет об одной из

них: [плоти]. Что касается плоти, то сказано: *...создал Он человека из праха земного...* Что касается души, то утверждается: *...Он вдохнул [ее] и пр., как бы намекая: тело Он сделал из земли, а душу из ничего.* По другим переводам, Он вдунул или дунул, что вовсе несообразно для Бога, как думали некоторые, полагая, что у Него нет горла и дыхания. Ведь *...Бог вдохнул...*, означает, что Он сотворил дух. Подобным образом [можно сказать]: Он вдунул, то есть тотчас создал душу. Так у Исайи: *всякое дыхание, мною сотворенное...* (Исайя, CVII, 16). То, что говорят относительно образа, [надо понимать] как синекдоху, где целое понимается через часть. Он одушевил всякого человека, но образ, как наиболее достойную часть, способную к чувствам, Он только назвал. Душу Он назвал и *...дыханием жизни, так как благодаря нему человек дышит и живет.* И потому сказал: *...душею живою...* в себе, то есть живой в вечной жизни, не переменчивой, как душа скота. Это место Платон совершенно не понимал, утверждая, что Бог сотворил не души, но плоть ангелов; им сказано: *Боги богов, которым я и отец и творец*²⁴. Оттого некоторые полагают, будто Он не мог сотворить душу из божественной сущности, ибо в таком случае [человек] никоим образом не мог бы согрешить. Другие же делают различие между дыханием жизни и душой, говоря, что дыхание жизни и есть дух. Но они признают, что дан он человеку для порождения, ибо Он сказал: *...кость от костей моих...* Третьи проводят [совсем] иное различие, называя дыхание телесной душой, [находящейся] в теле любого живого существа, которое обнаруживается с помощью пяти органов чувств и постепенно угасает, и пока это существо не умрет какой-либо частью тела, дыхание в нем здесь до тех пор будет чувствоваться, хотя в другой части тела оно могло угаснуть.

Сотворен был человек в зрелом возрасте, равно смертный и бессмертный, который мог умереть и не умирать. И душа растеклась по ранее сформованному телу, но спрашивают, в самом ли теле она была сотворена в тот момент, как в нем разливалась, или же

вне тела? И естественно ли для нее желание облечься плотью?

Однако какие бы страсти ни кипели вокруг всего сотворенного после [творения неба и земли], можно утверждать, что дыхание сотворяется внутри тел в то самое время, как оно [в них] внутри разливается.

О рае и его деревьях

И насадил Господь Бог рай в начале для собственного удовольствия. Кто-либо может спросить: остался ли человек в том месте, где был сотворен, то есть в поле возле Дамаска? Нет. Куда же он был перенесен? В рай, который Бог насадил на третий день, то есть заполнил растениями, произведенными в начале творения, то есть когда появилась суша, травы и деревья. И Он заставил землю прорасти. Либо же слова «в начале» означают: в центре круга, отчего в других переводах читается: рай был в Эдеме, на востоке²⁵. «Эдем» в переводе с еврейского на латынь означает «радость». «Рай наслаждений» – то же, что «рай в Эдеме», то есть в радости. Но «в начале» означает то же, что «на востоке». Это благословенное место, утаенное от жилья и окаймленное морскими и земными широтами, столь высокое, что достигает лунного шара. Потому не добрались до него воды потопа. И этот рай – небесная империя. И называется он раем духовным, поскольку это область духа. Утверждают, что в духовном смысле рай это блаженная жизнь, либо церковь.

И произвел Бог в раю из земли различные деревья, видом которых человек наслаждался, а вкушением [плодов] – подкреплялся. [Выражение] «произвел» означает, что либо Он отвел [их] вдаль, вверх, либо же «произвел», то есть *произрастил*, ради человека.

...Посреди... этих деревьев Он поставил – как наиболее достойные *...дерево жизни и дерево познания добра и зла...* Дерево жизни названо так по тому влиянию, которое оно, естественно, могло оказать на человека, поедающего [плоды его], то есть укрепить его

вечное здоровье так, чтобы его не заботили ни немощь, ни старость, ни недомогания, ни слабость при угасании или смерти. Дерево же познания добра и зла называется так по тому следствию, [которое] случится, когда будут отведаны [плоды]. Ведь не знал прежде человек, что такое зло, так как был еще неопытен. Добром мы называем благоразумие и воздержание, а зло — болезнью и немощью, которых еще не ощутил человек. Он познал это через опыт так, как по одной из противоположностей узнается другая, но не через эксперимент, то есть так, как это делает врач: он не знает о болезни, пока человек здоров, но больше узнает о ней, когда тот заболевает. То же говорят о прекрасно воспитанном ребенке, так как он не знает, что такое зло. Даже больше того: он еще не знал и сколько добра [на свете], и сколько зла. Либо же злом называется непокорность. И мало ли зла от непокорности. Платон, не допускающий, что это может зависеть от [силы] деревьев, которая есть у дерева жизни и дерева познания добра и зла, расценивал сказанное о человеке так, будто он живет, познавая, что такое добро и зло. Выражение «посреди» он переводил как «он поместил», [полагая], что человек есть своего рода посредник между творцом, стоящим над ним, и чувственным миром, находящимся под ним²⁶. Он говорил, что творение этого человека отличалось от творения других людей благодаря двум добавлениям: жизни и знания добра и зла, что [можно объяснить], например, с помощью самосской (откуда она родом), или пифагорейской (по имени изобретателя) фигуры. Она представляет собой прежде всего цельное тулово, расщепленное затем на верхушке²⁷. Так и человек: в начале жизни он только как бы живет, не расходуя ничего из того, что дается мужам на размышление. Но когда он достигает возраста различения, тогда и раздваивается между добром и злом. С этого момента его первые же дела стали благими или дурными. Но не так произошло с Адамом, как будто бы данная ему жизнь есть вместе с тем знание добра и зла. И об этом Он как будто говорил: сотворен человек телесным, Богу

покорным, царствующим над животными и одновременно живущим. И [лишь потом] он познал добро и зло.

О райском источнике и о четырех реках

...Выходила наружу река.., или источник ...для орошения рая.., то есть [для орошения] райских деревьев. Слово «источник» можно понять как бездну, то есть утробу всех вод, либо же это слово понимается как силлепс, [когда] единственное понимается как множественное²⁸. Орошать же положено для того, чтобы наполнять влагой. Говорят, что окрестная земля увлажняется реками благодаря подкопам, то есть подземным путям, проложенным на четырнадцать или пятнадцать стадий.

...Эта река разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон.., которая по имени гангского короля, что в Индии, называется также Гангом и интерпретируется, по Исидору, как скопище, потому что в него впадает десять рек, либо же как смена устья, так как меняется внешний вид [реки] по сравнению с тем, что был у нее в раю. Меняется он тройко в разных местах: цветом, который здесь светлый, там темный или мутный; количеством, которого здесь мало, там много; ощущением – здесь холодно, там жарко. Она обтекает всю землю Хавила, то есть Индию, и тащит с собой золотой песок.

Имя второй реки Гихон, либо Гион, либо Игион, либо Нил, и означает оно «расселина земная», либо «земной», так как мутен. Он обтекает Эфиопию. Две же другие назывались вначале именами Тигра и Евфрата. Тигр – стремительнейшее животное, и река своей скоростью напоминает тигриную. Она протекает пред Ассириею. Иосиф²⁹ говорит, что Тигр называется Тиглатом, что означает «острый» либо «узкий». Евфрат же называется Фаром, то есть «плодородным» или «плодоносным». О том же, через какие области он протекает, Моисей, как замечено, умолчал, ибо это – в Халдее, откуда вышел Авраам.

Как мы сказали, эти четыре реки струятся из

одного истока и разделяются, а некоторые из них снова меж собой соединяются, часто же поглащаются землей и во множестве мест опять выбиваются [наружу]. Потому разное читают об их происхождении. Утверждают даже, будто Ганг берет начало в горах Кавказа, Нил – неподалеку от Атласских гор, а Тигр с Евфратом – в Армении.

О наставлении и возбранении [вкусать от дерева познания]

И перенес Бог человека из места творения его в рай, то есть в земной рай, чтобы он там занимался, но не [тяжким] трудом по необходимости, а ради наслаждения и созидания. И так *Он охранял его*, то есть человека. Либо же эти [слова] относятся к человеку, то есть что человек охранял рай и возделывал, как сказано. В некоторых же кодексах нет слова «его», но есть слово «это». И в таком варианте есть смысл: «он охранял» значило, что человек обдумывал дела свои, к примеру то, что он мог сделать на земле с помощью агрикультуры. И наблюдал за самим собой благодаря дисциплине, и как земля – ему, так он сам повиновался своему Творцу. *Тот наставлял его, говоря*, и т.д. Чтобы человек узнал, что ему быть под Господом, он принял от Господа наставление. Всякий завет состоит из двух вещей: разрешения и возбранения. И то и другое обычно, и это использовано Господом. *И заповедал [Господь Бог человеку]: от всякого дерева ты можешь есть; и запретил: а от дерева познания добра и зла нельзя есть.* И заповедано было мужу, чтобы от него перешло к жене, либо же это предупреждение было дано им обоим вместе после того, как была сотворена жена. Он тогда определил и возмездие, если [человек] презрит [заповеданное]: *в тот день, в который ты вкусишь [от древа], смертию умрешь*, разумея [смерть] души и то, что [отныне] для тебя смерть станет неизбежностью. В другом переводе [об этом] сказано понятнее: ты станешь смертным. А 70 толковников употребляют множественное число: в тот день, в

который вы вкусите [от древа], смертью умрете. Некоторые считают, что и то и другое было сказано и о том заповедано. Объявлена же Божья воля была через некоего тварного субъекта, к примеру через пророков или ангелов.

ГЛОССА (внутри текста): Сразу расскажем о различных переводах [Писания]: его прославили в 341 г. до воплощения Господа во времена Птоломея Филадельфа 70 толковников. По Вознесении Господа в 124 г. процветал в царствование Адриана Аквила Иудей, принявший христианство, первый толкователь из евреев в Греции; затем через 54 года, – Коммод в царствование Феодосия; затем, через 30 лет, при Севере, – Симмах; затем, через 8 лет, обнаружилось в Иерусалиме пятое переложение, которое, поскольку автор его неизвестен, называется Вульгатой. У Оригена это переложение называется обычным, так как мы обычно им пользуемся. Затем, через 28 лет, при Александре, Ориген исправил [перевод] 70 толковников со ссылками и пометами, а затем представил [текст] без оных. Все они переводились с еврейского на греческий. Иные же с греческого на латынь. Многие дилетанты в обоих языках, принадлежавшие к ранней церкви, переводили с греческого на латынь Послания. Иероним последним перевел [Писание] с еврейского на латынь, коего издание нами теперь используется. «Периархон», или «О началах». «Периархон» – это книга, в которой Ориген говорит Христу, что он до сих пор страдает от демонов, [которые носятся] в воздухе, как страдал и на земле от людей. Этим же авторитетом сказано: Не люби ничего из того, что ты сделал³⁰.

Об именовании животных и о сотворении жены

И сказал Бог: нехорошо; что человек один. Сделаем ему кого-либо из помощников для рождения детей, чтобы ему был подобный. Подобное же, естественно, рождается от подобных, но, чтобы Адаму не казалось излишним сотворение жены, поскольку он полагал животных себе подобными, то Бог привел к нему все живое на земле и в воздухе, а некоторые полагают, что и всякую душу живую в воде: «Прими все». «Все» – это

либо то, что на земле, либо даже то, что скрыто под водой, содержит землю; либо же это рыбы, которые впоследствии были узнаны людьми и поименованы. Что ясно, так как это то, что они равно называются животными земли, так как оказались им подобными. Сделал он так, чтобы они все вместе пришли по воле Его, [силою], которой Он все сотворил, либо же они частично были сотворены с помощью ангелов.

Он привел [их] парами, чтобы человек нарек им имена, отчего они узнали бы, что он стал их повелителем, а Адам бы не опознал ни в ком из них себе подобного. И нарек им имена Адам на еврейском языке, который был вначале единственным. Отсюда можно сделать вывод, что все известные сейчас имена до разделения языков были еврейскими. И когда [Адам] не обнаружил никого, подобного себе, *...навел Бог на человека крепкий сон...*, даже не сон, а скорее экстаз, во время которого, полагают, он мог присутствовать в небесной курии. И, бодрствуя, пророчествовал о соединении Христа и церкви, и о грядущем потопе; узнал он там также и о Суде через [очищение] огнем, возвестил и о детях своих.

О сне Адама и сотворении жены из его ребра

...Когда он уснул, Бог взял одно из его ребер, т.е. плоть и кость, и с помощью ангелов встроил его в жену, сотворяя плоть от плоти моей и кость от кости. И поставил ее перед Адамом, который сказал: *...вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей...* Ныне эта поговорка привела в заблуждение иудеев, так как они утверждают, что, поскольку [жена] была сотворена раньше, о чем сказано: *мужчину и женщину сотворил их*, – то теперь Адам якобы сказал: первая жена была сотворена со мною из праха, а эта из плоти моей. И Иосиф сообщает, что женщина была сотворена вовне и была перенесена в рай вместе с мужем – в тот сад-де... *«ввел Бог Адама и его жену и повелел им ходить за деревьями...»* Выдумывают и многочисленные бесконечные генеалогии двух жен

Адама, но в самом тексте всегда речь заводится о его жене – [слово употреблено] в единственном числе, в чем можно убедиться.

Заметь, что дело касается формирования женщины. Однако сказано: ...от *плоти*... По этой причине некоторые полагают, что Он умолчал о [ее] душе. Однако дается понять, что душа женщины была переведена в нее из души мужчины, подобно плоти от плоти. Августин, кажется, колебался, так ли нужно думать о [ее] душе? Переводом ли это было сделано, или [как прежде, душа женщины была сотворена] из ничего? Но само умолчание о душе [свидетельствует] скорее против этих [соображений]. Ведь если женская душа была переведена, это означает, что она сделана иначе, чем мужская, сотворенная из ничего. Но если она сделана иначе, то не стоило бы об этом умалчивать, чтобы не возникало сомнения, будто она сотворена не так, как мы уже слышали, – из души мужа. Следовательно, умолчав, Он подал знак, что не стоит думать, будто она была сотворена иначе, чем прежде, как нам известно.

Об именах жены

И нарек Адам жене своей имя, как господин ее, говоря: пусть она будет называться мужеподобной (*virago*), то есть сотворенной мужем. И это было ее собирательным именем, произведенным от имени мужа, наподобие того, как имя матери было собирательным от матери. Так и название «мужеподобная» – от имени «муж». Таково было вначале собственное имя женщины. Теперь же оно – общее всем, а синкопа – *virgo*, дева³¹. Девами с тех пор стали называть тех, кто [из них] от рождения целомудрен. Утратившие целомудрие называются женами. Подобно этому собственное имя Адама вначале принадлежало ему одному. Теперь же оно – общее, и «Адам» значит «красный» либо «красная земля» так как, по Иосифу, он был сотворен из нетронутой красной глины, то есть девственной земли, истинной. Либо же красной она называлась сообразно с тем, что ее ожидало в будущем,

то есть кровавой, то есть грешной. Именем крови часто означают грех, например, слипшееся от крови платье, и кровь оросила кровь.

Нарек он жену также и другим именем – Ева, но это уже после грехопадения; [Ева] звучит как «жизнь», так как в будущем она станет матерью всего живого. Однако в этом месте не прочитывается, что он так ее нарек, [это произойдет] ниже, после проклятия [Богом]. Как бы сильно горя о несчастье человеческом, он назвал ее Евой, которая с воплем будет рождать детей, притом новорожденный мужского пола будет кричать «а», а новорожденный женского – «е». Этим он как бы сказал: все они прокричат «е» либо «а», сколько бы их не родилось от [матери по имени] Ева.

О пророчествах Адама

Адам, после того как дал имя [жене], тотчас стал пророчествовать, говоря: так как жена создана из ребра мужа, то ...*оставит*... – и не раз – человек отца своего и мать свою из-за жены и *прилепится к жене своей* как к частице себя. Либо же он сказал [это], указывая на жену, то есть за-ради этой жены человек *оставит* и т.д. – сие мужами делается ежедневно, либо они, к примеру, прекращают вести совместную [с родителями] жизнь, физически или духовно, так как ревность мужа к жене больше, нежели любовь детей к родителям. Я не говорю [того же самого] о любви родителей к сыновьям: влага поднимается от ствола к веткам, но не возвращается назад. Потому он не говорит, что родители по такой же причине оставляют чад... *И будут они вдвоем едина плоть*, то есть соединятся оба в едином плотском деле. Либо же [слова]: *будут они вдвоем едина плоть* – [означают]: ради рождения потомства. Ведь не из одной крови, но из кровей образуется тело младенца. Либо же [эти слова означают], что [в таком деле] муж и жена соучаствуют лично, как одно целое, а во всем прочем их – двоица, ибо у бесполого нет власти над своим телом.

Об их невинности до презрешиения

...И были оба наги и не стыдились... Они вовсе не думали об одежде, потому что совсем не чувствовали никакой необходимости укрощать [плоть]: мы, например, не красеем, если кто-либо [из нас] увидит руку свою, голову или ноги. Постыдное происходит от некоей необычности в движении членов. Да и дети не красееют, рассматривая признаки своего пола, так как – по благости – не ощущают в этом ничего постыдного. Кому стыдно и не по себе, тот, значит, не безгрешно производит определенные телодвижения, иногда извиняемые надеждоу на потомство. Впрочем, даже будучи оправдан в грехе, он не может освободиться от позора. [Так было] со св. Захарием, когда познал он св. Елисавету, чтобы родить св. Предтечу Господа, чего он, кажется, не хотел обнаруживать (Лука, 1). И очевидно было, что Бог возвестил им обоим о непорочности плода, ибо он Господу предтечен.

О возвышении змея, либо дьявола

Змей был хитрее всех зверей на земле... по естеству и по напору. По напору, – ибо был полон злым духом. Люцифер, выброшенный из рая один из духов, завидовал человеку, поскольку тот оставался в раю во плоти. Он знал, что, если заставит его презреть [завет], то и тот будет изгнан. Боясь быть застигнутым мужем, он обратился к жене, менее осторожной и надежной, стремясь склонить ее к пороку. И это он предпринял в образе змея, так как змей в то время был возвышен, как человек, и [лишь] после проклятия был низвергнут. И до сих пор существует поговорка: он идет гордый, как змей. Род змеиный, как говорит Бэда³², был избран потому, что у него девичье лицо, так как подобное радуется себе подобному. И красноречив язык его, хотя и бестолков, – так говорят фанатики и одержимые. И говорит он без толку: почему заповедал вам Бог, чтобы вы не ели *...ни от какого древа в раю...*, то есть чтобы вы ели от дерева, но не от всякого. Ожидая ответ, он хотел найти в нем повод для

разговора, ради которого пришел. Так и произошло. Усомнившись, сказала жена: а мы случайно не умрем? Так как, сомневаясь, она слегка [в разговоре] отклонилась в сторону. Он же, успокоенный достигнутым, сказал: Вовсе нет, не умрете. Но не желает Бог, чтобы вы уподобились ему в знании... И знает, что [в день], в который вы вкусите от дерева..., которое он завистливо охраняет, ...вы тотчас станете, как боги, знающие добро и зло... И возгордившись, жена поверила [ему], желая уподобиться Богу.

О вкушении плода и состоянии после греха

И увидела жена прежде всего, что дерево видом, запахом или же осязанием [столь же прекрасно] как мир. Заметив, что его плоды пригодны в пищу, поела и дала также мужу своему, как бы ненароком обратив на это его внимание убедительными словами, которые законодатель опустил ввиду краткости. Тот же легко с нею согласился, так как раньше думал, что, по слову Божьему, жена тотчас умрет. Но увидел, что мертвой она не стала. Он предположил тогда, что сказано это было Господом для острастки, и он ел. ...*И открылись глаза его...*; то есть он увидел, что они познали то, чего [не знали] прежде, а именно несообразность наготы. Либо же [рассказ сей] не стоит рассматривать как обнаружение этой несообразности телесными очами: *и увидела жена, что дерево* и т.д. Они не приблизились к дереву, чтобы пощупать его. Когда же мы говорим о глазах их, то [имеем в виду] желание их и познание.

И ведь были у них и прежде естественные побуждения, но задавленные и утаенные, как у детей до возмужания, а в тот миг они, подобно ручейку, вскрылись, начали шевелиться, увлекаться, и не ощущали, что и прежде внутри бились, как птицы. Сейчас же они опробовались и обнаружились. И как [люди] не повиновались своему Господу, так и их члены начали играть против [воли] своего господина, то есть разума. И первое волнение страсти они почувствовали в гениталиях. И обнаружив, что те вышли из-под их

контроля, они устыдились. Потому [половые признаки] были названы срамом. Прочие же органы покоятся или действуют по воле человека, но не сами по себе. Поскольку же [через гениталии] открываются врата потомству, то неповиновение членов, как знак неповиновения родителям, запечатлен на вратах. ...*И они познали, что наги...*, то есть что у них разный срам, то есть покраснели, увидев постыдное. Иосиф, однако, передает, что знание того, что они наги и [оттого] смущаются, зависело от вкушания плодов — таков, естественно, результат обладания, дерево, как оказалось, повлияло на их рассудок и мышление.

О проклятии змея, мужа и жены

Тогда они препоясались, сделали себе короткую одежду и опояску как набедренник из смоковых листьев, и не беспричинно: если сильно растереть чресла этим листом, то смазанное [его соком] тело человека тотчас почувствует зуд похоти. Таким образом можно представить, что они почувствовали плотью этот зуд, означающий зуд желания, овладевшего ими. Потому и говорят, что смоква запретное дерево.

И услышали голос Бога, ходящего [по раю]. По тому, как Он ходил, они поняли, что Он уличил их в нарушении завета. Он разговаривал с ними через субъектное творение. И они ...*скрылись от лица Бога между деревьями. И воззвал Господь к мужу...*, коему дал завет. И вскричал, как бы не обнаружив [его]: ...*Адам, где ты?* (Как бы призывая: Посмотри, в каком ты несчастии). Тот сказал: *Я спрятался, потому что я наг.* (Глупый ответ, так как, видите ли, не понравилось тому, кто таковым был сотворен, что он наг). ...*И сказал Господь: кто сказал тебе, [что ты наг] и не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?* Тот же, смиренно сознаваясь, но сваливая грех на жену, вопреки тому, что именно он — даятель жены, сказал: ...*жена, которую ты дал в товарищи, она дала мне от дерева и я ел. И сказал Господь жене: почему ты это сделала?..* Но и она не обличила себя, а свалила грех на змея (так умолчите же об

авторитете змея!). Змея же Господь и не спрашивал – ведь не от себя он это содеял, но дьявол через него. И проклиная их, Бог начал соответствующий отсчет проклятий, по обычаю со змея. Ведь змей согрешил первым – и прежде и втрое больше. Жена была следующей, она согрешила менее его, но вдвое больше, чем муж. Муж [в этом счете] – последний и с меньшим грехом: за одного только себя. Ведь змей завидовал, лгал и обманывал. На эти три [качества его] откликнулись три проклятия. За то, что завидовал он превосходству человека, ему сказано: *...ты будешь ходить на чреве твоём...* За то, что лгал, наказан в уста, отсюда: *...и будешь есть прах во все дни жизни твоей...* И мало того: Бог отнял у него голос и впустил в рот яд. А так как он обманывал, то получил следующее: *...и вражду положу между тобою и между женою.* Здесь намек на то, что Ева раскаялась: *...она будет поражать тебя в голову..*, которую змей, естественно, оберегает, как жилище жизни. *...А ты будешь жалить ее главным образом в пяту.* И как естественна ненависть между лошадьми и грифами, волками и собаками, так и между человеком и змеем. Подобно тому как яд змеиный губит человека, так и плевки голодного человека убивают змею. А поскольку до сих пор [люди] были наги, то змей боится голого человека, бежит и бросается на одетого.

Жена согрешила вдвое: возгордилась и отведала запретного. Так как она возгордилась, то Он унижил ее, говоря: поскольку ты неистова, то будешь под властью мужа, так что уязвлением он будет пригвождать тебя при увядании. Теперь она подчинена мужу по договору и со страхом; она и прежде покорялась ему, но только любовно. Поскольку согрешила в плоде, в плоде и покарана была. Оттого и сказано ей: *...в болезни будешь рождать...* То, что сказано ей: в болезни, то проклятие, но вместе и благословение: *...ты будешь рождать...*: ибо проклято все бесплодное (Исход, XXIII, 26). Таким образом, карая, не забывал Бог о милосердии, что замечено и относительно других проклятий людям.

Адам, прегрешивший только вкушением [плода] и покаран тем, что тяжким трудом должен добывать себе пропитание. Сказано об этом [так]: *...проклята земля за тебя..*, то есть за прегрешение, которое привело к тому, что земля, прежде дававшая сама по себе прекрасные и изобильные плоды, теперь [рождать будет] редко, не без помощи труда человека, а иногда вместо съедобных плодов произрастит тернии и волчцы. И Он добавил: *«...И будешь питаться полевой травой... И тем станешь как скот»*. Так проклял Он землю, то есть внимание было переключено с плодов земли на плоды воды. Ведь можно прочесть, что Господь съел рыбу, но не отведал мяса животного с проклятой земли, кроме, разве, пасхального агнца, как предписывает Закон. Он добавил также о труде: *«...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю..*, то есть пока не умрешь, *...ибо прах ты, и в прах возвратишься...* Красиво сказано: *«...вернешься..*, то есть останешься таким, каков ты сейчас, в этом состоянии, пока не перейдешь в лучшее. От несчастья к несчастью будешь переходить ты по свойству текущей воды.

Вот тогда Адам, оплакивая бедствия потомства своего, нарек имя жене своей: Ева, как сказано.

Об изгнании Адама и Евы из рая и о мече огненном

«...И сделал Господь Адаму и жене его кожаные туники...» — сделал, то есть, из шкур павших животных, чтобы носил он их на себе в знак смертности, *«...и сказал: Вот Адам стал, как один из Нас...»* Но здесь ирония: как бы ни хотел он быть как Бог, однако очевидно, что это не так. И не голос Бога издевающегося, но глас исцеляющего от гордыни. Глас, то есть, Троицы, то есть глас Бога к ангелам. Но тогда он был и гласом рыдающих, чтоб открылось: сотворен был человек, чтобы именно быть как один из Нас, если бы остался, [в том состоянии, в каком был сотворен]. А теперь уже не протянет он длань свою и не возьмет от древа жизни и не вкусит от него, и не станет жить

вечно. Это апозиопезис³³, что значит: посмотрите либо остерегайтесь, либо изгоните его. Суровой кажется сентенция Бога, добавившая кару изгнанием к уже перечисленным карам. Но напротив, наказание, которое Он назначил, Он милосердно смягчал, чтобы из этого воспоследовало истинное: когда сам будешь разгневан, вспомни о Его милосердии, [смысл которого в том], что они должны будут победить в несчastьях. Ведь чем продолжительнее была жизнь, тем плачевней она была бы. Если бы отведали они от древа жизни, то жили бы дольше и дольше бы были несчастными. И не удивительно, что после греха, совершенного через отведывание [плодов] от дерева, они жили гораздо дольше по сравнению с нынешними временами. Есть некие острова живых, где никто не умирает, где в листве деревьев застревает пух, которым они питаются. Жизнь, например, серов³⁴, продлевается едой этого пуха. Даже Александр³⁵ писал Аристотелю о жрецах деревьев солнца и луны, которые проживают длиннейшую жизнь оттого, что вкушают от плодов их.

И, как говорилось, Господь изгнал его из рая из-за сластолюбия, чтобы возделывать землю, из которой он взят. [Под землей] подразумевается поле близ Дамаска, из которой он был взят, на котором Каин убил Авеля, брата своего, возле которого погребены Адам и Ева в двойной гробнице.

ГЛОССА (внутри текста): Церковь так изображает изгнание прародителей. В начале поста, когда она отлучает грешников, то выдает им козью власяницу в знак кожаных туник, [посыпает] пеплом их волосы в память о проклятии: ты прах и т.д. Несут зажженные свечи, так как в знак того действия, благодаря которому они сумели дотянуться рукой до запретного плода, Он поставил меч огненный в рай. Они переходят в другую церковь, там перед ними запирают двери в знак изгнания из рая, некогда затворенного; и не за столом они вкушают пищу, а на земле, так как проклята земля в труде твоём. Никто не говорит им «аве», будь здоров, так как не было еще изменено имя «Ева», что совершенно было при приветствовании блаженной девы Марии.

И Он поставил херувима перед раем наслаждений — с огненным и обращающимся мечом³⁶, дабы ангел огнем охранял человека от дьявола. Либо же: там Он поставил огонь на служение ангелам, которым запер вход в рай и который называется именем «меч», но не всякий меч, а обращающийся, то есть секущий в обе стороны, так как положил Он человеку такое наказание: карать в обе его части — в душу и в тело. Меч, или огонь, был похищен ко времени Илии и Еноха, но не до конца, покуда по смерти Христа он не погас вовсе. Если спрашивают, например, что есть тот огонь, что он истребляет, то можно ответить: огонь бывает нескольких видов, как о том упоминается в житии блаженного Николая. Там сказано: если ты приложишь руку к огню, то почувствуешь жар, но рука не сожжется. То есть речь идет не о материи, которую он истреблял, но об опалении духа.

С другой стороны, если кто спрашивает, каким образом Бог позволил человеку соблазниться; ведь знал, что тот оскользнется, и о многом в том же роде, то мы ответим, поскольку сейчас о том речь: Он так пожелал. Но спрашивают: почему Он так пожелал? Вопрос неразумен: [нелепо] спрашивать о причинах Божьей воли, ибо Сам Он — высшая причина всех причин.

Примечания

¹Мандукатор, Коместор – в переводе эти имена означают «Едок». Перевод (фрагмент) осуществлен по рукописи: Petrus Comestor. Historia scholastica., хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (Lat. QvI 229).

²В скобках даются ссылки на те Книги Библии, откуда взят процитированный или изложенный текст. Цитаты, глоссы и слова или фразы, которые комментирует Коместор, выделены курсивом. В данном случае использована цитата не из книги пророка Исайи, а Иеремии.

³В издании Миня (Patrologia cursus completus... series latina ass.J.=P. Migne. P., 1856. Т. 198) после упомянутых строк приводится следующее определение аллегории:

«Аллегория изображается иногда в виде некоего лица: так Исаак означал Христа, так же и Давид некогда означал Христа, – иногда аллегория передается через вещь, не лицо, например, убитый барашек обозначает страдающее человечество, а камень – крепость сердца. Иногда аллегория передается через число, как, например, в рассказе о том, как «ухватятся семь женщин за одного мужчину» (Исайя, IV), то есть семь даров милосердия Святого Духа, иногда через место, например, через гору, на которой Христос учил совершенствованию нравственных добродетелей (Матфей, V. Имеется в виду Нагорная проповедь. – С.Н.), иногда через время, например, «[Молитесь], чтобы не случилось бегство ваше зимой, или в субботу» (Матфей, XXIV, 20), то есть при охлаждении любовном; иногда [аллегория передается] с помощью некоего события, например, убийство Голиафа Давидом (Первая Книга царств, XVII) означает убийство дьявола Христом. Тропология – это речь, обращаемая к сущности души, и она более изменчива по природе, чем аллегория, которая относится к церкви воинствующей, и аналогия, которая относится к церкви торжествующей и Божественной Троичности» (MPL., т.198, col. 1035–1036).

⁴В издании Миня эта глосса помещена после рассказа о сотворении света. В нашей рукописи глосса помещена не на полях и не после текста основного комментария, а как бы внутри текста: колонка его разделена надвое, на одной половине – комментарий Коместора, на другой – пометы переписчика. Помещенная в этом месте глосса обнаруживает свой другой смысл: если у Миня она поясняет идею света, то здесь – идею последовательности творения.

⁵Имеется в виду Моисей. Выше под «Греком» подразумевается Платон.

⁶Гендиадис – одно через два, то есть фигура, выражающая одно сложное понятие двумя словами, из которых одно служит определением к другому или усиливает его смысл. В выражении «знаки и времена», то есть «знаки времен», слово «времена» – определение к слову «знаки».

⁷Философом в Средние века обычно называли Аристотеля.

⁸В Книге Бытия: «И стало так» (I, 6).

⁹В издании Миня эта глосса включена непосредственно в текст Коместора.

¹⁰См.: Матф., II, 8, а также: «Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их» (Матфей, XVII, 5); «И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними» (Матф., II, 9).

¹¹См.: Матф., III, 11, а также: «И крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил как голубь, и ниспускался на Него» (Матфей, III, 16).

¹²Обучение тому, как влияют звезды на судьбы людей.

¹³Очевидно, имеется в виду добавочный месяц римского (доулианского) календаря, так называемый мерцедоний, который попеременно содержал 22 и более дней. См. об этом: *Селешников С.И.* История календаря и хронология. М., 1972, с.56-57.

¹⁴Демоны оскверняющие и нетерпеливые.

¹⁵Высказывание опирается на 4 стих II Послания Петра:

«...Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания».

¹⁶*Cetus*, I — крупное морское животное (дельфин, кит, акула) — мужского рода.

¹⁷Так у Коместора (вместо *dzoon*). Обращаем внимание читателей на многочисленные встречающиеся в тексте (выше и ниже) средневековые начертания слов и этимологии, имеющие существенное для понимания именно средневекового мира значение.

¹⁸Ср.: «Итак, всему, что живет и обладает душой, необходимо иметь растительную душу от рождения до смерти: ведь необходимо, чтобы родившееся росло, достигало зрелости и приходило в упадок, а это невозможно без пищи; таким образом, необходимо, чтобы растительная способность была у всего того, что растет и приходит в упадок» (*Аристотель*. Соч. в 4-х т. I. М., 1976, с. 445).

¹⁹Удивителен следующий пример, приведенный Р.Якобсоном, правда, семиотически переосмысленный: «Если верить итальянским исследователям, то даже рыбы обладают такой способностью [к звуковым сигналам]. Ученые утверждают, что некоторые виды рыб наделены исключительно тонким слухом и что они в состоянии с поразительной точностью различать акустические сигналы с разными значениями. По определенному сигналу рыбки в аквариуме узнают, что сейчас их будут кормить... в этом случае они всплывают к поверхности воды» (*Якобсон Р.* Звук и значение. — *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985, с. 68).

²⁰Понятия средневековой этики.

²¹Ср.: «Дал человеку Он лик возвышенный, дал небо ему лицезреть. И с поднятым челом к звездам обращаться». Овидий. *Метаморфозы*, I, 85. Это — важнейший пример приспособления античного текста к средневековым нуждам.

²²Такое название давалось в античности разным местностям, включавшим в свою округу пять известных городов. Известен Пентаполис (или Пентаполь) в Ливии и в Палестине (Содом, Гоморра, Адама, Сегор и Себоим) — последний имеет в виду Коместор.

²³«Моисей и Аарон пришли к фараону и сказали ему: так говорит Господь, Бог евреев: долго ли ты не смиришься предо Мною? Отпусти народ Мой, чтобы совершил он мне служение. А если ты не отпустишь народа Моего, то вот, завтра Я наведу саранчу на твою область» (Исход, X, 67).

²⁴Ср.: «Боги богов! Я – ваш демиург и отец вещей, а возникшее от меня пребудет неразрушимым, ибо такова моя воля»: (Платон. Тимей, 41 а). Далее в «Тимее» речь идет о создании различных смертных существ, о чем см. также: Платон. Послезаконие, 984-985 с. и далее. Словом «ангелы» переведены платоновские «гении».

²⁵Рай в средневековой географии размещался в центре Земли, собственно центром был и восток.

²⁶Яркий пример приспособления текста Платона для нужд средневеково-христианской герменевтики, к тому же «переданного» в форме определения, что свойственно школе Аристотеля. Ср.: «[Назначение гениев] быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью». У Платона речь идет, таким образом, о срединном положении гениев, а не людей, как у Коместора, у которого эта фраза – явный парафраз Платоновой. «Тимей» рассматривается как своего рода перевод Ветхого Завета, поскольку принимается за достоверное путешествие Платона в Египет.

²⁷Самосская, или пифагорейская фигура изображается буквой Y (юpsilon).

²⁸Силлепс – отнесение сказуемого к ряду подлежащих, различных по роду, лицу и числу.

²⁹Иосиф – это Иосиф Флавий. Его «Иудейские древности» были одним из важнейших источников по библеведению для средневековых комментаторов.

³⁰Библия 70 толковников появилась в 282–283 гг. до н.э. Упомянутый в глоссе 341 г. – явная ошибка переписчика или автора глоссы. Что касается Вульгаты, то до сих пор считалось, что это Иеронимов перевод Библии.

³¹Синкопа – выпадение внутреннего слога либо звука.

³²Бэда Достопочтенный (674–734) – бенедиктинский монах, теолог, автор комментариев к «Шестодневу», труд которого использовался многими последующими истолкователями Библии.

³³Апозипозис – фигура умолчания.

³⁴Серы – народ, живший в Восточной Азии и отождествлявшийся с китайцами.

³⁵Имеется в виду Александр Македонский, воспитателем которого был Аристотель.

³⁶В тексте употреблено слово «ромфея» – длинный меч с широким обоюдоострым клинком, который применялся у неримских народов.

Перевод с латыни и примечания С.С.Неретиной

Неретина Светлана Сергеевна ·
Верующий разум
Книга бытия и Салический закон

Редактор М.Л.Гарцева

Технический редактор Л.И.Черепанова

Компьютерный набор и оформление оригинал-макета выполнены в Центроконцепте при Поморском международном педагогическом университете им. М.В.Ломоносова

Лицензия № 020050 от 27.09.91 г.

Сдано в набор 13.03.95. Подписано в печать 15.09.95.

Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 18,48.

Уч.-изд. л. 17,06. Тираж 2 000 экз. Заказ № 3533.

Издательство Поморского международного педагогического университета им. М.В.Ломоносова

163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56

Типография № 2 ВО «Наука».

121099, г.Москва, Шубинский пер., 6

14-00